Морин Мур

Договор о любви

18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Лэйн Коллинз – капитан бейсбольной команды «Все звезды Орлеанского университета». Самоуверенный питчер. Игрок на поле и за его пределами. Изюминка любой вечеринки. И тот самый парень, в которого я втайне влюблена с детства. Он всегда был мне не по зубам. До тех пор, пока не принял мое интимное предложение – которое вообще – то предназначалось не ему – и не согласился научить меня… искусству соблазнения. Но каково же условие нашего сотрудничества? Мы расстанемся, как только все будет исполнено. Легче сказать, чем сделать, когда дело касается моего сердца. Теперь это совершенно новая игра.

- Морин Мур
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28

- Глава 29
- Глава 30
- Эпилог

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43

Морин Мур
Договор о любви

Любовь на бейсбольном поле

Maren Moore
Homerun Proposal: A Brother's Best Friend Baseball Romance
Печатается с разрешения Literary Agency and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Н. В. Вишневецкой*

The Home Run Proposal © 2023 by Maren Moore, Originally self-published by the author.

© И. Маркова, иллюстрация на обложке В оформлении макета использованы материалы по лицензии © shutterstock.com

© ООО “Издательство АСТ”, 2025

Глава 1
Халли

– Ты глянь, он как будто смотрит, – возмущается Вивьен, прищурив один глаз. Она наклоняется ко мне и переходит на шепот, как будто в комнате толпа людей. – Это же… *пенис*… а таращится так, будто я ему денег должна!

Меня аж передергивает от слова «пенис».

Не отрывая глаз от ноутбука, я напоминаю, что это, вообще-то, была *ее* идея. На экране мужчина входит в женщину, а та противно и громко стонет. На всю комнату раздаются шлепки и вздохи. И что, вот на *этом* все так помешаны?

Секс. Половой акт. Перепихон.

Об этом всем я почти ничего не знаю, только почерпнула основы на уроках полового воспитания и еще кое-чего из объяснений родителей о пестиках и тычинках. До сих пор травма.

Я Халли Джо Эдвардс, и я никогда не занималась сексом, хотя я учусь на первом курсе Университета Орлеана. А ведь обычно все теряют девственность как раз в универе.

Мне стукнуло восемнадцать, а я даже не целовалась ни разу. Думаете, это невозможно?

Еще как возможно, нужно просто быть *мной*.

Я ухожу с тусовок раньше всех, вышиваю крестиком что-нибудь жуткое, а в моем браузере открыты сразу три десятка фанфиков о Драмионе[1]. Я не воспринимаю другие цвета, кроме черного и фиолетового. Я обожаю теории заговора, кислые мармеладки Sour Patch и альтернативный рок девяностых. Старомодно, да?

Да уж, не самый сексуальный набор.

В целом я не жалуюсь. Я в своей зоне комфорта, плыву по жизни под собственную мелодию в такт собственным ударным.

Да, я просто отпад.

Нецелованная и нетронутая первокурсница – говорю же, отпад.

– Да я целую кучу порнухи пересмотрела, но тут она какая-то необузданная. Ему бы поводок для этой… *тигрицы,* – кривится Вив.

Я пожимаю плечами:

– Да, какая-то… *дикая.*

Мы переглядываемся, и нам становится жутко смешно. Мы так хохочем, что падаем на кровать, заливаясь слезами от смеха.

Моя лучшая подруга – мастер чудных идей, но эта – самая

безумная. Одно дело смотреть порно в одиночестве, и совсем другое – с подружкой, уровень зрелости которой находится на уровне четырнадцатилетнего мальчика.

– Хал? – раздается низкий голос. Это Илай, еще один мой близкий друг, распахивает дверь и бесцеремонно врывается в комнату.

Чтобы он не понял, чем мы тут занимаемся, я резко тянусь к ноутбуку и захлопываю крышку, нечаянно спихнув Вив с кровати. В спешке я прищемила палец крышкой ноутбука.

– Черт, вот дерьмо!

Выругавшись и засунув в рот кончик пальца, чтобы заглушить боль, я вскакиваю с кровати и отодвигаю компьютер подальше.

Он с глухим стуком падает на пол.

В замешательстве нахмурившись, Илай переводит взгляд с меня на Вивьен, которая пытается встать с пола, потом на отброшенный ноутбук, и снова на меня.

– Эм… а что тут у вас такое? Что это вы смотрели и чего так всполошились?

Мы молча таращимся на него и, наконец, Вив не выдерживает. Из нее вырывается дикий хохот, как будто лопнула нить, его сдерживавшая. Сквозь смех она с трудом произносит:

– Мы смотрели порнушку. Просто *отвратную*.

Не понимаю, как из ее хрипов получилось что-то внятное. Я охаю, глядя на дьявольскую ухмылку Илая.

Супер. Теперь у нас *групповой* просмотр порно. Я откидываюсь на кровать, и на мгновение мне хочется в ней утонуть и спрятаться от унижения. Без лишних слов друг вальсирует в комнату, захлопывает дверь ногой и, перешагнув через Вив, направляется прямиком к кровати.

Он потирает ладони в предвкушении, плюхается ко мне и закидывает руки за голову.

– Так-так, на чем вы остановились? Девочка с девочкой? Двойное проникновение?

Я таращусь на него и переспрашиваю:

– Как… в каком смысле двойное?

– Не пугай ее, Илай. Боже ж ты мой, – сетует подруга, подняв с пола ноутбук. Она открывает его, и дерьмовое домашнее видео продолжается с того места, где мы остановились.

– Вау, – Илай прищуривается. – Да этот парень неутомим.

– Вот-вот! Посмотрите, какая у него накачанная задница. О его булки яйцо можно разбить, – Вив пихает Илая локтем, тот двигается, и подруга втискивается на кровать, закинув ногу на ногу. – Было бы все так в реальной жизни.

Илай хмыкает:

– Если у *тебя* был неудачный секс, Вивьен, это не значит, что у всех так.

Ну, среди всех моих подруг ни разу не занималась сексом только я, и мне чертовски больно это осознавать. Вив показывает ему язык, а потом еще и средний палец.

– У тебя хоть плохой был. У меня вообще никакого не было, это еще хуже.

Илай переводит взгляд на меня:

– Тут нет ничего страшного, Хал. Очень многие ждут подходящего человека.

Я люблю своего друга и ценю его слова, но… он не понимает.

Я тяжело вздыхаю:

– Я просто… не хочу так. Меня воспринимают как дополнение к нормальным девушкам, говорят: «А она ничего», и на этом все. Не хочу быть застенчивой, жалкой и вечно одинокой Халли Джо.

– И именно для этого у меня есть *идеальный* план! – подруга встает с кровати и поворачивается ко мне. – Хал, мы же студентки. Мы поступили в один из лучших университетов на юге США. Вместе. Но нельзя забывать про *настоящую* жизнь. Тусоваться, напиваться дешевым бухлом. *Целоваться* с красавчиками. Делать дурацкие татуировки, о которых не пожалеем в старости, и забить на мнение всяких бумеров. Мы молоды, и нельзя упускать время, пока не настала взрослая жизнь.

Звучит заманчиво и как будто бы просто. Технически, тусовку в кампусе с дешевой выпивкой в красном пластиковом стаканчике и горячего красавчика, который с удовольствием просунет тебе язык в рот, организовать проще простого.

Проблема не в этом.

Проблема во мне.

Я просто… такая. И я понимаю, что не всем нравлюсь.

Примерно как чайный гриб. Сначала горчит, но потом привыкаешь. Правда, нужно осилить и проглотить его, зажав нос. Вообще-то он полезный. Отвратительно, а потом ничего.

Но Вив права.

Это лучшее время. Нужно разобраться в себе, побежать навстречу ветру, жить полной жизнью, пока на нас не навалились навязанные обществом взрослые обязанности.

– Она права, Хал. По крайней мере в том, что нужно жить на полную катушку. Выйди на улицу и посмотри, что там тебя ждет. Я тоже пойду и присмотрю за вами. Нужно убедиться, что вы веселитесь по-настоящему. И без жертв.

Я прикусываю губу и раздумываю над их словами. Конечно, с

ними не поспоришь, просто… легче сказать, чем сделать. Дать себе волю, не сдерживаться, притвориться, что тебе не страшно быть отвергнутой за то, какая ты есть.

Наконец, я поднимаю взгляд и смотрю на друзей.

– Вы правы. Момент настал, – я делаю глубокий вдох для успокоения. – Пойдем на тусовку завтра же.

В глазах Вив появляется огонек, будто я только что пообещала ей встречу с восставшими из мертвых Эдом и Лоррейн Уоррен[2].

– Правда?

Я киваю.

– Тогда пойдем на вечеринку братства, и ты не уйдешь оттуда без поцелуя. Добро пожаловать в первый день твоей новой жизни, Халли Джо Эдвардс!

– Звучит обнадеживающе, но как-то зловеще.

– Привезли пиццу! – доносится голос из коридора. Наконец-то ужин. Мы вскакиваем с кровати, забыв про ноутбук. Я восклицаю:

– А теперь мы можем, *пожалуйста*, пойти и набить желудки пиццей? Умираю от голода, а нам еще искать материалы для подкаста.

Илай смеется, обнимая меня за шею и прижав к себе. Мы идем за Вив на кухню. Иногда я забываю, как сильно мне нужны его объятия. После этого мне всегда лучше, а этот разговор дался мне нелегко, что я, конечно, не хочу показывать. Личностный рост – всегда непросто.

Вив достает из холодильника «Фанту» – мы ее просто обожаем.

– На этой неделе начала слушать одну книгу. Науч-поп. Чуть-чуть законспектировала. Нас распиарили в соцсетях, так что, думаю, у нового эпизода слушателей будет больше. Кстати, после записи мне нужно будет сразу уйти. У меня очередное занятие по математике, и препод – конченный извращенец, – заявляет подруга и садится за стол. Открыв коробку, она достает большущий кусок пиццы и протягивает мне.

Я от души откусываю, закрываю глаза и постанываю от сырно-масляного наслаждения.

– Что на этой неделе, Снежный человек? – раздается у меня за спиной голос Лейна Коллинза, известив о его присутствии и напугавший до такой степени, что я начинаю кашлять и давиться пиццей.

Вив испуганно таращится на мои попытки ее выплюнуть. Твою же мать, я умру, подавившись пиццей с оливками!

И еще я умру *девственницей*!

– Хал, ты как? – Илай, так и не успев взять кусочек пиццы, кидается ко мне и стаскивает меня со стула. Он обхватывает меня за талию и делает прием Геймлиха.

Кусочек пиццы в конце концов вылетает у меня из горла и отвратительно шмякается на пол. Надо же, во время еды он казался куда меньше.

Легкие снова наполняются воздухом, и я с облегчением обмякаю в объятиях Илая. Я в порядке, я в безопасности, со мной Илай. Все хорошо.

Я вижу Лейна, прислонившегося к стойке, и дыхание перехватывает снова – а я ведь еще даже толком не отдышалась после того, как чуть не умерла.

С ним всегда так – он входит в комнату, перетягивает на себя всеобщее внимание и лишает воздуха. Может, это только на *меня* он так действует, но судя по количеству девушек, крадущихся среди ночи из его комнаты, это маловероятно.

Видите ли, сколько я себя помню, я была… немножечко влюблена в старшего брата Илая. И эту тайну я унесу с собой в могилу.

Потому что Лейн Коллинз *никогда* не посмотрит в мою сторону.

Я всегда была для него подружкой его братца, которая с самого детства ходила за ним хвостом. Я для него надоедливая соседская девчонка, от которой он никак не мог избавиться. А когда мы подросли, то родители заставили его брать нас с собой в кино, в торговый центр и даже на тренировки по бейсболу.

Я дорожила этими моментами – так я хоть ненадолго была рядом с ним. Я такая же, как те девушки, что бросаются к его ногам.

– В чем дело, Хал? – Лейн ухмыляется, и на его лице появляются чертовы ямочки. Он тянется к шкафу и достает свой любимый шейкер. Я стараюсь отвлечься от его голого торса.

Ключевое слово – *стараюсь*.

Он без рубашки, и невозможно не заметить, насколько идеальна его широкая грудь и как напрягаются при каждом движении мышцы на его руках.

– Она чуть не подавилась пиццей, – Илай качает головой и гладит меня по спине. Он не понаслышке знаком с тем, насколько я неуклюжа.

Лейн приподнимает слишком идеальную бровь.

– То есть, ничего необычного?

– Ага.

Вот козлы.

Вот чем я расплачиваюсь за жизнь с ними под одной крышей.

Ну, выбора у меня особо не было: я совершенно не горела желанием жить с чужим человеком в крошечной комнатке в общежитии, поэтому мои родители вместе с родителями Илая и Лейна, решили, что мне нужно переехать в их дом недалеко от университета. Так мне не пришлось бы делить комнату с незнакомкой, и они бы присматривали за мной – я ведь впервые съехала от родителей.

В теории звучало замечательно.

В теории.

Целыми днями я изо всех отгоняю фантазии о Лейне, а остальное время поспеваю за возмутительной нагрузкой, которую я на себя взвалила. Кстати, я учусь по специальности «кинопроизводство». В Нью-Йорский университет я не поступила, но я у них в листе ожидания, так что я зачислилась в запасной и надеюсь перевестись в университет мечты на втором курсе. А это значит, что мне приходится работать вдвое усерднее, чтобы наработать портфолио и получить высокие баллы.

Я плюхаюсь на стул и сдуваю челку с лица. Мой взгляд падает на Лейна. Он стоит у плиты и готовит протеиновый коктейль. Его серые спортивные штаны спущены на талии и демонстрируют косые мышцы пресса.

Что-то подсказывает мне, что в сексе он совершенно не похож на парня из сегодняшнего порно-фиаско. Я думаю, что он из тех, кто говорит непристойности, одновременно воплощая их в жизнь. Я представляю нас героями того видео, и мое лицо заливается краской.

Я представляю, как его руки сжимают мои бедра, он входит в меня, пожирает меня глазами и…

– Ну что, Хал, пятничный киновечер в силе? – спрашивает Илай с набитым пиццей ртом, чем отвлекает меня от грязных фантазий о его братце. Пятничный киновечер – наша десятилетняя традиция.

Господи боже. Мне на секунду показалось, что все в комнате прочитали мои мысли. Сердце уходит в пятки.

За то время, что я здесь живу, мы впервые собрались поесть за одним столом – наши расписания совершенно не совпадают. Тем более, что сейчас идут предсезонные матчи, а Лейн – лучший питчер[3] команды Орлеанского университета.

Ну а если он не тренируется, не учится или не делает домашку, он тусит с друзьями или с очередной пассией на одну ночь.

– Ага. Мы с Вив как раз закончили обсуждать тему для следующего подкаста, так что я в боевой готовности.

Я открываю апельсиновую «Фанту», которую передала мне

подруга, и откусываю еще один кусочек этой жирнющей пиццы, но на этот раз гораздо меньший. В университете многие тащатся от рамена, ну а я выживаю благодаря несгибаемой воле и пицце Jack's.

Илай отправляет в рот еще один кусочек, наспех жует и продолжает:

– Круто. Вышла какая-то новая документалка, называется *«Фантастические грибы»*. Тебе понравится.

Да уж, вот *ему* такое нравится, а я засну через полчаса. Серьезно, кто в здравом уме и на полном серьезе в пятницу вечером предпочтет посмотреть фильм о том, как растут грибы?

Ясно, кто – Илай Коллинз.

– Жду не дождусь, – я натягиваю широкую улыбку, скрыв свои настоящие чувства. В конце концов, я люблю проводить с ним время. Он мой лучший друг с самого детства, и, если он хочет, чтобы я заскучала до смерти во время просмотра фильма – так тому и быть.

– А у тебя какие планы на выходные? – интересуется Илай у брата.

Лейн пожимает загорелыми плечами:

– Тренер хочет, чтобы я подлечил руку. Так что я, наверное, приду пораньше и завалюсь спать. Может, закачу вечеринку и улизну с нее с какой-нибудь фанаткой, – он бросает на меня многозначительный взгляд, и его губы растягиваются в улыбке.

Леди и джентльмены, перед вами любимец Америки.

Ради шанса на встречу с ним каждая девушка в университете лезет из кожи вон.

Обаятельный, даже если ведет себя как подонок. Это какой-то особый навык, который обладают только такие парни, как Лейн.

– А ты не хочешь поучиться или заняться чем-то… ну… продуктивным? – любопытствует Вив.

С самодовольной ухмылкой он стучит пальцем по виску:

– Мне не нужно учиться, Вив, когда у меня такой развитый мозг!

– О, это у нас семейное! – самодовольно добавляет Илай.

И правда, Лейн не только красавчик, но еще и жутко умный. Это несправедливо по отношению к нам, обычным людям, которым приходится прилагать усилия, чтобы набрать хотя бы проходной балл.

У братьев Коллинз одинаковые непослушные темно-русые волосы и похожие глаза изумрудного цвета. У обоих выразительная нижняя челюсть и смуглая от природы кожа. Но на этом сходства заканчиваются. Сложно представить более непохожих людей.

Илай более сдержанный и правильный, а его брат – душа компании, дерзкий и общительный. Они оба – умные красавчики, хотя Лейн и любит притворяться безмозглым спортсменом ради репутации в кампусе.

Я их хорошо знаю, потому что выросла по соседству и видела ту сторону Лейна, которую он предпочитает скрывать от других. Мы с Илаем – не разлей вода, так что в их доме я проводила столько же времени, сколько в собственном. Я погружаюсь в свои мысли, теребя браслеты на запястье. Лейн поворачивается ко мне:

– Классные браслеты, Халли Джо, – хвалит он, затем выпивает глоток воды, и я вижу, как двигается его кадык. Мои щеки тут же вспыхивают. Он поддразнивает меня из-за браслетов из бисера, которые мы с Вив плетем за запойным просмотром сериалов на Netflix. Может быть это детский сад, но нам нравится. Мы даже соревнуемся, кто сплетет наиболее странный рисунок.

Угадайте, кто в последний раз победил. Моя безумная подруга, то есть Вивьен.

– Эм… спасибо, – тихо благодарю я, бросая взгляд на Вив, которая щурится, глядя на него. – Это… просто глупости, мы так развлекаемся.

– Да нет, очень милые. Теперь он расплывается в улыбке, и у меня снова перехватывает дыхание.

Милые. Лейн Коллинз назвал что-то на моем теле «милым».

Я не успеваю обдумать его комментарий, как Вив натягивает озорную улыбку.

– Идешь на вечеринку братства Каппы на выходных? Мы с Халли и Илаем идем.

– Вы идете на вечеринку *братства*? – он так удивляется, что у него чуть глаза из орбит не выкатываются.

Я закатываю глаза:

– Не удивляйся так. У нас тоже есть жизнь вне учебы, Лейн.

Он поднимает руки в знак капитуляции и качает головой:

– Просто интересно. Не совсем твоя стихия, да?

Я пожимаю плечами и опускаю взгляд:

– Просто хочется чего-то новенького.

– Например, потусить с горячими парнями, – Вив хихикает и многозначительно вскидывает брови. Она встает со стула и направляется с тарелкой к мусорке. – Пора бежать, а то опоздаю на занятие. Посылайте мне лучи добра.

Мы прощаемся, и я сбегаю к себе в комнату, захлопываю дверь и подхожу к окну. Я осторожно вылезаю из него, поставив ногу сначала на навес, а потом на плоский скат крыши.

С момента переезда это место – мое любимейшее в мире. Достаточно высоко, чтобы лицезреть весь кампус, а ночью надо

мной ярким покрывалом раскидываются звезды.

Я не знаю, как долго я здесь просидела, прижав колени к груди и наблюдая, как наступают сумерки и солнце скрывается за облаками. Достаточно долго, чтобы у меня онемела задница, и я скрутила маленький кулончик с инопланетянином в узел. Нервная привычка.

От мыслей меня отвлекает звук. Я оборачиваюсь. Илай выбирается из окна, садится рядом и любуется огнями кампуса, уперев локти в колени.

С минуту мы оба молчим. Звук проезжающих по шоссе машин заглушает мои мысли. В нашей дружбе с Илаем мне нравится эта душевная и естественная тишина. Как будто так и должно быть. И так было всегда. *Вот так просто*.

– Хал?

Я оборачиваюсь на друга. Его пронзительные зеленые глаза смотрят прямо в душу. Мне частенько так кажется.

Он толкает меня плечом:

– Тебе неуютно после того разговора?

Пожав плечами, я начинаю теребить браслеты, но не отвечаю.

– Вив просто пошутила. Ты же ее знаешь. Тебе *совершенно* не обязательно искать себе парня. Быть девственницей не так уж плохо, понимаешь, о чем я? Это твоя жизнь, и что-то ты в этой жизни ценишь. Изменения должны случаться, когда к ним готова *ты*, а не потому, что тебе нужно что-то кому-то доказать или стать кем-то другим, кем ты на самом деле не являешься.

– Знаю. Просто… может, я так ни с кем и не переспала, потому что я странная? Неужели я правда такая неуклюжая?

– Халли, – друг краснеет. – Конечно нет! Ты одна из самых невероятных девушек, кого я знаю. Ты умная, веселая и красивая. Ну просто… полный набор.

Одарив меня игривой ухмылкой, он берет меня за руку. По-дружески, чтобы успокоить. Это так… по-нашему. Он рано усвоил, что мой язык любви – прикосновения.

– Я просто устала быть тихоней, которую совсем не слышно. *Устала*, Илай, понимаешь? Я хочу испытать все, чего никогда не делала, и я чувствую внутри такое… желание чего-то большего. И это не только про… – я понижаю голос, в нерешительности прочистив горло, – про девственность. Я вообще про жизнь. Хочу быть не просто белой вороной. Хочу расправить крылья и полететь. Дорасти до такого человека, которым я хочу быть. Понять, кто я такая. В общем, важные философские вопросы.

Илай сжимает мои пальцы и кивает:

– Знаю, и поддержу любое твое решение, Халли. Я всегда так делал и всегда буду. Просто будь честна с собой, вот и все.

– Знаю. И я не думаю, что смогла бы поступить в университет без тебя.

– Тот, кому повезет стать частью твоей вселенной, тут же поймет, какое сокровище ему досталось.

И тут до меня дошло, почему Илай Коллинз всегда был для меня опорой – с ним я становлюсь лучшей версией себя.

Глава 2
Халли

Когда огненная жидкость попадает мне в горло, и легкие сжимаются, в тщетной попытке вдохнуть я кое-как выдавливаю:

– О боже! Какой кошмар!

Да, это *жуть*. Ноль звезд из десяти, не рекомендую. И люди это пьют ради *удовольствия*?

Ощущение такое, будто огнедышащий дракон впивается когтями мне в горло.

– Ах! Единственный приятный вид ожога, – воодушевляется Вив, посасывая кусочек лайма.

Мерзость.

Я следую ее примеру и отправляю лайм в рот, но его горький вкус лишь слегка утоляет жжение в горле.

Напоминание на следующий раз: если Вив спросит: «Ну что, пан или пропал?», я скажу: «Пропал». Буквально. Пропаду с вечеринки, сбежав в свой безопасный дом.

Вив совсем из ума выжила! Подруга ухмыляется:

– Брось, Хал, все неплохо!

– Вот-вот! Все еще хуже!

Я издаю стон и провожу тыльной стороной ладони по губам, чтобы стереть остатки текилы:

– Не думаю, что смогу переварить еще один.

Она запрокидывает голову и громко хохочет:

– Да все ты можешь! После четвертого вообще перестаешь что-либо ощущать. Я тебе говорю – тебе сегодня нужно именно это. Зелье храбрости. Это же твоя первая тусовка, первая текила, первый *поцелуй*.

Я зажимаю ей рот рукой, а мой взгляд мечется по комнате и по людям в ней. Последнее, что мне нужно – чтобы весь универ знал, что я такая… неопытная.

Я чувствую ладонью, как она что-то пытается сказать, но разобрать это невозможно. И тут я ощущаю что-то мокрое. Она лизнула мне ладошку!

– Фу, Вив, какая гадость! – я отдергиваю руку и вытираю ее о платье. – Ты зачем мне руку облизала?

Подруга пожимает плечами:

– Зато доходчиво! Но сначала давай-ка еще по одной.

Пару секунд спустя она сует мне в руку рюмку. Мы чокаемся и опрокидываем шоты. Я снова погружаюсь и огненные бездны ада, разверзнувшиеся у меня в желудке.

– Боже мой. Лучше не становится. Ты соврала.

– Я же сказала – после четвертого. Так что еще два! – нахально заявляет Вив. – Так, и какой у нас план? С чего начнем операцию «Первый поцелуй Халли»? Подожди, а где Илай? Куда он исчез?

– Не знаю. Вроде болтал с какой-то девчонкой у дивана, – припоминаю я.

Достаю из сумочки припрятанные шоколадные конфетки с арахисовым маслом и тут же их съедаю. Все, что угодно, лишь бы избавиться от вкуса текилы с лаймом. Поверьте, я слишком беспокоилась о том, чтобы не воспламениться изнутри от выпитого чистого огня, чтобы думать о том, куда делся Илай. Даже если он согласился помочь с нашей затеей.

Внезапно кто-то врезается в меня сзади и отбрасывает вперед. Я пытаюсь за что-нибудь ухватиться, и конфеты вылетают из рук. Все происходит как в *очень* замедленной съемке.

Помните моменты в фильмах, когда мир как будто останавливается и все взгляды обращены к человеку в самый неловкий момент его жизни?

Вот это *я*. *Прямо сейчас.*

Но упасть я не успеваю – чьи-то сильные руки хватают меня за плечи и удерживают в вертикальном положении.

– Вот дерьмо, ты как? – раздается глубокий голос. Я поднимаю взгляд и вижу своего спасителя от падения лицом вниз на глазах у толпы. Возмутительно красивый парень до сих пор держит меня в своих сильных, больших, теплых руках.

– Отлично. Хорошо. Да, – я тушуюсь, но пытаюсь взять в себя в руки. – Я в порядке. Спасибо, ты просто герой.

Покрепче встав на ноги, я наконец могу его рассмотреть. Светло-русые волосы, ярко-голубые глаза, идеально ровные зубы. Он очень привлекательный, из-за чего мой мозг отказывается работать. Уверена, что как только я открою рот, начну нести какую-то чушь. Я сама не своя, и не только из-за того, что чуть не упала.

– О, отлично. А тут тесновато. Хорошо, что я тут оказался и спас тебя, да? – мой спаситель улыбается, и на его щеках показываются ямочки. – Такая красивая девушка не должна оставаться в одиночестве.

Подождите, это он… он что, *флиртует* со *мной*?

Одна мысль об этом приводит меня в такое волнение, что дальше некуда, и я ощущаю приливший к щекам жар. *Держи себя в руках, Халли.* Я нервно тереблю пальцами браслеты на запястьях, и я произнесла, очевидно нервничая:

– Ага. Как там говорят? Не все герои носят плащи?

Белокурый брат-близнец Генри Кавилла смеется и протягивает мне руку:

– Я Флетчер. Рад быть к вашим услугам.

Он замолкает в ожидании, что я представлюсь в ответ. Мои губы растягиваются в застенчивой улыбке:

– Халли. Халли Джо Эдвардс. Для спасателей от падения в грязь лицом можно Хал.

Я прокашливаюсь, отрываю от него взгляд и быстро отдергиваю руку, вспомнив, что Вив все еще здесь. И… теперь здесь еще и Илай.

– Да-да, я все еще здесь. Хотя ты знаешь, мне же нужно есть каждые два часа, иначе у меня упадет сахар, так что я пойду поищу, что можно перекусить. Пиши, если понадоблюсь, ладно? – произносит подруга, подняв брови и странно на меня посмотрев. Наверное, она пытается до меня этим взглядом что-то донести, но больше похоже на нервный тик.

– М-мм… ладно, увидимся позже?

– Что? Да я же только подошел, – возражает Илай. Вив протягивает руку и щипает его за бок. Он вскрикивает:

– Боже мой, Вив, это что сейчас было?

Если бы можно было убить взглядом, то взгляд Вив на Илая вбил бы последний гвоздь в крышку его гроба. Схватив Илая за руку, она оттащила его, оборачиваясь и посылая мне через плечо те же нервные тики, которые, по задумке, были подмигиваниями. Они теряются в толпе, оставив меня наедине с новым знакомым.

– Ну что ж… – начинает он с легкой улыбкой на губах и засовывает руки в карманы брюк цвета хаки. – Тут людно. Может, выйдем на улицу, подышим воздухом?

Мои глаза широко раскрываются от удивления. Боже правый, это сейчас на самом деле происходит? Он что… *флиртует* со мной? Или это какое-то другое социальное взаимодействие, мне пока незнакомое?

– Д-давай. Было… было бы здорово.

Теперь мы наедине, мне некому помочь с разговором, и я точно все испорчу.

Хе-хей, это и есть причина, по которой я так ни разу ни с кем не целовалась!

Мне нельзя доверять в таких вещах, а уж особенно когда стоит такой важный вопрос, как поиск парня. Черта с два я открою рот, чтобы заговорить.

Пока мы с Вив пили, а потом Флетчер меня спасал, я пропустила, как разогналась вечеринка. Теперь тут кошмарная толкучка – Флетчер берет меня за руку, и пока мы продвигаемся к

двери на задний двор, мы и нескольких шагов не можем сделать, ни на кого не натолкнувшись.

Кто-то случайно пихает меня локтем в ребра так, что я морщусь от боли. Он останавливается и с беспокойством на лице интересуется, все ли хорошо. Я киваю:

– Дааа! Все отли-и-и-ично!

Я практически кричу, чтобы он услышал хоть что-то сквозь музыку и орущую толпу. Я благодарна ему, что он вывел меня в бодрящую ночную прохладу. Впервые за вечер я вдыхаю полной грудью.

– Вау. Не ожидал сегодня такого ажиотажа, – сетует он, рассмеявшись и покачав головой.

– Ты из братства?

– Ага. И учусь на третьем курсе. А ты?

– На первом.

– А, свежачок. Значит, нужно показать тебе кампус, – его губы растягиваются в лукавой усмешке. Он приглаживает и без того идеальные светлые волосы. Если честно, он полная противоположность типажа парней, которые мне нравятся.

Хотя… кто мне *на самом деле* нравится? Что у меня за типаж? Ну, кроме Лейна Коллинза. Качка, любимца женщин. У него до смешного привлекательное лицо, а уж ум какой! Тот самый, что он от всех так тщательно скрывает.

В общем, идеал.

– Ага.

Я сажусь на асфальт, прислонившись спиной к высокой белой колонне, благодарная нескольким минутам тишины, которые мне подарил наш побег.

Через пару секунд он садится рядом, я чувствую касание его плеча.

– Ну, расскажи о себе. Вижу, ты любишь черный цвет, – он кивает на мое платье, затем медленно скользит глазами и изучает мое тело, после чего мы снова встречаемся взглядами.

Да, в этом вся я.

Почти всегда в черном. Ну ладно, не почти, а всегда. Он же со всем сочетается: мои волосы, платья, ногти – все черное. А потертые кеды Vans в красно-розовую клетку, как всегда, дополняют образ. Черное даже это атласное платье, обтягивающее изгибы, о которых я до сих пор и не подозревала.

– Да, точно. Честно говоря, и рассказывать-то нечего. Я довольно скучная. Учусь на специальности «кинопроизводство», живу недалеко от кампуса со своим лучшим другом и его старшим братом. И веду подкаст.

Услышав последнее, он заинтересованно вскидывает бровь:

– О, подкаст? У меня сестра слушает что-то про папочку[4], кажется. Ну а я про финансы и фондовые рынки. Обычно слушаю пока бегаю – очень бодрит.

Я тут же задумываюсь, стоит ли с ним откровенничать. Он не похож на человека, которого бы хоть немного заинтересовали мои чудаковатые увлечения.

– Хм, ну, мой подкаст «Вне реальности» о заговорах, инопланетянах и всяком таком. Питаю слабость к йети, – я рассмеялась, пожалуй, слишком громко и неловко. Теперь я еще больше нервничаю из-за того, как он его воспримет.

– М-мм, мило. Очень классно.

Я с облегчением выдыхаю.

– Да, это прикольно. Мы его ведем вместе с моей подругой Вив. Начали еще в старших классах. Сейчас у нас несколько сотен преданных слушателей, но мы надеемся, что это не предел.

Спустя час тусовка в доме разогналась еще сильнее, но я потеряла счет времени в разговоре в Флетчером. Я узнала, что он не только третьекурсник и член братства, но еще и подрабатывает ассистентом преподавателя, любит читать и учится на бухгалтера, что меня, конечно, не удивило. В свободное время он играет в гольф и не реже трех раз в год волонтерит в благотворительной столовой. Его родители – политики в Джорджии.

Похоже, он отличный парень. И хотя я не чувствую сиюминутной искры, никакого разряда по моему телу не пробегает, мне это не мешает. Его взгляд опускается к моим губам, я наклоняюсь к нему.

Сердце ускоряется при мысли о том, что мои губы вот-вот коснутся губ другого человека, и что в этот самый момент происходит мой первый поцелуй.

Время не останавливается, жизнь не перевернулась, душа не уходит в пятки, но вот он – момент я буду вспоминать всю жизнь.

Он зарывается пальцами в мои волосы на затылке, наши взгляды встречаются, я протягиваю дрожащую руку и провожу большим пальцем по уголку его губ, по его острому подбородку, подстраиваюсь под его движения.

И вот сейчас…

Я это чувствую. Я знаю, что это сейчас случится. Он наклоняется еще ниже, наши губы вот-вот встретятся… Я закрываю глаза и выдыхаю. Хоть бы от меня не пахло текилой.

– Эм… Халли? – спрашивает он низким и хриплым голосом, прервавшись. Я резко распахиваю глаза. Он отстраняется и убирает руку от моего лица.

– Что?

Я наблюдаю, как у него двигается кадык и в глазах

появляется странное выражение. Я сбита с толку. Мне казалось, что все отлично, но теперь я уже не так уверена…

– А ты в последнее время случайно не ела ничего с арахисом?

Я в замешательстве поднимаю брови:

– Подожди, что? Нет, ничего такого не… – *о, черт.* – Хм, совсем недавно я съела конфеты с арахисовым маслом, чтобы перебить вкус этих отвратительных шотов, а в чем дело?

В его глазах появляется паника, он вскакивает резко и неуклюже и проводит рукой по своим идеально уложенным волосам, растрепав их:

– У меня аллергия на арахис и очень сильная. Черт, где мой эпипен[5]? – он лихорадочно шарит по карманам, но ничего не находит. – Вот дерьмо. Кажется, я оставил его в общаге, – от страха он едва не переходит на писк. – Плохо дело.

Нет, нет, нет, это все не по-настоящему.

Я поспешно поднимаюсь на ноги:

– Все хорошо? Давай осмотрю твое горло. Не задыхаешься?

Он поднимает руки, делает огромный шаг назад, издает невнятный звук и прижимает ладонь к горлу:

– Н-нет, отойди. Наверное, арахис остался у тебя на пальцах. Твою мать, я не могу дышать.

– Может, вызвать скорую? Боже, что мне делать? Я плохо справляюсь со стрессовыми ситуациями.

Я расхаживаю взад-вперед, лихорадочно оглядываясь на прохожих, ставших невольными свидетелями.

– Да, – хрипит он.

Я тут же бросаюсь к двери в дом – и вспоминаю, что оставила телефон на барной стойке, когда фотографировалась с Вивьен. Это просто худшее, что могло сейчас произойти, но знаете, что? Это так похоже на меня. На сто процентов.

Этого следует ожидать, когда имеешь дело с Халли Джо Эдвардс.

Я переступаю порог дома, и тут же слышу за спиной:

– Чувак, да ты весь красный, тебе помочь? Твою мать, он теряет сознание!

Отлично. Я чуть не убила первого парня, с которым почти поцеловалась.

* * *

– Ребята, я практически *настоящая убийца.* Я едва не прикончила этого парня, а ведь мы всего лишь чуть не поцеловались! Да это весь универ видел! Я этого не переживу.

Илай, притащивший меня на спине, опускает меня на пол рядом с кроватью, и я падаю лицом на матрас, со стоном утыкаясь лицом в пуховое одеяло. У меня все еще кружится голова от текилы и от пережитого сегодня. Мне хочется забраться в норку и не вылезать оттуда.

Я обречена. Я умру девственницей, которая ни разу не целовалась, и чуть не убила того единственного парня, который подобрался достаточно близко, чтобы попытаться.

Наверное, уже весь кампус знает о том, что произошло. Я видела, как двадцать человек или больше записывали на камеру самый неловкий момент в моей жизни, чтобы выложить все в соцсети.

Оно наверняка уже распространилось как лесной пожар, чтобы окончательно меня добить.

– Ты слишком драматизируешь. Серьезно, почему этот чувак не взял с собой эпипен? Он знает, что у него такая убийственная аллергия и выходит из дома без необходимых лекарств. Он что, идиот? – язвит Вив. Подруга облокотилась о дверной косяк наблюдает за моими страданиями. Всю дорогу домой она меня подбадривала, пока Илай меня нес, потому что я не верила собственным ногам.

– Да, Хал, врач сказал, что с ним все будет в порядке. Все хорошо. Ты же не могла знать, что у него аллергия, – добавляет Илай и целомудренно чмокает меня в лоб. – Отоспись, и завтра все уже будет в прошлом, ладно?

Слава богу сейчас за полночь, и Лейн ничего не видел. Его наверняка нет дома, и он проводит ночь уж точно лучше, чем я.

Я была в двух секундах от прикосновения губ другого человека, а потом я не успеваю опомниться – и его уносят на носилках, мигалки, сирены… Да уж, травма на всю жизнь.

– Отличная идея. Я-то отосплюсь, вот только потом мне нужно переводиться в другой универ. Но это ничего. На самом деле все *просто потрясно.*

Хриплый смех Вив эхом разносится по комнате, и она подходит ко мне.

– Как насчет того, чтобы отоспаться после выпитой текилы и вообще забыть о произошедшем? Детка, серьезно, это могло произойти с кем угодно. Увидимся завтра за завтраком?

– Угу.

– Перестань страдать. Смой косметику, почисти зубы и иди спать, – подруга поворачивается к Илаю. – Присмотришь за ней?

Я даже не удостаиваю ее ответом.

Они предлагают мне забить!

Как будто это так просто!

Я могу забыть о том, как однажды надела в школу белые брюки, а на уроке химии повернулась спиной, и весь класс увидел пятна крови от месячных. Травмирующий опыт? Абсолютно. Но теперь я уже об этом почти не вспоминаю.

Еще был случай в столовой – я споткнулась и приземлилась лицом прямо в лазанью, которую несла на подносе. И это тоже в прошлом, хотя это засняли на видео и выложили во все соцсети. Но это?

Нет, это невозможно.

Простонав, я поворачиваюсь на спину и заглядываюсь на светящиеся звездочки на потолке. Я мечтаю повернуть время вспять и прожить эту ночь заново.

– Я в душ, я чувствую себя таким грязным. Зови, если понадоблюсь, – предлагает Илай, но я не двигаюсь и бормочу в матрас:

– Конечно, не проблема, оставь меня наедине с моим горем!

Я шучу, хотя… нет, все же не шучу.

Сейчас я мечтаю, чтобы кровать поглотила меня целиком.

Он усмехается и закрывает дверь, оставив меня наедине с моими мыслями.

От которых я *в ужасе*.

– Да нет, Вив права… как он мог забыть лекарства? – бормочу я, встаю и направляюсь к туалетному столику. Я отыскиваю в бардаке салфетки и стираю макияж.

Как же я устала. И дело не в том, что сегодня я вернулась домой намного позже, чем любая разумная девушка, не вышедшая из подросткового возраста. Я просто устала от… *всего этого*.

От этой неопытности, незнания, как себя вести с противоположным полом.

Устала от неловкости. Устала заикаться, когда какой-нибудь парень хотя бы просто смотрит в мою сторону. Устала от того, что надо мной висит этот свинцовый груз, и что я всегда в чьей-то тени, как будто меня нет. Меня никогда по-настоящему не замечали. Просто… как же хочется почувствовать себя сильнее. Почувствовать себя сексуальной, желанной. Не хочу подвергать сомнению свою ценность, или чьи-то чувства ко мне только потому, что я – это я.

Я хочу входить в комнату и перетягивать на себя внимание. Чтобы не сомневаться, когда дело касается парня, не спрашивать постоянно, любит ли он меня, только потому что я – *это я*. Хочу, чтобы он желал меня такой, какая я есть, вместе с моими причудами и тараканами.

Вдохнув, я кидаю салфетку в мусорку и вглядываюсь в свое

отражение. Мое лицо обрамляют фиолетовые пряди, из-за чего мои голубые глаза в тусклом свете кажутся почти лиловыми.

Эх, было бы все так просто. Просто взять и *научиться* быть секси. Уверенной в себе, дерзкой.

Подписать бы с кем-нибудь такой контракт. Всем было бы хорошо.

С моих губ срывается смешок, и я прикрываю рот рукой. Подойти бы к кому-нибудь, кому я безраздельно доверяю, типа Илая, и сказать ему: «Привет, научи меня трахаться с парнями».

Боже, я явно в бреду и еще не протрезвела. Это самая нелепая вещь, которая приходила мне в голову.

Или…

Я рассматриваю блокнот, гелевые ручки с блестками, все еще раскиданные по столу после вчерашней подготовки к подкасту.

Звучит легко и просто. Все обговорить и заключить контракт.

А что, если идея не такая уж безумная? *Подумай об этом, Халли. Вы с Илаем стали лучшими друзьями, когда вам было по четыре года. Он с тобой с тех пор, когда у тебя даже сисек не было. Это он купил тебе первую упаковку тампонов.*

Неужели предложить ему лишить меня девственности такое уж безумие? Он может научить меня любить свои странности и считать их сексуальными. Он и правда знает меня лучше, чем кто угодно на этой планете. Мы всегда обращались друг к другу за помощью, если это было нужно.

Но он наверняка подумает, что я чокнулась. Да, точно подумает. Я и сама думаю, что не в себе.

Застонав, я утыкаюсь лбом в блокнот, из моей груди вырывается глубокий стон. Он точно откажется, да?

Да, определенно.

Это будет странно, потому что мы очень близки, но в этом есть и свои плюсы. Придется постараться, чтобы его убедить, но я не хочу, чтобы он согласился, потому что я его упросила. Он же мой лучший друг.

Умный, немного чудаковатый и занудный лучший друг.

А что, если я правда составлю полноценный контракт? Изложу все кратко и по существу, как он любит.

Техники убеждения пригодятся в любом случае, но, если я составлю контракт, есть хотя бы шанс, что он его посмотрит. Илай знает, что я его люблю исключительно как друга и наши отношения строго платонические, но… с другой стороны, раз уж он мой друг, то, возможно, не откажет мне в помощи. Многие занимаются сексом без особой друг к другу привязанности.

Наконец, Илай – отличный учитель. Он подрабатывает ассистентом. Он мог бы и меня поучить – научить меня

заниматься сексом.

Конечно, это самая безумная из всех моих идей, и во всем можно винить алкоголь, но вот она я – сижу за столом и рисую в блокноте маленькие красные сердечки. Я пишу первый пункт контракта:

1. **Возьми меня и лиши меня девственности…**

* * *

Меня трясет.

Руки дрожат. Я выскальзываю из спальни и бреду по темному, тихому коридору.

Я собираюсь совершить самую глупую и безрассудную вещь в мире. Полное безумие. Последние минут десять я изо всех сил себя отговаривала. Но вот я здесь, с дурацкой бумажкой в руке. Эта дурацкая бумажка изменит все, и я сама не знаю, что по этому поводу чувствую.

Боже, о чем я только думала? С чего прошлая я полчаса назад вообще решила, что это даже отдаленно хорошая идея?!

Я все еще могу покончить с этим – выбрасываю листок в мусорное ведро и забываю об этом навсегда.

Нет уж. Мы так не сделаем, Халли. Мы зашли слишком далеко, назад дороги нет.

Иначе я окажусь в той же точке, где была до этого: ужасно зажатая, в поисках уверенности к себе. С желанием стать той, на которую оборачиваются все парни в комнате, но переживающей одну неудачу за другой.

Полный провал.

В конце-то концов, скажет «нет» и все. И если это произойдет – притворимся, что этого никогда не было.

– Перестань отговаривать себя и давай уже с этим покончим, – уговариваю я саму себя, как будто что-то поменяется, если я озвучу эти мысли. Я тяжело вздыхаю, встряхиваю руками и ногами одновременно, чтобы сбросить напряжение. Ни капельки не помогло.

Я слышу журчание воды в нашей общей ванной, и у меня в животе все сжимается.

Тихо, на цыпочках, я прокрадываюсь к двери в спальню Илая и стучу. Никто не открывает. Я вздыхаю. Я так долго собиралась с мыслями, и все зря…

Вспомнила! Он же сказал, что пойдет в душ.

Идеально. Мне даже не придется видеть его лицо, когда он

мне откажет, и я не сразу умру от смущения.

Я делаю еще один глубокий вдох и возвращаюсь к ванной. Из-за двери доносятся только звуки включенной воды.

Ну, сейчас или никогда.

Я вдруг пожалела, что у меня при себе нет шотика текилы. Я бы обошлась даже без лайма и соли, если бы это помогло мне хоть чуточку осмелеть. Я хватаюсь дрожащей рукой за холодную ручку, открываю дверь и проскальзываю внутрь.

Для нас это нормально. Мы дружим уже целую вечность и настолько близки. Разделенные шторкой для душа, мы обычно обсуждаем как прошел день и всякую всячину.

– Илай, это я. Ну конечно, кто еще, – смущаюсь я. Я мысленно пинаю себя, делаю еще один глубокий вдох и выпаливаю: – Я хочу тебя кое о чем спросить, и я знаю, что это прозвучит совершенно безумно, и, пожалуйста, не отвечай, пока я не закончу, потому что иначе мне не хватит смелости закончить, – повернувшись на пятках и проведя рукой по вьющимся волосам, я расхаживаю по небольшой ванной. – Мы с тобой знакомы почти всю жизнь, так? Нам было по четыре года, когда мы впервые встретились. Мне кажется, нет ничего, что бы мы с тобой не делали вместе.

Ты мой лучший друг, и то, о чем я тебя собираюсь попросить, наверное, самая бредовая вещь, которую я когда-либо и кому-либо говорила. И для меня это правда безумно, а я ведь веду подкаст про пришельцев и теории заговора! Но это еще хуже. Помнишь, как-то раз мы разговорились на крыше о том, что я не хочу быть белой вороной? – остановившись, я тяжело вздыхаю и раздраженно прижимаю руку ко лбу. Я ушла от темы и говорю сама с собой, еще и хожу туда-сюда. Скоро пол протрется.

Впервые с тех пор, как я переступила порог, я поднимаю взгляд на занавеску для душа. Над душевой кабиной горит лампочка.

Силуэт Илая просвечивается через шторку. Я вижу очертания его тела, и у меня отвисает челюсть.

Я опускаю глаза ниже и ниже… и вижу его член.

Настоящий.

Господи. Боже. Боже. О мой Бог. *Боже мой!!*

Это же… он же… он что, размером с банку «Принглс»?

Халли, ты идиотка. Это *ужасная* идея. И как ты хочешь лишиться девственности с… этим?

Да меня после такого на скорой увезут!

Я делаю глубокий вдох и зажмуриваюсь в попытке успокоить нервы. Я просто в шоке. После того, как я увидела его… *аппарат*… я уже не так уверена.

Но вместо того, чтобы поджать хвост и улизнуть, я думаю о Вив. Она, наверное, сказала бы: «Соберись и действуй, тряпка. Жизнь слишком коротка, чтобы желеть о несделанном».

И это единственная причина, по которой я заставляю себя продолжить. Конечно, отведя взгляд.

– Ладно, я просто это скажу. Я хочу, чтобы ты лишил меня девственности. Нет, ты *должен* это сделать. Научи меня, что нужно делать с парнями. Будь моим секс-учителем, – я неловко смеюсь, и чуть-чуть икаю, глубоко вздыхая после того, как оттарабанила речь. – Я знаю, это безумие, просто… Илай, я такая чудила, я с этим уже смирилась, но ты не представляешь, как трудно сделать так, чтобы кто-то закрыл глаза на мои причуды и захотел переспать со мной? И я просто… просто чувствую над собой этот груз, понимаешь? Мне уже восемнадцать, а я все еще девственница, и даже ни разу ни с кем не целовалась. Не *целовалась*, Илай! В тот единственный раз, когда это почти случилось, я отправила бедного парня в больницу с анафилактическим шоком. Я больше так не могу, а во всем мире нет никого, кому бы я доверяла больше, чем тебе. Пожалуйста, можешь это обдумать? Я не расстроюсь, если ты откажешься, но прошу, подумай хорошенько. Я… эээ… подготовила контракт. Посмотри, ладно?

Я в последний раз бросаю взгляд на белый листочек с текстом контракта, который я в недостаточно трезвом уме, но очень основательно составила. Я кладу его на тумбочку рядом с его телефоном.

– Просто прочитай, прежде чем сразу отказываться, хорошо? Ну ладно, не буду мешать мыться. Эм… пока!

Я распахиваю дверь, бросив на него один-единственный прощальный взгляд, затем бегу в свою комнату и запираюсь.

Это было так тупо!

Просто невероятно!

Не могу поверить, что я такое отчебучила.

Предложила лучшему другу секс. Который совершенно точно будет *кошмарный*. По крайней мере для него. Я не имею ни малейшего представления о том, что нужно делать, или как заставить парня меня захотеть. Худо ему придется.

Да уж, каждый бы согласился заняться посредственным и неуклюжим сексом с лучшей подругой, просто мечта.

И поскольку вероятность того, что он разорвет мой контракт и назовет меня чокнутой составляет примерно девяносто процентов, я хотя бы смогу сказать, что у меня хватило смелости попытаться.

А это шаг в правильном направлении, не так ли?

Глава 3
Лейн

Мне казалось, что я точно знал, чего ожидать от выпускного года в универе.

Меня выбрали в первом раунде драфта, а это влечет за собой возможность пропустить низшую лигу и сразу попасть в высшую. Это придало мне уверенности, и я разгуливаю по универу, как будто он принадлежит мне. И во многом так и есть.

Без меня не проходит ни одна вечеринка. Со мной все хотят дружить, девушки хотят со мной трахаться, а парни хотят быть мной.

Издержки профессии. Со временем привыкаешь.

Они меня толком не знают. Они знают образ короля бейсбола, которым сами же меня наделили. Они принимают все, что я предлагаю, просто потому что это я это я.

Это роль, которую я умело играю.

И от которой я не собираюсь отказываться, особенно сейчас, когда у меня впереди самый важный год в моей жизни. Это решающий сезон, и таких в жизни больше не будет.

В начале года у меня был план. Я собирался отрываться до упаду, неутомимо спать с чикулями и тусить с друзьями. Я хотел запомнить последний курс на всю жизнь, хотел жить на полную катушку, пока меня не поглотит рутина взрослой жизни.

Но мои планы разошлись с реальностью и разбились в пух и прах.

Я живу в аду.

И я в нем с тех пор, как к нам переехала Халли Джо Эдвардс, и нас разделяет только тонкая гипсокартонная стена.

Лучшая подруга моего младшего брата – единственное в мире, чего у меня еще нет, как бы сильно я ее не желал.

Я уже не первый год хочу быть с ней. Она красивая, добрая и на сто процентов запретный плод.

Я откидываюсь на спинку стула, не в силах оторвать взгляд от листка бумаги посреди моей кровати. Я пялюсь на него уже полчаса.

Я, наверное, мог бы наизусть рассказать его содержимое.

Полотенце, обернутое вокруг моей талии, слегка распахивается, когда я наклоняюсь и упираюсь локтями в колени, опускаю голову на руки и провожу пальцами по еще влажным волосам.

Я так взвинчен, что не могу усидеть на месте.

Я никак не мог предвидеть, что Халли заявится ко мне в душ и предложит мне свою девственность (ну, технически, конечно, Илаю), как будто самый дорогой лот на аукционе.

Ее нервный лепет звучал, как всегда, трогательно. Я не могу забыть ее слова, хотя они и предназначались ушам моего брата. Но я не могу притвориться, что ничего не случилось. Теперь я не могу вернуться к тому дерьму, в котором я жил до этого.

Когда передо мной яблоко прямиком из Эдема. Висит на ветке прямо передо мной, а я не могу дотянуться. Один единственный укус – и все изменится.

Черт.

Я встаю со стула, хватаю с кровати листок и пробегаю глазами по ее размашистому почерку.

О чем она вообще думает?

И еще более правильный вопрос: почему я-то об этом так запарился и так на ней зациклился?

Я выбрасываю листок в металлическую мусорку рядом со столом и не могу оторвать от него взгляд. Он одиноко лежит на дне. Дразнит меня. Он меня притягивает, как черная дыра, я не могу даже в места сдвинуться.

– Да пошло оно все! – я достаю листок из мусорки и кладу на стол. – Оставь его. Не ввязывайся, – тут же пытаюсь себя переубедить.

Плохо уже то, что я сразу же не выкинул это из головы. Нужно было посмеяться, выбросить листочек и самоустраниться. Потому что, черт возьми, такого просто не может быть!

Одно дело, когда я невинно флиртую с ней, чтобы увидеть, как трогательно вспыхивает румянец на ее щеках. Просто безобидная забава, но… это?

Я перейду черту, и назад уже не вернешься. По-прежнему ничего уже не будет, и не только с ней, но и с Илаем.

Я разглядываю фото в рамке на столе. На нем мы с Илаем вдвоем на нашем первом матче высшей лиги бейсбола, сидим на стадионе на старых стульях. Помню этот день, как вчера. Как будто до сих пор чувствую зной, обжигающий наши спины. Тем летом жара стояла, как в Африке. Она началась за пару дней до этого, и я хорошо помню, как мы с отцом и Илаем обливались потом во время матча. Мы сидели низко, рядом с домашней базой[6], в этот один из лучших дней в моей жизни. Мы были все вместе.

Мне было лет восемь, и тогда мы с братом по-настоящему сблизились.

Илай всегда был застенчивым ребенком, тихим, замкнутым, выбирал науку, а не спорт. Полная моя противоположность. Я

любил быть в центре внимания, куда бы не приходил. Я всегда хотел играть в бейсбол, и, хотя учился на отлично, школа все равно оставалась на втором месте. Я в первый раз взял в руки биту и… все. С того момента я понял, что хочу профессионально заниматься бейсболом.

А сейчас… не знаю. Мы взрослеем, все меняется. Я как будто пытаюсь осознать себя не только как «Лейн Коллинз, номер 22, подающий надежды питчер и король кампуса».

И приударить за Халли Эдвардс… Что уж точно рассорит нас с братом.

Эта парочка неразлучна с самого раннего детства. Он никогда не намекал на то, что между ними что-то есть, но… я не знаю. Он же мой брат, и последнее, чего я хочу – вбить клин между нами.

Даже если этот клин – Халли с ее экстравагантными футболками, эксцентричным стилем и премилой улыбкой, которая поражает меня в самое сердце каждый раз, когда я удостаиваюсь ее мимолетного взгляда.

Я всегда ожидал, что они начнут встречаться, родственные души и все такое, и это одна из причин, почему я никогда не пытался за ней ухаживать. Ну и еще мы много лет соседствовали с Эдвардсами – Халли практически член нашей семьи. Мама никогда бы меня не простила, если бы я причинил боль ей или Илаю, ухаживая за девушкой, которая явно предназначается не мне.

Нужно обо всем забыть и немного поспать, чтобы набраться сил перед завтрашней тренировкой, потому что моя жизнь и без того непростая.

И, конечно, забыть, что от Халли Джо Эдвардс меня отделяет лишь тонкая стена.

* * *

На следующее утро я просыпаюсь не в духе. Отчасти потому, что большую часть ночи я проворочался с боку на бок и заснул только с рассветом, когда лучи солнца уже просачивались сквозь занавески. И отчасти потому, что я не переставал думал о Халли и ее «контракте».

Бессонница, мысли о том, что не можешь изменить и о девушке, которая никогда не будет твоей, кому угодно испортят настроение.

Я провожу рукой по волосам и по лицу, пытаясь проснуться по пути на кухню. Илай сидит в одиночестве за кухонным столом, читает что-то на айпаде и пьет кофе.

Как сорокалетний мужчина в теле девятнадцатилетнего парня. Таков мой братишка. Он такой правильный, если не сказать больше.

– Доброе утро, – ворчу я, направляясь прямиком к холодильнику. Нужно подзаправиться. Он переводит на меня взгляд и приподнимает бровь.

– Поздно лег? Выглядишь дерьмово.

Я качаю головой:

– Не-а. Всю ночь не спал. Ворочался с боку на бок. Что читаешь?

– Медицинский журнал. Тут о таргетной терапии для больных раком молочной железы.

– Отличное чтиво для завтрака, – я усмехаюсь и наливаю в чашку миндальное молоко, чтобы приготовить протеиновый коктейль. Сегодняшний день будет изнурительным, и если я не начну его, влив в себя тонну белка и полезных элементов, я точно не выживу. Доводя себя до предела на поле и за его пределами, я должен поддерживать тело в отличной форме.

Илай пожимает плечами и делает глоток кофе. Только тогда я замечаю, из какой кружки он пьет. Это кружка Халли с летающей тарелкой, затягивающей корову, и надписью «Пока, лузеры!». Она любит пить из нее разный модный кофе. Я тут же вспоминаю о бессонной ночи и этом треклятом контракте. Самым большим искушением, с которым я в жизни сталкивался. Вздохнув, я ставлю шейкер на стол и поворачиваюсь к Илаю:

– Надо кое о чем поговорить.

Он поднимает бровь:

– Ладно. Что такое?

Я сажусь напротив и кладу руки на стол. Я не собирался говорить об этом с Илаем, но я должен скинуть с себя этот груз. Я должен знать, как обстоят дела.

– Что у вас с Халли?

Сначала он не отвечает и выглядит искренне смущенным, будто пытается осмыслить мой вопрос. То ли он и сам не знает, то ли не понимает, зачем я спрашиваю.

Между его бровями появляется складка.

– В смысле «у нас»?

– Ну… ты к ней что-то чувствуешь? Может, ты хочешь белый забор из штакетника, детишек и минивэн, но боишься сделать первый шаг?

Он широко раскрывает глаза от удивления и, хмыкнув, откладывает планшет.

– Чел, ты чего? Халли же мне, считай, как сестра. Это же ужасно. Как тебе это вообще в голову пришло?

Что?

Я не успеваю ответить, и он продолжает отнекиваться:

– Подожди, с чего ты вообще взял, что у нас что-то есть?

Я вдыхаю и провожу рукой по волосам.

– Да просто интересно. Я… я думаю, она всегда тебе нравилась. Я все ждал, что спустя столько лет вы будете вместе.

– Не, мы друзья. Бывает такое, что парни и девушки просто дружат. Попробуй как-нибудь, – брат ухмыляется.

– Так… значит, если она будет встречаться с кем-то другим, ты не будешь против?

Он смотрит на меня так, словно у меня выросла вторая голова.

– Ну… да, конечно. И я знаю, что она этого хочет. Чувак, мы с ней действительно *просто* друзья. И еще… я никому не говорил, потому что это случилось совсем недавно, но я общаюсь с одной девчонкой. Мы познакомились на вечеринке братства, и я позвал ее на свидание, так что… я вроде как кое с кем встречаюсь.

– О, правда? И кто она?

– Ее зовут Ари. Второкурсница с факультета английской литературы.

Наконец-то мой младшенький сделал этот шаг и, слава богу, это не Халли.

– Так почему ты спрашиваешь о Халли? – с каждой секундой он все более подозрителен. Черт. Я спрашиваю, потому что не могу больше постоянно думать о ней и не знать ответа на этот вопрос. Но я не могу сказать это ему.

Я просто… прощупываю почву.

– Просто интересно. Не знаю, просто всегда думал, что у вас что-то есть, а это, оказывается, не так.

– Да, мы друзья. И точка, – пожав плечами, он продолжает. – Она же как член нашей семьи, она со мной всю жизнь. Не пойми меня неправильно, она потрясающая, и ее парню очень с ней повезет, но я о ней в этом плане не думаю.

Я хмыкаю, но замолкаю и откидываюсь на спинку стула. Так это значит… хм, ее контракт теперь мне кажется еще более заманчивым, ведь мой брат не является препятствием, как я думал.

– А… м-мм, а что если бы я что-то к ней чувствовал?

– Подожди, что? Ты? – на его лице застывает недоверие. Я пожимаю плечами.

– Воу-воу-воу, подожди-ка. Ты ни с того ни с сего начал меня об этом спрашивать… потому что она нравится *тебе*? Какого черта, Лейн? У тебя такое происходит, а я узнаю об этом последним? Я…

– Я такого не говорил, – перебиваю я. – Я спросил «а что, если»? Ну, гипотетически. Вот и все.

– Уфф… я бы сказал, что ты вероятнее всего разобьешь ей сердце, и тогда мне придется тебя убить. Но сначала мне пришлось бы поверить в то, что ты вдруг втрескался в мою эксцентричную почти сестру с огромным сердцем, которая любит инопланетян. Не-ее.

– А что, если это… не внезапно? – тихо произношу я, готовый открыть этот ящик Пандоры, хотя я и сам не знаю, для чего затеял этот разговор.

– Дружище, у тебя не бывает длительных отношений. Ты о чем вообще говоришь?

Я выдыхаю, проводя рукой по лицу.

– Не знаю, Илай. Просто спрашиваю, а что вдруг? Если бы она правда, и по-настоящему мне нравилась?

Мой вопрос встречает молчание, он задерживает на мне пристальный взгляд и, наконец, отвечает:

– Если бы она тебе правда и по-настоящему нравилась, тогда ничего. Вы оба взрослые люди, и мне все равно, с кем вы встречаетесь. Но я за нее волнуюсь. Счастлива ли она, не разобьет ли ей сердце парень, который ее недостоин. Если ты сможешь поклясться, что никогда не причинишь ей вреда, то действуй.

– Я не говорю, что собираюсь. И вообще ничего не говорю. Я просто полюбопытствовал.

– Чувак, она лучшая. И она заслуживает лучшего, что есть в этом мире. Парня, который уважает ее, принимает ее особенности и не старается ее переделать. Она чиста и прекрасна, как внутри, так и снаружи.

Это было говорить не обязательно – я и так это знаю и согласен с каждым словом. А почему, вы думаете, я не решаюсь за ней приударить, хотя уже очень давно питаю к ней чувства? Потому что она чиста, и я боюсь ее замарать. Я боюсь, что облажаюсь, и это приведет к раздору между нашими семьями. Даже если это всего лишь исполнение контракта.

– Принял к сведению, – отвечаю я. В голове просто кавардак.

– Она моя лучшая подруга, а ты мой брат. Вы оба моя семья. И если она тебе интересна, не делай того, что обычно делает Лейн. Если ты хочешь ухаживать за ней, делай все правильно. Именно это я бы сказал. Конечно, гипотетически.

Черт, если бы он только знал.

Глава 4
Лейн

– Ну, какие планы на вечер? – интересуется Риз, откинувшись на матрасе, в тысячный раз подбрасывая резиновый мячик в воздух и с неуемной энергией потрясывая коленкой.

Его массивная фигура заполняет чуть ли не половину комнаты, а нетерпеливый стук его ноги эхом разносится вокруг нас.

– Что угодно, только не гребаный английский, – отвечаю я, глядя на Гранта.

Грант полностью оторвался от реальности за игрой в приставку. Мне кажется, он не моргал добрых пять минут. Я беру со стола книгу, кидаю в него и попадаю прямо в висок.

– Какого хрена? – он стонет и потирает место удара. – За что?

– Проверял, не сдох ли ты, а то ты, по-моему, не с нами. Мне уже надоело таращиться в экран. Пятница же. Давайте выползем куда-нибудь.

Прошло уже шесть дней с того момента, как мой мир повернулся, и не было ни секунды, чтобы я не думал о *ней*.

Грант морщит лоб и все еще потирает голову:

– Может, в Brady's? Или лучше в Sigma Pi?

Это наши любимые места.

Нет уж, в привычные заведения я сегодня идти не намерен. Вчера Халли обронила, что они с Вив сегодня идут в Redlight – самый популярный бар рядом с кампусом, в котором по пятницам обычно толпа людей нафирменной ночи боди-шотов[7], где все играют в «зеленый-красный»[8].

Последние шесть дней, нося в кармане сложенный листочек, который изменил все, я провел в худшем из возможных филиалов ада. Так что сегодня я окажусь именно там.

– А может пойдем в Redlight? Сменим обстановку.

Мячик, который Риз подкидывал в воздух, падает ему прямо на лицо, и он замирает, пристально уставившись на меня:

– Ты что, серьезно? Я думал, ты его ненавидишь.

Я пожимаю плечами:

– Ну там слишком часто дерутся. А сегодня все будут стараться вести себя получше, так что должно обойтись без драк.

И я пойду туда, с друзьями или без, потому что должен за ней присматривать. Ни за что на свете она не пойдет туда без меня, особенно после язвительного замечания Вив о знакомстве с классными парнями.

И особенно после этих кошмарных шести дней, за которые я не мог думать ни о чем, кроме ее конт-ракта.

Да, она думала, что говорит с Илаем, но так уж вышло, что это был я. И с тех пор я потерял сон.

По правде говоря, мое к ней влечение просто переходит все границы. Она – из самых неловких девушек, что я встречал, но меня никогда ни к кому не тянуло так, как к ней. К ее большим, голубым, невинным глазам. Мне нравятся даже ее мешковатые футболки, и, как бы хреново это не звучало, я мечтаю снять их и увидеть, что она под ними скрывает.

Конечно, я не собираюсь говорить об этом ни одной живой душе.

– Я в деле. Насрать, куда идти. Главное, чтобы там были горячие девчонки и пивко, – добавляет Грант, снова взяв в руки геймпад. – И нужно вернуться не слишком поздно. Чувствую, на завтрашнюю тренировку идти будет самоубийством, если кто-то сегодня все-таки ввяжется в драку. Потому что вы же понимаете, что если мы пойдем в Redlight, то драки не избежать.

Риз закатывает глаза:

– Ну ладно. Пофиг. Давненько в моей жизни не случалось ничего интересного.

– То есть то, что тебя чуть не застукали, пока ты трахал преподшу, это недостаточно интересно? – удивляется Грант.

Да, было дело. Но мы об этом почти не говорим, потому что эта самая преподша – чертовски горяча, а Риза за такое могли выгнать из команды, и мы потеряли бы лучшего кэтчера[9] в Луизиане.

– На, засунь себе его в зад, – ворчит он, кидая в друга мячик, от которого Грант ловко уворачивается, чтобы не получить по башке второй раз на несколько минут. – Просто хочу сказать, что Лейн прав. Это наш выпускной курс. Нам нужно хорошенько поразвлечься. Горячие студентки, новые места. Затусим по-крупному.

– Значит, договорились. Скажите всем, что мы сегодня пойдем в Redlight, – мы обмениваемся ухмылками. Вечер пятницы в университете Орлеана *никогда* не бывает скучным. По крайней мере для нас. Весь универ в наших руках.

– И постарайтесь вести себя прилично. Звучит отстойно, но я не хочу, чтобы мы блевали на завтрашней тренировке. Как ваш капитан, приказываю держаться подальше от неприятностей. Это всех касается.

Я лучше, чем кто-либо другой, знаю, что легче сказать, чем сделать. Неприятности, кажется, сами меня находят, ну и я всегда питал к ним слабость.

* * *

Мы переступаем порог Redlight. Я тут же начинаю искать ее глазами, оглядываю комнату в поисках ее темных волос. Фиолетовая прядь – как маяк для моих глаз. Не у всех девушек хватит на это смелости.

Черт, тут полно народу. Просто битком набито.

Толпа людей собралась у бара, где уже танцуют девчонки и распивают спиртное прямо из бутылок.

Я не нахожу ее, и прохожу за Ризом и Грантом вглубь бара, к столикам на самом верху, где уже сидят остальные ребята из нашей команды.

– Коллинз, дружище, че, как? – Ридж поднимает бокал пива, а я стукаюсь кулаками с Майлзом. – Все путем, а вы как?

Я улыбаюсь двум девушкам, сидящим на его коленях. Я бы не ожидал меньшего от нашего третьего бейсмена.[10]

– Так ты расскажешь *реальную* причину, по которой мы сегодня здесь? – интересуется Риз. Друг делает глоток пива и многозначительно смотрит на меня. Я пожимаю плечами:

– Просто сменить обстановку. Я же уже сказал.

Я не отрываю взгляд от танцпола и оглядываю зал в поисках Халли, но безуспешно.

– Ага, как же. Может что-то другой бы в это поверил, кто тебя не знает, но точно не я. Так что выкладывай.

Стиснув зубы, я бормочу под нос:

– Здесь сегодня должна быть Халли.

– Я так и знал, что ты запал на эту девчонку! Чувак, а я хорош! – друг ухмыляется. – Значит, наконец-то готов к решительным действиям?

– Что? Да нет же, идиот. Я просто… присматриваю за ней. Чтобы она не попала в неприятности, вот и все.

– М-мм, ага, – в его тоне сквозит недоверие. – Присмотришь за ней, а потом… О, посмотри, вон там стоят Лорен и Брук. Выглядят просто бомбически сексуально. Идем.

В любой другой день Лорен и Брук – именно те неприятности, которые я искал. В такие неприятности я попадал не один раз. И чаще всего вот на таких пятничных вечеринках. Эти девушки готовы упасть на колени и доказать любимому питчеру свою преданность команде.

У них огромные сиськи, накрашенные губы, короткие юбки и облегающие майки, не оставляющие простора воображению. Они все понимают и исчезают с радаров без лишних слов.

Все легко и просто. Как я и люблю. Как раз то, что мне нужно.

Мой мир вращается вокруг бейсбола, и зачастую в нем нет

места для чего-то другого, особенно для отвлечения на фанаток, даже если это всего лишь развлечение на одну ночь.

Я иду за Ризом к хихикающим девчонкам, которых легко принять за близняшек. Они стоят рядом и перешептываются.

– Как сегодня поживают две мои любимые барышни? – воркует Риз, обнимая Лорен за плечи, а она улыбается в ответ.

– Привет, Риз, – выдыхает она, просияв ярко-голубыми глазами.

Девушка переводит взгляд на меня.

– А что вы делаете в Redlight? Не ожидала увидеть вас по эту сторону кампуса.

Я пожимаю плечами, одаривая ее равнодушной улыбкой.

– Люблю в жизни разнообразие, понимаешь ли. Развлекаешься?

– Теперь да.

Она теснее прижимается к Ризу, а ее «близняшка» подваливает ко мне и оказывается так близко, что я чувствую аромат ее духов.

– Давненько не виделись, Лейн, – многозначительно произносит она хриплым низким голосом. – Повеселимся сегодня?

В любой другой вечер я бы послал все к черту и с распростертыми объятиями принял бы ее предложение. Но сегодня?

Сегодня есть только одна девушка, с которой я хотел бы встретиться, и это точно не одна из этих блондиночек.

Брук принимает мое молчание за согласие, кладет руку мне на грудь и наклоняется ко мне:

– Давай сбежим отсюда. Пойдем к тебе, и я сделаю языком то, что тебе так нравится.

Я убираю ее руку, лежащую на моей груди:

– Я в порядке. Сегодня вечером я занят. Но спасибо за предложение.

Невозможно не заметить разочарование на ее лице, но она быстро натягивает фальшивую улыбку:

– Хорошо. Может, в другой раз.

– Да, конечно!

Я смотрю на Риза, который уже почти завалил Лорен.

– Пойду в бар. Тебе взять чего-нибудь?

Он качается головой и отмахивается от меня. Все как обычно.

Я подхожу к бару и заказываю пиво для нас обоих, потому что, если я вернусь с пустыми руками, он будет зудеть, что я ему ничего не взял.

Прислонившись к стойке, я оглядываю толпу. Снова

безуспешно. Я начинаю раздражаться от того, что до сих пор ее не встретил.

Твою мать! Нужно было оставаться дома. Пошел бы на вечеринку братства. Куда угодно, только не сюда. Тут так громко, что я даже мыслей своих не слышу. Никакого настроения веселиться. А быть единственным трезвым человеком в компании уж точно не весело.

На противоположном конце бара собралась толпа, люди скандируют, когда кто-то опрокидывает фирменный шот Redlight, и я качаю головой.

Я сейчас должен заниматься тем же самым. А вместо этого я выслеживаю девушку, которая для меня настолько недоступна, что просто воплощение недоступности.

И тут такая же толпа рядом со мной взрывается радостными возгласами.

Какого хрена?

Я резко поворачиваю голову, чтобы посмотреть, что привлекло всеобщее внимание. Точнее, *кто*. И, конечно же, это не кто иной, как та самая девушка, которуюя ищу.

Та самая, одетая сейчас в обтягивающее черное платье с милым бантиком на груди и глубоким вырезом, оголяющим ее сочные сиськи, которые она сжимает, пока какой-то парень готовится выпить из них шот. Из ее пышного декольте торчит трубочка, а голова запрокинута назад в смехе, от которого у меня сводит живот.

Халли Джо, мать ее, Эдвардс.

Парень напротив нее выглядит так, как будто уже готов приступить к следующему блюду. Я вскакиваю с места, наблюдая за тем, что разворачивается перед моими глазами.

Да, конечно. Только через мой труп. Нихрена подобного.

Пусть прикоснется к ней, если хочет навсегда лишиться рук. Я с удовольствием переломаю все кости в его руке. Сегодня вечером мне как раз нужно выпустить пар.

Без лишних раздумий я направляюсь прямо к ним, распихивая людей, не утруждая себя извинениями.

Наконец я пробираюсь к ней, ловко вытаскиваю рюмку из ее декольте и опрокидываю в себя. Алкоголь обжигает мое горло. Она так пьяна, что у нее стеклянные и невидящие глаза, так что ей требуется чуть-чуть времени, чтобы осознать, что перед ней стою я. Мне кажется, я никогда раньше не видел ее пьяной.

Ее глаза становятся размером чуть ли не с блюдца, она взвизгивает: «Какого хера, Лейн?», спотыкается и с трудом удерживается на ногах.

Придурок напротив нее пялится на меня и принимает более

агрессивную позу, когда понимает, что уходить я не собираюсь и только что обломал ему всю малину.

Ну пусть попробует.

– Убери от нее свои сраные руки! – нападаю я и подхожу ближе к нему. Во мне горит чувство собственности, хотя я понимаю, что не имею на это права. Дело не только в том, что я хочу защитить Халли, но и в том, что она очевидна пьяна в стельку, и я не позволю какому-то случайному болвану прикоснуться к ней. У них все уже точно не может быть по обоюдному согласию, и я не оставлю ее в такой ситуации.

К счастью, говнюк понимает намеки и отступает назад, поднимая руки в знак капитуляции:

– Прости, чувак. Я не знал, что она занята.

Халли бормочет:

– Я… я им не… не занята!

Она смотрит на этого кретина, потом снова на меня.

– Что ты делаешь?

– Шоу окончено. Убирайтесь все! Вон! – рявкаю я толпе, сгрудившейся вокруг нас, и наблюдаю, как зрители разбегаются. Некоторые бросают через плечо взгляды, полные сожаления. – Всем пока! Берегите себя!

Я возвращаюсь взглядом к Халли. Она стоит, скрестив руки и надув пухлые губы.

– Знаешь, что? Мне нужна еще текила, – заявляет она, разворачиваясь на каблуках, но я хватаю ее за руку, пока она не успела уйти.

– Нет уж, – протестую я, наклоняясь и одним махом перекидывая ее через плечо.

– Лейн! Боже мой, пусти! – визжит она, колотя меня кулаками по спине. Я крепко обхватываю руками ее ноги, надежно ее удерживая, а моя ладонь лежит чуть ниже ее попки и придерживает платье, чтобы никто не увидел еще одно шоу.

Утром она меня возненавидит, но если я не уведу ее сейчас, она точно сделает то, о чем пожалеет, и это будет на моей совести. Я не идеальный человек, но в данном случае считаю это хорошим и правильным поступком. Когда дело касается ее, я хочу быть джентльменом.

– Мы идем домой, Халли. Это не обсуждается.

Она фыркает:

– Ты не можешь просто утащить меня, как пещерный человек! И не такой, как снежный человек, а в плохом смысле!

– Могу и сделаю. А теперь, дорогая, тебе лучше перестать сопротивляться, потому что я тебя унесу отсюда в любом случае.

Я стараюсь не думать о том, что моя рука сейчас в

непосредственной близости от ее восхитительной задницы. Сначала нужно выйти на улицу, протиснувшись сквозь толпу зевак, наблюдающих за нашей капитуляцией.

– Да, Коллинз! Покажи ей, бро! – раздаются вопли у меня за спиной, но я продираюсь к выходу, не удостоив их прощанием и не став с ними разбираться. Сейчас для меня важно вернуть Халли домой в целости и сохранности.

Мы подходим к моей машине, нас окутывает теплый ночной воздух. Я наклоняюсь и ставлю ее на ноги.

Ее щеки раскраснелись то ли от напряжения, то ли от выпивки, то ли от жары, но как же мне нравится этот румянец.

– Поверить не могу, что ты это сделал. При всех! Это была самая неловкая неделя за всю мою чертову жизнь, – восклицает она, ударяя меня в грудь, но не слишком сильно – я почти не заметил. Я сжимаю ее крошечную ручку в своей, пока она снова меня не ударила, и делаю шаг назад.

– Ты пьяна, я не собирался оставлять тебя там, чтобы ты натворила дел. Злись на меня всю ночь, если хочешь, Халли. Но мы едем домой.

Открыв дверцу, я протягиваю ей руку, усаживаю на пассажирское сиденье и пристегиваю ремнем безопасности.

Из всех вариантов, как мог закончиться этот вечер, такого я точно не ожидал.

По пути домой она не сказала ни слова, только смотрела в окно, скрестив руки на груди.

Живем мы близко, но такое ощущение, что мы проехали сотню километров. И на каждом километре я готов был признаться, что ее контракт припрятан у меня в кармане, и это одна из причин, по которой я сегодня повел себя именно так.

Потому что я обезумел от ярости, когда увидел, что тот парень полез ее лапать.

Я завожу машину в гараж, глушу мотор, и на секунду останавливаюсь, наблюдая за тем, как она пытается отстегнуть ремень и ругается себе под нос. Ее нетрезвый мозг не может сообразить, что нужно нажать на маленькую красную кнопочку, которая освободит ее от ремня.

– Халли, – она поднимает взгляд, и я вижу раздражение в ее стеклянных глазах. – Позволь мне.

Я протягиваю руку, нажимаю на кнопку и подхватываю ремень. Затем выхожу из машины, открываю дверь с ее стороны и вытаскиваю ее как невесту, несмотря на ее протесты.

– Вот только не превращай это в привычку, – язвит она, закатив глаза. – Я вполне в состоянии идти сама. Хотя, наверное, не по прямой. Но идти я могу, знаешь ли.

Я мычу в ответ на ее заявление. Идти по прямой? Да она не может предложение выговорить.

– Верю, крошка Халли.

– Вот и отлично. Потому что это правда. Я никогда не вру. Это противоречит моим моральным принципам.

Я угукаю и затаскиваю ее в дом, пока соседи или, еще хуже, мой брат, нас не увидели. Как раз то, чего не хватало, когда я и так балансирую на грани добра и зла, желания и похоти, вожделения и краха.

Именно так я воспринимаю перспективу перейти черту в отношениях с ней. Я умнее этого. Я знаю, что об этом лучше не думать, но это не дает мне покоя с тех самых пор, как она оставила на тумбочке этот чертов листок.

Эти мысли даже начинают мешать тренировкам, а этого со мной никогда не случается.

В доме тихо. Я закрываю ногой входную дверь и несу ее по коридору в спальню. Я открываю дверь, захожу в комнату и кладу Халли на кровать.

Я заходил сюда всего пару раз, да и то только чтобы что-то у нее спросить, или сообщить, что готов ужин.

И хотя контракт разделил мою жизнь на «до» и «после», мои мысли о Халли уже давно неизменны.

Я хочу быть с ней со старшей школы. Я просто никогда не делал никаких шагов. Пока.

– Ты… ты не обязан этого делать, – бормочет она, плюхаясь обратно на кровать. Я разглядываю ее комнату.

На стенах вообще нет свободного места. Среди винтажных постеров из фильмов ужасов, разрозненных абстрактных картин, в основном с зелеными человечками, и огромной доской с заметками и фотками, на стене нет свободного места.

Здесь все такое… ее.

Если вы не знали, кто такая Халли Эдвардс, то побывав в этой комнате, точно бы все поняли. Умная, интересная, и с отличным музыкальным вкусом.

И чертовски красивая. Такая красивая, что она привлекает внимание, как только входит в комнату. Все взгляды устремлены на нее.

– Я знаю, Хал, – шепчу я, помогая снять с ее ног потертые красно-розовые кеды. На ее лодыжке надет изящный тонкий браслет с йети-подвеской. – Схожу за салфетками. Сейчас вернусь.

Я не дожидаюсь ее ответа. Важный факт, который я узнал о женщинах: они не могут спать, не смыв макияж. Так что я принесу салфетки, помогу ей улечься и оставлю ее в покое.

Черт. А если ее стошнит?

Значит, буду спать рядом с ней на полу.

– Хал? – спрашиваю я, заглянув в ее спальню, но отвечать она не собирается. Потому что она крепко спит, слегка похрапывая, и с уголка ее губ стекает слюна. Вздохнув, я кладу салфетки на тумбочку у ее кровати, затем иду на кухню и достаю из холодильника бутылку воды и аспирин.

Завтра она этому обрадуется. И я тоже, потому что мне придется провести ночь на холодном деревянном полу рядом с ее кроватью.

Поставив воду и таблетки на тумбочку, я беру черное одеяло с космосом с другого конца кровати, накрываю им Халли и подтыкаю его. Я хватаю подушку, бросаю ее на пол и ложусь.

Не так я ожидал провести вечер пятницы, но, если нужно присмотреть за Халли, именно здесь я и хочу быть.

Глава 5
Халли

Я просыпаюсь и понимаю, что происходит что-то очень, *очень* странное.

Я как будто упала с самосвала. Все тело болит, конечности отяжелели, в голове густой туман и такое чувство, что я проглотила кусок ваты.

Застонав, я поднимаю голову и приоткрываю один глаз. В мое лицо из-за занавесок струится солнце.

Господи Иисусе. Что вчера было?

Последнее, что я помню – мы фоткались с Вив, а потом какой-то невероятно сексуальный парень увел ее, оставив меня в одиночестве. Потом я опрокинула еще несколько шотов, а потом танцевала на барной стойке.

О-оо, что за дерьмо. Неужели я правда танцевала на барной стойке? Я снова стону, натянув одеяло на голову. Один шот, второй, а потом…

О мой Бог!

Я вскакиваю так резко, что у меня кружится голова. Я морщусь, потирая виски и оглядывая комнату.

Я в этот момент я замечаю Лейна, спящего на моем полу. Его взъерошенные темно-русые волосы падают ему на лоб, а с его идеальных губ срывается тихий храп.

Почему он спит на полу в моей спальне? И почему в комнате так сильно пахнет корицей?

Кто бы мог подумать, что существует напиток хуже текилы? Теперь я знаю – это «Огненный шар»[11].

Едва вспомнив о нем, я ощущаю тошноту, которая возвращает меня к прошлому вечеру. Как же я набухалась…

О боже, нет. Я начинаю вспоминать.

Боди шот. Лейн угрожает парню, который засунул текилу мне между сисек. Он закидывает меня на плечо как мешок с картошкой.

Молчание по дороге домой.

Он заносит меня в дом и несет так, как будто я самое дорогое сокровище. Он укладывает меня в кровать и снимает с меня обувь.

А потом ложится спать на полу, потому что *беспокоится* обо мне. У меня такое чувство, что я в параллельной вселенной.

Схватив подушку, я бросаю ее в него, и он, вздрогнув, просыпается, издав глубокий стон, который я ощущаю всем

телом, вплоть до кончиков пальцев на ногах.

– Черт, Халли, это еще зачем?

Сглотнув, я стараюсь, чтобы мой голос звучал не так, будто я выкуриваю по пачке сигарет в день, но в горле все равно пересохло и першит:

– Потому что ты спишь в моей комнате, и мне неловко, и я хочу, чтобы ты ушел. Прямо сейчас.

Он поднимает голову, мы встречаемся взглядами.

– Хотел убедиться, что тебя не стошнит посреди ночи.

Боже, и почему он такой красивый после пробуждения? Кто вообще выглядит так сексуально, только проснувшись?

Я сейчас похожа на огнедышащего дракона. И огнем дыхнуть могу.

– Я… я ценю это. Правда. Я бы хотела притвориться, что прошлой ночи никогда не было, поэтому, пожалуйста, прости меня за все, что я тебе наговорила.

На его губах появляется улыбка, он приподнимается на локте, а затем переворачивается на спину:

– Может, если в следующий раз решишь напиться в баре, сообщишь об этом кому-то из нас?

– Поверь мне, такого больше никогда не повторится. Я больше никогда не буду пить. Если я увижу хоть каплю алкоголя, меня вырвет.

Кстати, об этом – у меня начинает урчать желудок. Лейн встает с пола.

Все это прекрасно, за исключением того, что член Лейна оказывается как раз на уровне моих глаз. Я явно не эксперт по противоположному полу, но сейчас утро, а утром у парней часто бывает…

Я не могу отвести взгляд. Я даже не пытаюсь это сделать.

Он напряженно выпирает через молнию на джинсах. Он совершенно не обращает внимания на тот факт, что его член находится в паре дюймов от моего лица, когда вытягивает руки над головой и стонет.

Это такой восхитительный, такой глубокий и довольный звук, что по моей спине пробегает дрожь. Почему этот момент одновременно такой невинный и такой сексуальный?

– Халли?

Я подпрыгиваю и поднимаю глаза, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Д-да?

– Пойду добуду завтрак. Хочешь чего-нибудь? – спрашивает он, вопросительно приподняв бровь.

– Да. Конечно. Еда – это здорово. Накормим свой организм, –

я неловко смеюсь. Даже жалостливо. Возьми себя в руки, Халли. – Ну да, без еды не обойтись… м-мм… конечно. *Да, принеси чего-нибудь.*

Он настороженно смотрит на меня и кивает:

– Как скажешь.

Как только он выходит из комнаты, я плюхаюсь обратно на кровать и издаю стон. Убейте меня. Теперь нужно взять телефон, потому что не справлюсь с этим без Вив.

Мне *очень* нужна Вив.

Она точно знает, что делать, когда проснулся на незнакомой и странной планете. Будем надеяться, что здесь разгуливают большие синие инопланетяне, потому что только так это утро имеет хоть какой-то смысл.

Держа в руке телефон, я жду ее ответа. Гудок FaceTime эхом разносится по комнате.

Спустя несколько гудков подруга поднимает трубку. На ее голове полотенце такого же цвета, как и полотенце, обернутое вокруг ее тела, и все ее тело покрыто… это что, грязь?

Хотя в этом нет ничего удивительного.

– Ты почему в грязи?

Я вообще хочу это знать?

Она закатывает глаза, выпячивает бедро и кладет руку на талию:

– Это маска для детокса. После того количества текилы, что я выпила прошлой ночью, мне нужно что-то такое, и срочно.

– Да, насчет этого… – произношу я на выдохе и пересказываю все, что могу вспомнить о прошлой ночи, а особенно то, что я проснулась утром и поняла, что всю ночь у меня на полу спал Лейн Коллинз.

Когда я заканчиваю, ее глаза широко распахиваются, и она чуть ли не прыгает:

– Так, ладно. Это намного лучше чем то, как провела вечер я. Моя история меркнет по сравнению с твоей. Точнее, с ее главными героями. Ну, неважно. Говоришь, Лейн спал у тебя в комнате на полу? Он решил о тебе позаботиться?

Я киваю, закусив губу:

– Ага. И он вел себя так, как будто ничего не случилось. Конечно, мы выросли по соседству, он не чужой человек. Но… но мы и не так близки, как с Илаем. Мой лучший друг – Илай, а Лейн… Лейн его старший брат. Вот это странно, да? Я не драматизирую?

– Хал, ты всегда драматизируешь. Это неотъемлемая часть тебя. Та, которую мы любим и ценим. Ситуация и правда немного странная, но, типа, я не знаю, это плохо? Может, ты ему

нравишься?

– Ага, конечно, – усмехаюсь я, закатывая глаза. Вив – единственный человек на планете, который в курсе моей крошечной влюбленности в Лейна, и ради сохранения моего рассудка так оно и останется. – Это просто смешно.

Она пожимает плечами:

– Ну а вдруг.

– Но на этом странности не заканчиваются, – продолжаю я, возвращаюсь к кровати и плюхаюсь на одеяло. – Илай ведет себя… как обычно. Он ни разу не упомянул о контракте. Чувствую себя полной идиоткой! Почему он ведет себя так, как будто ничего не произошло? Он не может просто… *отказать* мне, чтобы я двигалась дальше?

– Да, это и *правда* странно, что он совсем никак не отреагировал. Может, он просто не понимает, что делать или что сказать? Он, наверное, капец как удивился. И не знает, как реагировать. Думаю, надо дать ему время, и он к чему-то придет. И ты тоже притворись, что ничего не произошло.

Кивнув, я переворачиваюсь на спину и держу телефон над головой:

– Да, наверное, ты права. Я себя накручиваю. А может и нет. Я же предложила лучшему другу со мной переспать, и теперь у нас будет странная дружба. Знаешь что? Сменю имя, позвоню в программу защиты свидетелей и исчезну.

– Видишь? *Драматизируешь*.

Глава 6
Лейн

Нужно было подольше все обдумать, прежде чем принимать это судьбоносное решение. А я потратил всего неделю и сдался.

Готов наплевать на последствия, хотя это полное безумие.

Но прошлой ночью я увидел, как этот парень лапал ее, и потерял голову. Не могу вынести, чтобы кто-то другой ее трогал. Чтобы она предложила такому вот придурку то же, что и мне, и он этим воспользовался.

Нет. *Нахер.*

Правильно ли я поступаю?

Наверное, нет. Да это совершенно точно неправильно, но меня уже, похоже, не остановить.

Мне следовало пресечь свои чувства в тот самый момент, когда она оставила на тумбочке это треклятый контракт. Когда я увидел этот листок, разрисованный крошечными красными и розовыми сердечками, как на сраной валентинке.

И нужно было подавить эрекцию, пока она разглагольствовала о своей девственности.

Но не сомневайтесь – правильно или нет, уже ничего не изменишь.

Я делаю именно то, чего пообещал себе не делать. Я сдаюсь. Я знаю, что, если мы это сделаем, все изменится.

Мы никогда не сможем ничего вернуть как было, и все же… после прошлой ночи я долго не рассуждал. Я сразу принял решение.

Я бы дал ей то, чего она просит, и даже больше.

Схватив бумагу со стола, я выхожу из спальни. Я знаю, что она уже дома, только что пришла с пар, и мы дома одни.

Я не слежу за ее расписанием, ничего такого, просто за завтраком она сказала Илаю, что придет домой делать уроки. О том, что произошло в выходные, не упоминалось, и я тоже не поднимал эту тему.

Я просто тяну время, выжидаю подходящий момент, чтобы сообщить ей, что я жажду того, чего она предлагает.

Я вхожу в гостиную. Она сидит, скрестив ноги, за чайным столиком. Ее темные волосы собраны в растрепанный пучок на затылке. На лице нет ни грамма косметики, а одета она в длинную, до бедер, футболку с Matchbox 20.[12] Я с трудом отвожу взгляд от ее кремовой фарфоровой кожи.

Она в наушниках и не слышит, как я подхожу. Я пользуюсь

моментом, чтобы понаблюдать за ней, погруженной в собственный мир. Она покачивает головой, подпевая песне, и пишет в блокноте. Столик завален книгами, по нему разбросаны маркеры, ручки, рядом лежит пачка кислых мармеладок.

Через пару секунд я подхожу к ней и кладу контракт на стол рядом с ее блокнотом. Она пугается, подпрыгивает, и с ее губ срывается визг. Она вытаскивает наушники:

– Боже! Ты меня до смерти напугал, Лейн!

До смешного медленно она опускает глаза на листок, что я положил перед ней, а затем поднимает на меня взгляд.

– Откуда… это у тебя?

– Я подписал. Полным именем, как ты и просила.

Я ухмыляюсь и скрещиваю руки на груди.

– Что? Как… где ты это взял? – не понимает она. – Это что, шутка? Ты меня разыгрываешь, да? – она резко вскакивает и хватает со стола уже потрепанный листок.

– Ты оставила его на тумбочке, когда проскользнула ко мне в душ, Халли.

Она застывает, и сглатывает.

– О боже. Этого не может быть! – вскрикивает она, закрыв лицо руками. Она что-то бормочет, но я едва слышу. – Боже, мне так стыдно. Я сейчас умру. Это самая, самая ужасная неделя в моей жизни!

– Я знаю, что твой контакт предназначался не мне, Хал, и так уж получилось, что он попал не к тому брату. Но, черт возьми, я не собираюсь упускать эту возможность. Я принимаю твое предложение, – я улыбаюсь, подхожу ближе к ней, она убирает руку от лица, и вблизи ее глаза кажутся еще больше.

– О, господи, Лейн, – лопочет она. – Я не хотела, чтобы это попало к тебе. Я написала это Илаю. Я предлагала ему безопасный и чисто механический… То есть, ты… ты… Я бы никогда не смогла попросить тебя о… – прервавшись, она плотно сжимает губы.

– Скажи это, – я шепчу и подхожу к ней еще ближе. Теперь мы совсем близко. Ее ступни с фиолетовым блестящим педикюром касаются моих. Мы еще никогда не были на таком интимном расстоянии, и она словно готова в любой момент дать деру.

– Ч… что сказать?

– О чем ты меня попросила. Скажи вслух.

– То есть, о чем я попросила твоего брата? – она говорит с придыханием, так мягко и так нежно. – Я не знала, что за занавеской был ты. И ты об этом знаешь. Конечно, я не влюблена в Илая, как и он в меня, просто это… ну… практично.

Вот оно!

То, что я хотел услышать. Что она на самом деле не влюблена в моего брата.

Я повторяю:

– Скажи вслух, Халли. Тебе хватило храбрости это написать, так что имей смелость и озвучить.

Она сглатывает:

– Лейн, это тупо. Я понятия не имела, что это был ты. Я бы никогда тебя не попросила. Я чувствую себя ужасно глупо и неловко.

Она повторяет одно и то же снова и снова, но это все не имеет значения.

Потому что, конечно, как она думает, предложение поступило не к тому брату. Но на самом деле как раз к тому.

Никто в этом доме не прикоснется к Халли Эдвардс. Только я.

Я позабочусь об этом.

Я потратил годы, мечтая о том, чтобы это я был тем братом, с которым она захочет быть. А теперь, когда я знаю, что у нее нет чувств к Илаю, вопрос решен.

Я нежно обхватываю пальцами ее запястья, ее слова замирают, когда я впервые ее касаюсь. С ее губ срывается тихий вздох.

– Скажи это.

Я не дам ей застесняться сейчас. Нет, я хочу услышать это из ее уст. Мне нужно, чтобы она это сказала.

– Я… я попросила тебя лишить меня девственности. И научить меня, – шепчет она, опустив глаза. Я приподнимаю пальцем ее подбородок, чтобы она снова посмотрела на меня.

– Неужели это было так трудно?

Халли качает головой, снова закрывая лицо, как будто ей невыносимо встречаться со мной взглядом.

– Мне жаль, что так получилось. Мне так стыдно, что я сейчас просто лягу и умру прямо здесь. Давай притворимся, что этого никогда не было? И все будет как раньше. Притворимся, что ты не тащил меня пьяную домой, и что я не предлагала тебе со мной переспать, хоть и случайно.

– Нет уж.

Она бледнеет, на ее лице написана паника:

– *Прошу тебя*.

– Не-а. Возможно, это и предназначалось моему брату, но контракт у меня, и я его подписал. Так что теперь он имеет юридическую силу.

Ее взгляд переходит на мои пальцы, все еще сжимающие ее запястья. Она прокашливается.

– Лейн, ты сошел с ума. Такого просто быть не может.

Конечно, нет. Ты же это *ты*. А я это *я*. Мы как небо и земля. Ты бог бейсбола, а я странная, эксцентричная и совсем неопытная Халли Джо. Нет, это безумие. Просто притворись, что этого никогда не было, – она вырывается из моей хватки и отходит, не выпуская контракт из рук. – Честное слово, у тебя девушек больше, чем в борделе, и я проигрываю в сравнении с любой из них.

Я поворачиваюсь к ней лицом:

– Ты несешь полную чушь.

– Что из этого? Что ты меняешь девушек как перчатки, или что я совсем непохожа на сисястых Барби, что ты сюда тайком приводишь?

– Хватит. Не сравнивай себя ни с кем, Халли. Ты сногсшибательная, и я больше никогда не хочу слышать от тебя ни хрена подобного.

Судя по ее выражению лица, мои слова ее шокируют. Она открывает рот, будто собирается что-то сказать, но затем закрывает его и качает головой.

– Ты… ты не может просто так такое говорить.

– Я говорю что хочу, и я повторю – я не хочу слышать, как ты себя принижаешь. Ты можешь придумать сколько угодно оправданий, типа «я думала – это твой брат», «я это не имела в виду» или «я – это я», что бы это ни значило, но ты не можешь дать заднюю. Я провел всю последнюю неделю, думая только о том, каково это – быть с тобой.

Она моргает. После моего признания она словно не может подобрать слова.

– Не говори, что я лишил тебя дара речи, крошка Халли.

– У нас… у нас никогда не получится. Ты это понимаешь? – ее голос повышается от возмущения. Она машет рукой между нами. – Лейн, я *девственница*. Я даже не целовалась ни разу. Я неуклюжая и ужасно неловкая. На той неделе я буквально чуть не убила первого парня, который хотел меня поцеловать. Серьезно, за ним приехала скорая. Он, кажется, в порядке, но… но у тебя большой опыт. А у меня совсем нет. Зачем тебе это вообще надо? Не похоже, чтобы я тебя интересовала… до этого.

О чем она вообще?

– Значит, дело в этом? – я подхожу ближе. Она отходит и упирается спиной в стену. – А как, по-твоему, я бы тебя научил чему-то, если бы был таким же неопытным, как ты?

– Ну… да, но…

– Перестань оправдываться, – шепчу я и наклоняюсь к ней.

Мы теперь так близко, что я чувствую на губах ее дыхание и почти ощущаю вкус мармеладок. Терпко, но сладко. Именно так я

и представлял себе ее вкус. Немного остроты прежде, чем утонуть в сладости.

Она смачивает губы языком. Я кладу ладонь на стену рядом с ее головой и накручиваю на палец прядь ее черных волос.

– Ты даже не представляешь, как тебе может быть со мной хорошо, какие сильные это ощущения и какой кайф ты получишь.

Она глубоко вдыхает, ее взгляд прикован к моему, и она даже слегка задыхается.

– Я бы так много мог тебя показать и научил бы таким вещам. Как доставить удовольствие самой себе. Как поставить любого мужчину на колени. Ты же этого хотела, правда? И я хочу это сделать, потому что ты мне нравишься. Так что… почему бы и нет?

Я легко и нежно провожу большим пальцем по ее нижней губе.

– У тебя есть моя подпись, и у тебя есть я.

Я наклоняюсь и легонько касаюсь ее губ своими. Лишь намек на прикосновение. Я не хочу, чтобы ее первый настоящий поцелуй был таким, но хочу, чтобы она почувствовала.

– Твой первый поцелуй таким не будет, Халли. Это произойдет, когда ты придешь ко мне без тени сомнения, что это именно то, чего ты хочешь. Когда отдашь мне всю себя. И тогда я подарю тебе первый поцелуй, которого ты точно не забудешь, и лучше которого никогда не будет. И если ты все-таки решишь – ты знаешь, где меня найти.

С этими словами я отталкиваюсь от стены и выхожу из комнаты, оставив ее с отвисшей челюстью.

Мяч на ее стороне поля. Но она должна быть готова сыграть в эту игру.

* * *

Остаток дня я пытаюсь себя чем-то занять, изо всех сил отгоняя от себя мысли о Халли и ее контракте. Я иду в читальный зал поучиться, потом разминаюсь с ребятами перед тренировкой, а после тренировки тащусь домой, совершенно измученный.

Я выкладываюсь на все сто, готовясь к сезону, и это дает плоды.

Я возвращаюсь домой и бросаю у двери сумку и бутсы. В доме тишина. И в гостиной, и на кухне темно. Очевидно, сегодня вечером дом в моем полном распоряжении.

Я пишу Илаю. Он тут же отвечает, что работает над статьей и вернется поздно, так что я направляюсь прямиком в душ и

включаю воду.

Нужно ополоснуться после изнурительной тренировки. Выкладываться на все сто означает напрягать руку больше, чем хотелось бы, но иначе нельзя. Постоянная борьба тела и разума. Мысленно я готов к тому, что это мой последний год в команде и к тому, что меня ждет в будущем, но пока боль в руке все сильнее.

Я думаю о том, что бы было, если бы об этом узнал отец. Он бы обзвонил всех врачей в Луизиане, если бы думал, что это подорвет мои шансы попасть в высшую лигу.

Он всегда читал мне нотации о том, что я не забочусь о себе и ставлю под угрозу свою мечту играть на профессиональном уровне.

Горячие струи стекают с моего лица на больную руку. Мышцы расслабляются. Вероятно, мне нужно принять ванну со льдом, но надеюсь, что пара таблеток ибупрофена и сон помогут мне. Сейчас это мое единственное лекарство.

Я стою так пару минут, мою голову и все тело, беру полотенце с вешалки, обернув его вокруг талии и завязав узлом на бедрах, и выхожу из душа.

В спальне я натягиваю боксеры и забираюсь в постель, но мои мысли вращаются вокруг Халли. Прошло уже несколько часов, а от нее ни слуху, ни духу.

Единственное, о чем я не могу перестать думать – во что я ввязался, и с каким нетерпением этого жду.

Глава 7
Халли

– Стоп, стоп, стоп, – перебивает Вив, театральными движениями размахивая мармеладкой. Она расхаживает по комнате, пока я рассказываю, что произошло после Redlight и сегодня с… не тем братом.

С того момента я просто как комок нервов и до сих пор не могу переварить то, что это произошло *на самом деле*.

Раньше проблем с парнями у меня не было, так что эта воспринимается как катастрофа.

– К Лейну? То есть твой контракт попал к Лейну? О мой Бог. Это судьба. Я сразу поняла, что ты ему небезразлична, еще когда он отвез тебя ночью домой. Я уверена, что он трахается просто шикарно. Он такой накачанный…

– Вивьен! – вскрикиваю я и закрываю голову руками. – Давай вернемся к реальности. Это же *настоящая* катастрофа, почти как Розуэллльский инцидент[13]! Я просто сгораю от стыда, я никогда больше не смогу посмотреть ему в глаза. Мне придется переехать к тебе в общагу и спать на полу.

Она раздраженно закатывает глаза:

– Я бы никогда не позволила тебе спать на полу, крошка, не говори так. Ну и потом, разве все не сложилось наилучшим образом?

Я не отвечаю. Она садится рядом на кровать и отправляет в рот мармеладку.

– Ну подумай сама. Ты собиралась позволить сорвать свою розу Илаю, а он… нет, он, конечно, красавчик, но… это же Илай. Он знает наизусть число Пи полностью, но что делать со своим членом – вряд ли. Ну и в конце-то концов – не притворяйся, что ты не влюблена в Лейна по уши.

Я издаю стон.

– Втрескалась наглухо. Ты же замираешь, когда он в комнату заходит. Послушай, надо соглашаться. Я серьезно.

Она говорит, будто это так просто. Я не могу просто взять и переспать с Лейном Коллинзом. Я не могу позволить ему… лишить меня девственности.

Или могу?

– Да брось, ты и так подумываешь об этом, – я качаю головой.

– Вообще-то нет. Это полное безумие. Все это. Что я написала этот тупой контракт и случайно предложила Лейну решить мою проблему девственной плевы.

Она морщит нос.

– Ты абсолютно точно можешь попросить его сделать это. Халли, он почти тебя *поцеловал*. Этот парень готов на все ради шанса сорвать твой сияющий, чистый, нетронутый бутон. И без этого контракта было ясно, что между вами химия.

Верится слабо, но после сегодняшнего утра я уже сама не знаю, во что я верю.

Я прислоняюсь к спинке кровати, прикусываю губу и размышляю. Неужели все вот так просто?

– Я прямо чувствую, как у тебя в голове крутятся шестеренки. Ладно, поговорим начистоту. Что ты теряешь? Ну, кроме девственности. Серьезно. Ты чувствуешь, что над тобой висит этот груз и хочешь изучить свою сексуальность. Ты хочешь стать увереннее с парнями и чувствовать себя комфортнее. Я думаю, что то, что твой контракт попал именно к Лейну, как раз к лучшему. Это толчок, который тебе был нужен, иначе ты бы не выбросила это из головы.

– Не знаю, Вив. Это невероятно неловко. Я не думаю, что он правда считает меня сексуальной.

Ее смешок эхом разносится по комнате.

– Очевидно, это так, раз уж он на этом так настаивает. Даже после того, как ты ему сказала: «Ой, прости, я случайно предложила лишить меня девственности, я вообще-то хотела твоему брату предложить». Не зацикливайся. Помнишь, мы говорили, что возьмем от универа все? Будем напиваться, тусоваться, целоваться с парнями? Это твой шанс. И никаких обязательств. Ты получишь то, что хотела, и даже больше, держу пари.

Она права.

Но я просто не знаю, смогу ли.

Это же Лейн. Он просто олицетворение парней, которые мне не по зубам. Его мужественная челюсть, особенно с трехдневной щетиной, достойна обложки журнала. С ним мечтает переспать весь кампус. Этот парень настолько хорош, и я настолько ему не ровня, что на него даже невозможно за это злиться.

Как он вообще может заинтересоваться *мной*?

Да, он прав, мне нужен его опыт, но он просто такой… сексуальный и такой совершенный. Я от этого еще больше нервничаю.

– Ну, зато теперь мы знаем, почему Илай так и не ответил, – хихикает Вив. – Но ты представляешь, сколько девушек пошли бы на убийство, чтобы оказаться на твоем месте? Как минимум вся команда поддержки и половина танцевальной команды. И это не считая простых смертных, которые мечтают о благословении

постоять рядом с ним, – она встает с кровати, подходит к столу, берет свой рюкзак и перекидывает через плечо. – Я тебе говорю: если ты этого не сделаешь, то сильно пожалеешь. Сейчас мне, к сожалению, пора на учебу, а тебе пора сказать старшенькому Коллинзу, что ты хочешь, чтобы он тебе присунул.

Я с ней даже не прощаюсь. Я хватаю подушку и издаю протяжный крик – так я выплескиваю накопившийся стресс от этой глупой ситуации.

– Пока, детка!

Дверь за подругой закрывается, я переворачиваюсь на другой бок и зарываюсь лицом в одеяло.

Предлагаю свой вариант перевода:

Я в смятении между двумя Коллинзами, и это лишает меня способности принимать логичные обдуманные решения.

* * *

Я никогда не отличалась нервозностью. Неловкая – да. Неуклюжая – безусловно. Криворукая – бесспорно. Но сейчас я *нервная*.

Я нервничаю так сильно, что ладони потеют, а желудок скручивается в узел. Сидя за столом, я пытаюсь отвлечься на поиск информации для нового подкаста «Теории заговора о снежном человеке», и как бы это ни было интересно, сейчас я даже под дулом пистолета не смогла бы сосредоточиться. Слова сливаются воедино, мысли возвращаются к прикосновению губ Лейна и его шепоту мне на ухо.

У меня до сих пор дрожь от этого незнакомого чувства, и, если бы напротив меня сидел сам снежный человек, я все равно не способна думать ни о чем, кроме Лейна Коллинза.

– *Соберись, Халли*, – бормочу я себе под нос, и со стоном роняю голову на лежащий передо мной блокнот.

Не могу отделаться от мысли – а вдруг он и правда говорил серьезно, и он хочет лишить меня девственности, потому что я ему нравлюсь?

Я влюблена в этого парня с детства, и его предложение очень заманчиво, даже если мозг подсказывает, что здесь целая куча красных флагов. Этого должно быть достаточно для отказа.

Но вот она я – открываю дверь его спальни, так и не сумев себя отговорить, а я ведь этим занималась почти весь вечер. Сажусь, скрестив ноги, на его мягкое покрывало, пальцами перебираю браслеты на запястье.

Еще не поздно встать и убежать к себе в комнату пока он не вернулся. Боже мой, он, наверное, подумает, что я сумасшедшая, раз пробралась к нему в спальню.

Но если я уйду, я растеряю всю смелость, и больше уже не найду. В его комнате чисто и прибрано, что меня удивляет.

Я ожидала, что он типичный студент: повсюду разбросана одежда, на столе стопка книг, везде расставлены пустые чашки, а все оказалось совсем наоборот. Все как будто на своем месте, и нигде нет даже намека на беспорядок.

Хм.

Проходит несколько мучительно долгих минут, затем дверь со скрипом открывается и на пороге появляется Лейн с сумкой для бейсбольной биты, перекинутой через плечо.

Он замечает меня. Его брови вопросительно приподнимаются, в воздухе повисает вопрос, хотя мы не говорим ни слова. Если только одна причина, по которой я могла сюда прийти, и мы оба знаем, какая.

Он медленно поворачивается к двери, мышцы его спины напрягаются под футболкой, накинутой на плечи, по спине стекают струйки пота после тренировки. Он кладет обе руки на дверь и замирает, глубоко вздохнув. Он закрывает дверь и поворачивается ко мне.

Его взгляд останавливается на мне, как будто в комнате больше ничего нет, и скользит по моему телу, и я практически ощущаю его на себе. Этот взгляд захватывает меня, и я словно вся горю.

А это один-единственный взгляд.

– Ну что, сделаем это, крошка Халли? – его голос звучит низко и с хрипотцой, я ощущаю его слова у себя в животе, они притягивают меня к его орбите еще сильнее, чем когда-либо.

Это странно, когда кто-то имеет такую власть над другим человеком, даже не касаясь его.

У меня перехватывает дыхание, слова, которые была готова так нагло выпалить, застревают где-то в горле.

Я чувствую, что готова отступить и теряю ту уверенность, с которой сюда пришла. Это было глупо. Это худшая идея на свете. Нужно встать и уйти. Прямо. Сейчас.

Лейн медленно снимает сумку с плеча и ставит ее на пол рядом со столом, но не двигается.

– Я не двинусь с этого места, пока ты сама это не скажешь, Халли.

Наконец, я сглатываю, пальцы нервно перебирают браслеты:

– Я… я… – я заикаюсь, и в итоге закрываю рот.

Я не могу.

Я вскакиваю с кровати и бросаюсь к двери, но он преграждает мне путь как раз тогда, когда я уже тянусь к дверной ручке.

– Не делай этого. Не убегай из-за страха попросить того, чего хочешь. Ты не просто так пришла сюда, Хал, – он берет мое запястье в свою руку, его пальцы успокаивают мои нервные движения, он проводит большим пальцем по внутренней стороне моего запястья, задевая маленькие бусины.

Сглотнув, я опускаю взгляд на наши руки, а затем снова поднимаю.

– Я хочу, чтобы ты лишил меня девственности. Я хочу, чтобы ты научил меня.

Я шепчу едва разборчиво, но он меня услышал, и в выражение его лица совершенно меняется. В нем появляется что-то, от чего моя грудь вздымается и опускается все быстрее, а сердце колотится еще сильнее.

– Ладно.

Ладно?

Наверное, у меня лице написано, как я ошарашена этим простым ответом, потому что на его губах появляется дерзкая ухмылка.

– Что, вот так просто?

Он кивает:

– Вот так просто.

Боже мой. Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Отпустив мое запястье, он отходит и садится на край кровати, широко расставив ноги, с мальчишеской улыбкой на и без того слишком красивом лице.

В нем столько… мужественности, что я начинаю что-то чувствовать. Мое лицо горит так же сильно, как и все тело. Я прижимаюсь спиной к двери, боясь сделать шаг к нему. Браслеты звякают о деревянную дверь, и я слегка подпрыгиваю.

– Ладно. Здорово. Наверное, нужно все обговорить. Ну, то есть, установить правила. Да. Верно. Нам нужны правила. Иначе ничего не получится.

Он смеется, и от этого резкого звука мое дыхание учащается.

– Ох уж твои вечные правила, крошка Халли. Иди сюда.

Боже, почему это было так возбуждающе?

Не успев подумать, я шаркаю в сторону кровати и оказываюсь рядом с ним. Близко, но не соприкасаясь.

– Ближе.

Мое сердце стучит так неровно и громко, что стук отдается в ушах. Я делаю один-единственный шаг вперед и жду.

Его ухмылка становится по-волчьи широкой, так точно выглядел бы волк из сказки – хитрый, самоуверенный, знающий,

что добыча у него в руках, и ему нужно лишь протянуть руку и дотронуться до нее.

Я стою между его раздвинутыми ногами. Он кладет руки мне на бедра, его пальцы скользят по коже так нежно, что по меня пробирает до мурашек, а по спине пробегает дрожь. Он нежно хватает меня за бедра своими крупными руками и притягивает ближе.

Лейн Коллинз *прикасается* ко мне.

Я стараюсь успокоиться и замедлить сердцебиение, чтобы не потерять сознание на этом самом месте и не повторить сценарий с носилками, от которого я до сих пор не оправилась.

Воспоминания еще свежи и травматичны.

– Зачем нам правила? – недоумевает он, глядя на меня снизу вверх, не отпуская моих бедер и вторгаясь в мое личное пространство, лишая меня способности ясно мыслить и дышать полной грудью. – Я думаю… – он притягивает меня к себе и теперь мы прижимаемся друг к другу, – все куда проще. Ты хочешь, чтобы я тебя учил. Касался тебя. Выполнил пункты из твоего контракта.

Я киваю.

– Но… но и правила – это просто. С ними все намного понятнее. Мне нужны правила, Лейн. Я не знаю, как заниматься… *этим*. Вообще ничего.

– Никогда не любил правила, Халли, – шепчет он тихим, с хрипотцой, голосом, но его взгляд смягчается и он добавляет:

– Но ради тебя я готов. Рассказывай правила. Скажи мне, как ты все это видишь. Возможно, и я добавлю что-то еще.

Я не уверена, стоит ли вообще отвечать на его вопрос. Он смотрит на меня. Его глаза глубокие и темные, как глубины океана, затягивающие в свою пучину. Он держит меня так нежно, но в то же время крепко, как будто боится, что я ускользну прежде, чем мы начнем.

– Правила простые. Научи меня. Покажи мне, как уверенно принимать прикосновения, как… доставить кому-то удовольствие. Научи меня как чувствовать себя более комфортно с противоположным полом и как стать увереннее и непринужденнее, – я чувствую, как к моим щекам приливает жар, и уголки его губ слегка приподнимаются. – Почти деловое соглашение. Считай, что мы заключаем сделку. И когда все закончится, ты вернешься к своей жизни плейбоя, а я вернусь к своей обычной жизни совершенно другой женщиной.

Он вскидывает брови:

– Ладно. Значит, все легко и непринужденно. Просто развлечемся.

Я киваю:

– Ага. Проще пареной репы. Я иду своей дорогой, а ты своей.

– Единственный способ сделать так, чтобы тебе было со мной комфортнее – это проводить вместе время, Халли. Вот с этого и начнем.

– Хорошо. Ладно. Отлично, так мне надо просто раздеться и лечь, или…

Запрокинув голову, он смеется, и я чувствую телом вибрацию от этого звука.

– Нет. Начнем с малого, а когда будешь готова, тогда это и произойдет. Ты не готова, Халли.

– Хм, вообще-то готова. Именно поэтому я все и затеяла. Потому что была готова. Разве не видишь, что проблема в том, что я слишком гото…

Моя реплика обрывается, когда он прижимает палец к моим губам, притягивает меня к себе, и я оказываюсь у него на коленях, а мои колени лежат по обе стороны от его талии. Никогда раньше не была так близко к парню. Я замираю и напрягаюсь.

– Видишь, как ты застыла, когда оказалась у меня на коленях? Нет, Халли, ты не готова. И не сомневайся, прямо сейчас я ничего не желаю сильнее, чем раздеть тебя догола. Ничего во всем мире, – убеждает меня он, запуская руку мне в волосы и проводя большим пальцем по моей скуле. – Ну а вот мое правило. Не торопим события. Когда я увижу, что ты готова, двинемся дальше. Секс должен быть естественным. Мы не будем планировать его и механически себя заставлять. Секс – это нечто гораздо большее, Халли. Это о том, чтобы по-настоящему узнать другого человека и чувствовать себя при этом комфортно. Так что будем проводить время вместе и узнаем друг друга получше.

Я киваю и стараюсь сделать так, чтобы у меня не остановилось сердце.

Второй раз за сегодняшний день до меня доходит, что Лейн Коллинз *прикасается* ко мне. Вот черт.

– Л-ладно. А что, если кто-то о нас узнает?

Он опускает плечи:

– Мы не обязаны никому ничего объяснять. Мы тусуемся вместе, и все. Если я захочу прикоснуться к тебе на публике, я это сделаю, то же самое относится и к тебе. Мы не делаем ничего такого, что нужно было бы скрывать. Проведем время вместе, пофлиртуем, найдем точки соприкосновения. Все пройдет естественно и без давления. Я хочу, чтобы для тебя все было по-настоящему, Халли, так что давай просто пообщаемся и узнаем друг друга получше.

– И… если у нас будет… значит ли это, что ты… что ты не

будешь ни с кем еще? Я просто хочу быть в безопасности и…

– Я бы никогда не стал подвергать тебя риску, Халли. Я не собираюсь быть ни с кем другим. Я хочу сосредоточиться только на тебе, получше узнать и так я могу доставить тебе удовольствие.

Бог мой. Это буквально лучшее, что я когда-либо слышала. Такие простые слова могут звучать так… интимно. Уму непостижимо.

– Звучит здорово. Значит… сделаем это.

Он кивает с улыбкой на губах:

– Сделаем. Не уверен, что ты в курсе, но я и правда знаю, как ухаживать за девушками. Так что готовься.

Хихикнув, я закатываю глаза. Конечно, я это знаю – именно поэтому каждая одинокая девушка, с которой он сталкивается, чуть ли не швыряет в него нижнее белье. Он до смешного обаятельный, совершенно располагает к себе и такой красивый, что с ним сложно сравниться.

– Дождаться не могу, когда за мной начнет ухаживать Лейн Коллинз.

– Отлично. А теперь, хотя мне сейчас этого ужасно не хочется, мне нужно немного поспать. Завтра с утра пораньше тренировка, и я ужасно устал. Увидимся завтра?

Я сползаю с его колен, он убирает руки от моих волос, я встаю на дрожащие ноги как новорожденный жеребенок, который учится ходить. Мозг в полной отключке.

– Ладно. Здорово. Да. Ну, увидимся!

По пути к двери я чувствую, как он берет меня за руку. Я поворачиваюсь к нему лицом, он пристально смотрит на меня сверху вниз.

– Спасибо, что доверила мне нечто столь особенное, Халли. Я обещаю о тебе заботиться.

У меня нет слов. От его мягкого голоса, от того, что он благодарит меня и насколько это все трогательно.

Я неторопливо возвращаюсь к себе в комнату по коридору, все еще ощущая прикосновения его рук к своему телу и осознаю, что больше не считаю ошибкой то, что контракт попал именно к этому брату.

Я думаю, что с самого начала это было правильно.

Глава 8
Лейн

Я сжимаю пальцами рукоять деревянной биты, кручу ее в руках, не отрывая взгляда от подающей машины в ожидании следующей подачи. Я выдыхаю, готовлюсь к замаху, потверже встаю, расставив ноги в стойке для сильного замаха.

Все дело в четком расчете.

Мяч летит с питчерской горки, расположенной на возвышении, но не каждая подача идеальна, так что важно все рассчитать. Не каждый мяч летит прямо в центр домашней базы, но даже по такому можно попасть.

Отступив назад, я рассекаю битой воздух, и попадаю четко по мячу. Оглушительный стук, звук дерева, ударяющего мяч, вибрацией отдающий в биту. Только после этого я выдыхаю и позволяю своему телу немного расслабиться.

Верный расчет. Это все, что тебе нужно.

Замешкаешься на секунду – упустишь победу. Это может быть конец девятого иннинга[14], когда шансы равны и от твоего расчета зависит результат игры.

На табло два страйка и победа зависит от тебя.

Вот этим я и занимаюсь.

Обеспечиваю победу.

Я абстрагируюсь от криков, шума толпы на трибунах, болтовни соперников и фокусируюсь только на расчете. На бите в моей руках. На ее тяжести.

– Хороший удар, Коллинз, – объявляет тренер из-за ограждения, одобрительно кивая. – Продолжай в том же духе. Нам нужно, чтобы ты был готов к открытию сезона. За тобой будут внимательно наблюдать. Да и за всей командой. Надеюсь, смогу гордиться тобой, сынок.

В этом сезоне я скорее всего окажусь в стартовом составе, так что у меня будет игрок на замену и в случае чего я не стану рисковать рукой

– Да, сэр.

Тренер снова кивает, отталкивается от ограждения и уходит, а я выдыхаю. Я живу бейсболом и дышу им с самого детства. С ним всегда были связаны мои жизненные цели: играть в университетской команде, попасть в низшую лигу, или даже в высшую, если стараться достаточно усердно. Это одна из причин, по которой я выбрал университет Орлеана. Их бейсбольная команда – одна из самых выдающихся во всей стране, и каждый

год они стабильно входят в пятерку лучших. У них восемь чемпионских перстней[15], что говорит о том, спортсменов какого уровня они готовят.

А это значит, что наш универ у людей на слуху. А теперь на слуху еще и мое имя. Меня опережает моя репутация, которую я нарабатывал предыдущие четыре года. Скауты[16] со всей страны приезжают посмотреть на мою игру.

Именно такое внимание мне нужно.

Немного потренировавшись, я отправляюсь в спортзал поработать над мышцами кора, стою в планке и делаю скручивания, пока не взмокаю от пота и не теряю последние силы. Я собираю сумку, и у меня звонит телефон.

На экране высвечивается «ПАПА».

Я сбрасываю звонок уже второй раз за неделю. Я понимаю, что не всегда смогу увиливать от разговора и мне придется с ним объясниться. Это вопрос времени.

* * *

– Может, сходим куда-нибудь?

Это первое, что я слышу по возвращении с тренировки. Каждая мышца моего тела буквально горит после того, как я выложился сегодня после похвалы тренера. Наверное, не стоило идти еще и в зал.

Халли сидит на диване, скрестив ноги. По телевизору, похоже. идет очередной повтор The Conspiracy Files[17]. На полу лежит Вив, закинув ноги на подлокотник дивана. Они обе едят свои любимые кислые мармеладки.

– На очередную вечеринку братства, например.

Я ставлю сумку на пол и поджимаю губы. Затем слышу протест Халли.

Чертовски нравится наблюдать за их болтовней. В особенности из-за выражения лица Халли.

– Да конечно, Вив! Боже, я больше никогда не смогу там показаться. Я почти уверена, что они сделали табличку с моей фоткой и надписью «Халли Эдвардс. Обвиняется в покушении на убийство. Вход воспрещен».

Вивьен фыркает, приподнявшись на локтях и бросив косой взгляд на Халли:

– Ты будешь теперь это до смерти вспоминать. А ведь я почти уверена, что кроме тебя об этом уже никто не помнит.

Я прохожу в комнату и, перешагнув через Вив, плюхаюсь на диван рядом с Халли. Моя нога соприкасается с ее обнаженным

бедром, ее глаза расширяются, и она громко сглатывает.

– О, как раз вовремя, Коллинз. Помоги уговорить Халли куда-нибудь выползти. Сегодня же пятница, и она так и проторчит дома все выходные. Подумаешь, чуть человека не убила, это уже когда было-то!

Халли стонет:

– Вив, бога ради!

Подруга пожимает плечами:

– Ну правда. Ты же не можешь вечно прятаться. Я права, Коллинз?

Перегнувшись через Халли, я засовываю руку в пакет с мармеладками, нахожу свою любимую – синюю – и улыбаюсь. Халли задерживает дыхание, когда я касаюсь ее футболки.

Мне нравится ее искренняя реакция. Я всего лишь невинно касаюсь ее, а она вздрагивает.

– Стоит развеяться, крошка Халли, – говорю я, затем отправляю кислую конфету в рот и жую. – Вив права. Скорее всего, я больше так никогда не скажу, но в этот раз она и правда дело говорит. Давайте выползем вместе.

Халли переводит на меня взгляд, и я вижу, как ее пальцы тянутся к браслетам. Я протягиваю руку, хватаю ее за запястье и останавливаю. Мой большой палец скользит по нежной коже.

– Неважно, что было в прошлый раз. Мне кажется, кто-то говорил о том, что нужно жить на полную, прочувствовать студенческую жизнь и все такое

Она кивает.

– Ну тогда пошли? Но пока схожу в душ. Встретимся с вами через часик, хорошо? Может, просто прогуляемся? И Илаю напишу, пусть тоже подходит, как закончит учебу.

– Да, детка! – восклицает Вив с пола. А мой взгляд по-прежнему прикован к Халли.

Ее розовые губы тронула улыбка. Она закатывает глаза:

– Ну ладно. Но пить точно не буду. Вообще никогда. Я серьезно. И я *не поддамся* социальному давлению. Я, в конце концов, прошла курс DARE[18]. Так что прошу меня извинить.

Ради всего святого.

– Я согласна. Будешь «трезвым водителем».

– Вив, у меня даже машины нет. Мы везде ходим пешком.

Она пожимает плечами:

– Ну мне бывает нужен «трезвый провожатель». На улицах может быть опасно, особенно когда внутри меня алкоголь.

Я оставляю их препираться, бросаю взгляд на Халли и направляюсь в душ.

Полчаса спустя я выхожу из ванной, обмотав полотенце вокруг талии. Вода стекает по влажному телу, и тут я натыкаюсь прямо на Халли, которая переоделась и теперь стоит около ванны, прислонившись к стене.

На ней короткая фиолетовая юбка и, кажется, футболка-боди, которая облегает грудь и открывает вид на шикарное декольте. У меня чуть слюнки не потекли.

Мне крышка. Все еще хуже, чем я предполагал.

Я уже знаю, хотя я к ней еще даже не прикоснулся.

– О, черт, прости! – бормочет она, хватаясь за мою руку, чтобы не упасть. Ее рука скользит по моему предплечью, все еще влажному после душа, она сглатывает, когда она опускает взгляд и видит на мне полотенце.

Ее щеки розовеют, она зажмуривается.

– О боже, прости меня. Я не смотрю.

– Ты меня ждала, Халли?

Она кивает:

– Эм, да, я просто… можно поговорить с тобой минутку? Перед тем, как мы уйдем. Если ты не против… Если у тебя сейчас нет времени, поговорим позже, ничего страш…

– Халли.

– Да. Извини.

– Мне даже нравится, что я заставляю тебя так нервничать.

– Да, но нельзя же выглядеть… вот так, – не открывая глаз, она жестикулирует, проводя в воздухе рядом с моим телом рукой вверх-вниз, – и ждать, что я не буду нервничать.

Я наклоняюсь, мои губы оказываются в нескольких сантиметрах от ее уха:

– Ну и как же я буду к тебе прикасаться… – шепчу я низким хриплым голосом, провожу рукой по ее талии, опускаюсь к юбке. – Целовать тебя… – я провожу носом по линии ее подбородка, очерчивая нежную кожу, вдыхаю, и она издает в ответ глубокий сладкий вздох, на который реагирует мой член. – Пробовать тебя на вкус… – я подхожу еще ближе и слегка провожу языком по ее шее.

В этот раз она стонет. Тихо и так чертовски сексуально, что я едва удерживаюсь от поцелуя. Прямо здесь и сейчас, и черт с ним, что это первый раз.

Но у меня есть планы на первый поцелуй с Халли, и это произойдет не здесь. Сейчас Вив или Илай могут зайти и испортить момент. Она заслуживает большего, и я ей это дам

– …если ты так нервничаешь, когда я рядом, крошка Халли?

– Я н-не знаю… – она хватается за мои плечи так, словно вот-вот упадет. – Думаю, мне просто нужно привыкнуть.

– Я тоже так думаю.

Еще раз проведя языком по ее коже, насладившись ее сладким вкусом, я отталкиваюсь от стены и отстраняюсь, чтобы посмотреть на нее.

Ее щеки раскраснелись, розовые губы приоткрыты. Она тяжело дышит. Ее глаза распахиваются, и я вижу два темно-синих омута, в которых горит огонь и в которых я хочу утонуть, если это значит, что она будет моей.

– Мне нужно одеться, если только ты не думаешь, что мне нужно идти прям так. – я ухмыляюсь, опустив взгляд на полотенце, которое чуть приспустилось на талии.

Ее взгляд скользит вниз, а затем поднимается так же быстро, она сглатывает.

– Ну если ты хочешь отбиваться от всей женской половины кампуса. Твоя репутация опережает тебя, Коллинз.

Это что, *ревность*? Х-мм.

В тихом омуте крошки Халли водятся черти.

– Нет, видишь ли, у меня и так дел по горло. Мне не интересен никто, чье имя не Халли Джо Эдвардс. Я подписал контракт, и единственное, о чем я сейчас беспокоюсь – как порадовать *тебя*.

Наклонившись, я оставляю целомудренный поцелуй на ее подбородке, от которого она вздрагивает.

– Увидимся позже, Хал.

Я возвращаюсь в комнату и натягиваю футболку и джинсы. Одно я могу сказать наверняка: я точно хочу быть у нее первым во *всем*. И я соберу все сливки.

Несмотря на то, что к дому братства мы подошли вместе, я теряю девчонок из виду, как только мы оказываемся внутри. Сегодня тут ажиотаж, что неудивительно: что братство точно умеет, так это закатывать вечеринки. Дом набит битком, алкоголь льется рекой, судя по тому, что сейчас я вижу аж двух чуваков вверх тормашками[19]. Как только я переступаю порог, толпа окружает меня и поздравляет с началом сезона. Парочка девчонок тут же предлагают пойти в более тихое место, и не успеваю я оглянуться, как оказываюсь в окружении толпы.

Черт.

– Лейн Коллинз, мужик, легенда!

Хэнк, наш левый филдер[20], перекрикивает толпу и направляется прямиком ко мне. Он внушительный парень, под два метра ростом, и весит почти сто тридцать килограммов. Незаменимый игрок при атаке. Я пытаюсь оглядеть его, но он широко разводит руки и с улыбкой притягивает меня к себе в объятия и хлопает рукой по моей спине. Я чувствую запах пива и

смотрю на часы.

Черт, еще только десять?

– Как ты, дружище? – интересуюсь я, кивая на красный стакан у него в руке.

Он пожимает плечами.

– Мы с Мерри *(Мэри?)* снова в ссоре. Все как обычно. Клянусь, если бы я не любил ее так сильно, давно бы ушел. Это дерьмо так выматывает!

Да уж, эта парочка – как кошка с собакой. В одну секунду они вцепляются друг другу в глотки, а в другую впиваются друг в друга в страстном поцелуе. Не могу уследить за их отношениями, прекратил попытки еще на первом курсе. И это одна из причин, по которой я ни с кем не остаюсь дольше, чем на одну ночь.

У меня нет времени на это дерьмо. Это слишком сложно. Отношения – штука запутанная, и на что у меня точно нет времени – душевные терзания.

Черт, где же Халли?

Я оглядываю толпу, но ее нигде не видно

Я знаю, что мне нужно расслабиться, и не обязательно следить за ней всю ночь. Она обещала не пить, а значит она в безопасности. Халли может делать что хочет, я просто *предпочел бы*, чтобы она делала это там, где я могу за ней присматривать.

– Где сегодня остальные? – я интересуюсь я у Хэнка.

– Здесь мы с Томпсоном и Морганом. Он поворачивается, указывает на толпу и пожимает плечами:

– Понятия не имею, куда они делись. Последним, что я слышал, было «О, желейные шоты[21]!», а потом я увидел тебя.

Обычно все, чего я хочу – провести вечер с парнями и парочкой девушек, но сегодня я с трудом здесь нахожусь, особенно учитывая, что последние полчаса я провел, рыская глазами по комнате и потягивая теплое пиво, которое все больше греется у меня в руке.

Я приземляюсь на барный стул и пару минут болтаю с парнями, но все это время думаю о Халли и еще через полчаса, которые кажутся мне часом, отправляю ей сообщение, но она не отвечает.

Я пробираюсь сквозь толпу и наконец замечаю Илая. Он сидит в огромном кресле в обнимку с девушкой с длинными темными волосами. Наверное, это о ней он недавно рассказывал.

– Бро, привет! А ты Халли не видел? – спрашиваю я, подойдя к нему.

– Видел, они с Вив пошли к выходу. У Вив вроде голова заболела. О, кстати, Лейн, это Ари. Ари, это мой старший брат Лейн.

Я улыбаюсь, протягивая ей руку, и она робко пожимает ее и тихо шепчет: «Привет». Я рад наконец-то с ней познакомиться, потому что я до последнего сомневался, что он ее не выдумал. Хорошо, что она не воображаемая.

Быстро попрощавшись с ними, я ухожу, пока никто из парней не утащил меня к бочке с пивом.

Я иду домой быстро и в тишине.

Есть время подумать. Мгновения покоя наедине со своими мыслями.

Наконец, я добираюсь до дома, отпираю дверь, вытаскиваю ключи из замка, бросаю их на столик около двери и снимаю обувь. Здесь тихо, только из гостиной доносится шум телевизора. Свет от экрана отсвечивает на белую стену прихожей.

Я вхожу и вижу Халли, уснувшую на диване. Она сжимает в руке пульт и слегка похрапывает. Облегающая белая майка слегка задралась, обнажая маленькую полоску светлой кремовой кожи и пирсинг в пупке – маленькую летающую тарелку, которая светится в темноте.

Ну что за девушка.

Я даю себе несколько мгновений, чтобы насладиться ей. Вьющимися неукротимыми локонами, которые она постоянно убирает с лица. Веснушками, рассыпанными вдоль переносицы и по щекам, полными розовыми губами, которые мне не терпится попробовать на вкус.

Всем, на что я всегда обращал внимание, но никогда не позволял себе считать своим.

Наклонившись, я убираю волосы с ее лица, осторожно провожу пальцами по виску, задерживаясь на несколько секунд, наслаждаясь ощущением ее кожи под подушечками моих пальцев.

– Лейн? – сонно шепчет она, приоткрыв глаза и глядя на меня. – Черт. Сколько времени?

Мои губы растягиваются в улыбке.

– Чуть за полночь.

Тихо вздохнув, она поворачивается на бок, лицом ко мне, и кладет руки под голову.

– Значит, ты просто наблюдал, как я сплю?

Я пожимаю плечами:

– Может быть. А может и нет. Я искал тебя сегодня вечером на вечеринке, но не смог найти. Илай подсказал, что ты ушла домой, так что я тоже решил вернуться.

– Да, я ушла почти сразу. Я просто… наверное сегодня была не в настроении для вечеринки. У Вив тоже разболелась голова, так что мы ушли.

– Не думаю, что тебе так уж нравятся тусовки, Хал, – говорю

я, подхватываю ее ноги, плюхаюсь на край дивана и кладу их себе на колени. – Совсем не похоже на твою зону комфорта.

– Это почему? Потому что я странная?

– Я совсем не об этом. Просто ты не похожа на большинство девушек, которые ходят на вечеринки братства.

Халли закатывает глаза:

– А-а. Ты про тех девушек, которые обычно рядом с тобой трутся?

Протянув руку, я нахожу пальцами ее талию и щекочу ее до тех пор, пока у нее не перехватывает дыхание и она не может вымолвить больше ни слова из своего умного рта.

– Я говорю о том, что, когда ты с головой погружаешься в книгу об аппалачских криптидах, что бы это, черт возьми, ни значило, или записываешь подкаст, я вижу, что ты в своей стихии.

Она кивает, садится, подтягивает ноги к груди и обхватывает их руками.

– Ага. Тут ты прав. Но я действительно хочу получить полноценный опыт студенчества. Тусовки, похмелье и все вот это. Просто, может быть, не каждую ночь?

Ее смех такой же мягкий и ласковый, как и она сама.

– Но даже если я никогда больше не буду пить, эту галочку я уже поставила, – она высовывает язык, и сморщивается. – Текила – это буэ-э.

Я смеюсь.

– Да, на первой пьянке ты пошла ва-банк. Я бы предложил, может быть… пива? Не такое крепкое, как текила.

– Да, этот урок усвоен. Проверь мне. Ну а сегодня мне просто хотелось надеть пижаму и завалиться на диван смотреть Netflix. Не хотелось быть среди людей, строить из себя светскую львицу, потому что восемьдесят процентов времени я интроверт и не горю желанием социализироваться.

– Я понимаю. Иногда мне тоже кажется, что это чересчур.

Она кивает и меняет тему:

– Ну так… когда наше соглашение вступит в силу? Ну… – она нервно смеется. – Э-ээ… операция по лишению девственности.

– Черт побери, Халли, – я тяжело вздыхаю, откидывая голову на спинку дивана, и пересекаюсь с ней взглядом. – Детка, секс – это не такое… *механическое* занятие, как ты думаешь. А если это так, то это скорее всего плохой секс. Все должно проходить естественно, а не по заказу. Я не могу просто раздеть тебя и лишить девственности.

Даже в тусклом свете телевизора я вижу, как розовеют ее щеки, и она кивает:

– Прости, я просто нервничаю.

Протянув руку, я нежно притягиваю ее к себе:

– Не извиняйся. Пусть все идет своим чередом, хорошо? А теперь иди сюда.

Через пару секунд она расслабляется, и когда я прижимаю ее к себе, кладу ее голову себе на колени и перебираю пальцами пряди ее волос, она вздыхает. Впервые кажется, что ей комфортны мои прикосновения.

– Очень приятно.

– Угу. А что ты смотрела? – я киваю на экран.

– О, документалку о высадке на Луну. Ты знал, что некоторые верят, что это теория заговора? Что все было сфабриковано правительством, – она замолкает, захлопывает рот и отводит взгляд. – Ты, наверное… не хочу утомлять тебя этим. Извини. Я что-то увлеклась.

– Халли.

Она снова переводит взгляд на меня. Ее густые темные ресницы обрамляют широко раскрытые глаза.

– Когда дело касается тебя, мне интересно все.

– Ну… тогда ладно.

Она пока не понимает, что я имею в виду. Но она поймет.

Глава 9
Халли

– Вопрос не в том, *существует* ли сверхъестественное. А в том, *как* современное общество воспринимает тот факт, что существует что-то, выходящее за рамки рационального мышления, за рамки науки. Что-то, что больше нас и физически, и метафизически.

Кивнув, я улыбаюсь и говорю в микрофон:

– Отлично сказано, Вив. Полностью поддерживаю. Я думаю, что именно в этом и заключается проблема общества. Мы изо всех сил пытаемся понять то, чего не можем увидеть. Призраки, снежный человек, различные божества, которым поклоняются люди. То, что мы их не видим, совсем не значит, что их не существует.

– Вот именно! Ладно, ребята, пора закругляться. Спасибо, что подключились к «Вне реальности» с Халли и Вив. Не забудьте подписаться на наш канал и следить за нами в социальных сетях. Как и всегда, в следующий вторник выйдет новый эпизод, который превзойдет ваши самые смелые фантазии. На следующей неделе мы обсудим, что на самом деле происходит в Пентагоне. Как понять все эти заявления и что они значат для нас, людей, дружелюбных к инопланетянам? Все, всем пока!

Вив снимает наушники и вздыхает с глупой улыбкой на губах.

– Я в восторге от этого выпуска. Сокрытие информации правительством – самая популярная тема. Есть новые сообщения после прошлого видео?

Я возвращаюсь к ноутбуку и просматриваю непрочитанные сообщения на нашем сайте. Сообщения от наших постоянных слушателей, которые обязательно пишут, когда им особенно понравился выпуск. Мы уже узнаем их ники.

– Ооо, еще одно сообщения от AliensRReal: «Просто атас! Не могу дождаться следующего эпизода». Мне кажется, он (или она) не пропустил ни одного выпуска.

– Ага, наш преданный поклонник. Мои аплодисменты.

Мой телефон вибрирует. Это сообщение от Лейна. Я хватаю его так быстро, что в конце концов роняю и пытаюсь поднять обратно.

– О-оооо. Лейн, небось, – хихикает Вив.

– Заткнись. Я закатываю глаза в ответ на ее поддразнивание и открываю сообщение.

«Встречаемся на поле. Через час».

На поле? С какой стати нам встречаться на поле?

– У тебя такое странное выражение лица. Что такое? – интересуется Вив.

Развернувшись в компьютерном кресле, я поворачиваюсь к ней лицом:

– Лейн предложил встретиться на бейсбольном поле. Зачем ему нужно встречаться со мной там?

Она пожимает плечами, разглядывая свой недавно накрашенный ноготь:

– Не знаю, Хал. Может, хочет присунуть тебе прямо там?

– Не говори глупостей. Ладно, тебе пора. Мне нужно принять душ и попытаться что-нибудь сделать со своими волосами.

Я провожу руками по диким, неукротимым кудрям. Абсолютное проклятие моего существования. Не важно, какими средствами я пользуюсь, сколько делаю процедур и масок, что бы я ни делала, кажется, ничто не может их обуздать. Они сами по себе. А у меня есть, – я снова бросаю взгляд на свой телефон, – примерно пятьдесят восемь минут, чтобы решить эту проблему.

– Ну ладно. Ладно. Но я ожидаю от тебя звонка сразу же, как только ты вернешься домой. Надеюсь, ты больше не будешь девственницей, но я не строю иллюзий.

– Вив! – визжу я и подталкиваю ее к двери, хотя она упирается ногами в пол, чтобы помешать мне ее выставить.

– Чего? Я просто говорю, что если я буду ожидать, затаив дыхание, я задохнусь! В твоем полном распоряжении этот красавчик с классной задницей, а ты чуть ли не пояс верности нацепила, Хали Джо. Пора оседлать скакуна. Вперед-ед! – она хихикает, когда пытается схватиться о дверной косяк. Она держится руками, а я пихаю ее еще сильнее. – Держи меня в курсе!

– Вивьен, *пока*!

Бросив последний раздраженный взгляд и послав воздушный поцелуй, она исчезает в коридоре, напевая что-то себе под нос, а я захлопываю дверь и смотрю в телефон.

Супер. Пятьдесят три минуты.

И я ни секунды не потрачу впустую.

* * *

Лейн Коллинз словно был рожден на бейсбольном поле.

Это первая мысль, которая у меня возникает, когда я захожу на университетское поле и прохожу через дагаут[22]. Честно

говоря, я мало что знаю о бейсболе, кроме того, что есть какие-то мячи, который бросают и ловят мужчины в очень обтягивающих штанах. Цель – отбить мяч битой. Вот, пожалуй, и все.

Ну, не важно, что там у них на самом деле происходит, главное – Лейн абсолютно в своей стихии.

Он блистает. Здесь ему самое место, как будто эта игра создана для него.

В детстве я видела, как он тренировался дома, бросая мяч с Илаем или с их отцом. Часто наблюдала, как он раз за разом машет битой и бьет по пластиковому мячу. У меня от одного вида руки болели, но я никогда не видела, как он играет на поле.

Я была слишком занята, гоняясь за Илаем или погрузившись в книги, чтобы делать вид, что я что-то понимаю в спорте.

Но когда я вижу его здесь, в бейсболке, надвинутой на глаза, когда он достает мячи из ведерка и бросает их с такой силой, мощью и точностью, какой я в жизни не видала… я понимаю, что здесь он дома.

Я прислоняюсь к ограждению дагаута, подперев подбородок рукой и наблюдаю, как он бросает бесчисленные мячи. Наконец, он замечает меня и на его губах появляется улыбка.

– И давно ты здесь? – интересуется он, подойдя ко мне. Он вытирает пот со лба подолом футболки, демонстрируя мне рельефный пресс и загорелую кожу. Мышцы перекатываются в такт его движениям, и у меня текут слюнки.

Возьми себя в руки, Эдвардс. Сейчас не время строить ему глазки.

Прокашлявшись, я отвечаю:

– Совсем недолго. Давно не видела, как ты играешь. В последний раз – когда ты разбил окно у нас на кухне.

Помню этот день, как вчера. Тогда я по-настоящему осознала, насколько влюблена в старшего Коллинза. В тот день они с Илаем тренировались подавать мяч во дворе, хотя родители твердили им бесчисленное количество раз, что нужно выходить на задний двор, но он проигнорировал увещевания и вышел на передний двор. В тот день пострадало окно нашей кухни. Его отец предложил оплатить замену, но Лейна это не устроило. Он проработал все лето, косил траву у всех соседей, чтобы самому заплатить за ремонт.

Я уже тогда этим восхитилась.

– Мы можем забыть об этом? У меня до сих пор все чешется, когда я вижу газонокосилку.

Я запрокидываю голову и смеюсь, качая головой:

– Да, но ты был молодцом, мои родители тогда очень уважали тебя за то, что ты разобрался сам.

Он пожимает плечами.

– Ну это был мой косяк. А я отвечаю за свои поступки.

Он говорит с тяжелым сердцем, но я не мучаю его расспросами. Я проталкиваюсь мимо него на поле. Трава под моими ногами мягкая, но сухая. На ощупь она отличается от обычной травы, которая растет перед вашим домом.

– Честно скажу, никогда не думала, что буду стоять на бейсбольном поле. – Я морщу нос, нахожу пальцами браслеты и покручиваю маленькие бусины пальцами. – Ну а главный вопрос – почему я здесь?

– Потому что мы будем играть в *бейсбол*, – он говорит это так, будто причина была очевидна. Смеясь, он пожимает плечами. – Я подумал, что это будет твоим первым уроком. Урок о том, как выйти из зоны комфорта и чувствовать себя комфортно где угодно, даже если ты обычно туда не ходишь. И помнишь, мы собирались проводить вместе время и узнать друг друга получше? Это идеальное место.

– Ага, ладно.

Я смеюсь и поворачиваю обратно к дагауту, но он берет меня за руку и останавливает меня:

– Нет уж. Тащи свою прекрасную задницу во-он на ту базу.

Я морщу лоб.

– Э-ээ, какую базу? Я не имею ни малейшего представления о правилах бейсбола. Коллинз, ты вообще меня знаешь? У меня слишком плохая координация, чтобы отбивать деревянным предметом э-ээ… что угодно.

Лейн только качает головой, подкидывает дурацкий маленький бейсбольный мячик в воздух и ловит его, не глядя. Его взгляд прикован ко мне, а дерзкая ухмылка означает, что я так просто не отделаюсь.

Отли-ишшично.

Я ковыряю носком ботинка грязь на поле и слышу, как он оживляется:

– Так это же чудесно! Я как раз собираюсь тебя научить.

Вообще не похоже, что он говорит о бейсболе.

– Я хороший учитель, Халли. А теперь бери биту.

Я поворачиваюсь и оглядываю поле, замечаю деревянную биту рядом с белой разметкой на земле, фыркаю и направляюсь к ней.

Я слышу, как он хихикает у меня за спиной, так что я поворачиваюсь, высовываю язык и показываю ему средний палец.

– Ну ладно. Ты хочешь, чтобы я ей размахивала? – спрашиваю я, взяв биту в руки и обхватив пальцами основание, обмотанное

черной потертой изолентой. – Твоя подача, дружище. И не говори, что я тебя не предупреждала.

Кое-кто может лишиться глаза.

Он бросает перчатку и мяч на землю рядом со мной и медленно подходит ко мне сзади. На секунду он замирает, я ощущаю только его дыхание на своей шее, его руки скользят по моим бедрам, и он проталкивает колено между моих ног, раздвинув их.

– Я и не знала, что бейсбол такой… увлекательный вид спорта.

Это снова его рассмешило.

– Все, что тебе нужно сделать – ударить по мячу, Халли. Когда увидишь, что мяч летит – замахивайся.

Я чувствую, как тепло его тела разливается по моей спине, когда он демонстрирует, как правильно держать биту. Его руки обхватываю мои, мы вместе поднимаем их и замахиваемся. Когда мои конечности перестают слушаться, он полностью управляет нашими руками. Я уже забыла, зачем мы здесь. Я не замечаю ничего, кроме ощущения близости его тела.

Как он невероятно пахнет даже после тренировки. Он пахнет… домом, в котором я хочу укрыться и никогда из него не выходить, наслаждаясь ароматом бергамота и кедра.

Я вдыхаю его запах, который меня окружает. Поле как будто исчезло, и остались только мы вдвоем, крепко вцепившиеся в биту и прижатые друг к другу так сильно, что все тело болит. По животу расползается тепло, и у меня перехватывает дыхания от того, что я чувствую каждый дюйм его тела.

– Вот, это моя девочка, – шепчет он мне в ухо, и от этих слов по моему телу пробегают мурашки. Хоть сейчас поздняя осень, но здесь совсем не холодно, а у меня все руки в гусиной коже. – Вот так.

Он отходит, и я тут же начинаю скучать по его теплу, но я киваю, сглатываю комок в горле и смотрю, как он возвращается к питчерской горке. Все мое тело кричит от разочарования, когда он отходит.

Боже, если вот так и играют в бейсбол, я записываюсь.

С ним все кажется таким простым, и если он хочет, чтобы я отбивала чертовы мячи, то я это сделаю. Видела бы меня сейчас Вивьен. Я играю в *бейсбол.* Это *настоящий* спорт.

А все потому, что Лейн Коллинз пообещал лишить меня девственности.

Из-за глупого пьяного контракта, которого, вероятно, вообще не должно существовать.

– Ладно, давай посмотрим, на что ты способен, *Коллинз*, –

поддразниваю я, расправляю плечи и поднимаю биту повыше, как он учил.

Нельзя отвлекаться на его решительную улыбку или то, как он перекатывает мяч между пальцами, но на долю секунды я отвлекаюсь, а затем мяч пролетает прямо мимо меня, и я упускаю шанс его отбить.

Блин!

– Первое правило: не отрывай глаз от мяча.

Бросив биту, я качаю головой и упираю руку в бедро.

– *Серьезно?* Я даже не настроилась. Ладно, давай еще раз.

Я снова расправляю плечи, но на этот раз концентрируюсь. Не отвожу от мяча взгляд. Бита поднята высоко над моим правым плечом, а ноги расставлены именно так, как он показал.

Он бросает мяч, но и во второй раз бита отбивает только воздух.

– Тьфу-ты! – отчаянно восклицаю я.

Снова и снова, мяч за мячом, удар за ударом. И я даже не дотрагиваюсь до мяча!

Я уже готова сдаться и швырнуть в него битой. Он смеется:

– Халли, ударь уже по мячу! Ты можешь! Ударь по мячу!

– Я пытаюсь! Очевидно же! – хрипло выкрикиваю я и откидываю с лица растрепавшиеся локоны. – Давай! Кидай чертов мяч!

Я поднимаю биту, а когда он подает, замахиваюсь из последних сил. И, наконец, я чувствую удар мяча о дерево.

Я отбила мяч! Получи, ты, сексуальный и раздражающе идеальный мужчина!

– Ха! Да-ааа!

Затем я слышу стон. Лейн согнулся пополам и схватился за пах. Я отбила мяч прямо в его сокровище. Мои глаза широко раскрываются от удивления.

– Вот черт!

Я бросаю биту, как будто она загорелась, и бросаюсь к нему, беспрерывно извиняясь.

– Все хорошо? Может, вызвать скорую? Видишь, что происходит, когда от меня требуется координация. Я же *предупреждала*.

– В-все нормально. Все хорошо. Ох, твою мать, – он кашляет и плашмя ложится на землю, держась за пах. – Ты-таки попала по гребаному мячу, крошка Халли!

Мою грудь переполняет гордость от его улыбки, которая сейчас, честно говоря, больше напоминает гримасу. Все же я попала не только по мячу, но и по его… мячам.

– Прости, прости пожалуйста! – сетую я, опускаясь на

колени. – Я самый неуклюжий человек на планете, ужасная была идея. Но очень веселая.

Я хихикаю, и он тоже смеется глубоким низким голосом. Он приподнимается на локтях и смотрит на меня:

– Горжусь тобой. Может, еще попробуешь? Ну, только старайся целиться не в мой член.

– Давай.

Я теряю счет времени. Мы останавливаемся, когда я чувствую, что уже не могу поднять руки.

– Боже, мне кажется, завтра я даже телефон не смогу поднять. И как мне идти на учебу? – я тяжело вздыхаю и роняю биту. Бицепсы горят, и я вымотана. Но если честно, я не могу вспомнить, когда я так веселилась.

Я занимаюсь чем-то, в чем не могла себя представить, с человеком, с которым никак этого не ожидала.

– У тебя талант, Хал, – поддерживает меня Лейн, вытирая пот с лица и приоткрывая тело под рубашкой. – Но это было только начало, – он улыбается все шире и делает шаг вперед, входя в мое личное пространство. – Теперь тебе нужно добежать до следующей базы.

– М-мм… Коллинз, я не бегаю. Только если за мной кто-то гонится. Фредди или Майкл[23], например. Ну знаешь, из ужастиков. Да, серийные убийцы с ножами – единственный способ заставить меня бегать. Так что этому не бывать.

Он приподнимает бровь, словно бросает мне вызов, а я скрещиваю на груди ноющие руки. Между нами завязывается безмолвный диалог, в котором никто не хочет уступать.

Теперь я хочу сделать это только чтобы доказать, что я могу. Точно так же, как я отбивала мячи.

Итак, я бросаю взгляд на первую базу, на долю секунды прикусив губу, и стартую, оставив его в облаке поднявшейся пыли, не ожидавшего, что я так легко сдамся.

Элемент неожиданности дал мне преимущество.

– Догоняй, если сможешь, Коллинз, – со смешком бросаю я через плечо, зарываясь своими потертыми кроссами Vans в грязь и устремляясь к первой базе.

Но я просчиталась, не осознавая, насколько этот парень быстрый. Внезапно он оказывается прямо за мной, и я чувствую шлепок по заднице как раз в тот момент, когда огибаю базу.

– Я думаю, ты можешь быстрее, Халли Джо. Давай, обгони меня, – подстрекает он, развернувшись и побежав мимо меня ко второй базе.

Я стискиваю зубы и изо всех сил стараюсь заставить ноги двигаться быстрее. И он все равно меня обгоняет! Я добегаю до

домашней базы гораздо позже его и чуть не падаю.

– Я… сегодня… совсем… не… в форме, – я тяжело дышу и упираюсь руками в колени. Я немного драматизирую, но у меня сейчас нагрузки было больше, чем за все четыре года старшей школы!

Лейн просто смеется. Он ни капли не запыхался. Конечно, я и не ожидала, что он устанет. Я едва успеваю полноценно вдохнуть без жжения в груди, как внезапно оживает система полива поля, обрызгивая нас водой.

– О, черт, – он хватает меня за руку и оттаскивает подальше от струй воды, чтобы нас не облило.

Слишком поздно – я уже промокла насквозь. Я вырываюсь и бегу к аутфилду[24]. Я начинаю смеяться, когда понимаю, что он бежит за мной. С каждой секундой я промокаю все сильнее, но какая уже разница? Можно считать это передышкой от влажного и жаркого воздуха Луизианы. У меня кружится голова, и словно открылось второе дыхание. Я хочу, чтобы Лейн Коллинз гонялся за мной по всему полю, как будто мы два подростка, которым нечего терять.

На этот раз мне удается продвинуться немного вперед, и только когда я оказываюсь посреди роскошной зеленой травы аутфилда, я чувствую, как его руки обхватывают меня за талию, и я прижимаюсь к его мокрому телу, а его губы находят мое ухо.

– Не так быстро.

Я смеюсь, извиваясь в его объятиях и пытаясь вырваться. Он отпускает меня ровно настолько, чтобы я могла повернуться в его объятиях, и когда я это делаю, крепко прижимаюсь к нему спереди, его руки обхватывают меня за талию, мои ладони скользят по футболке, прилипшей к его груди.

– Халли? – шепчет Лейн. Его взгляд опускается к моим губам и снова поднимается, чтобы встретиться с моими глазами.

– Что?

– Я *правда* хочу тебя поцеловать.

Нервный комок сжимается у меня в горле, мешая дышать. Я всегда ощущаю это рядом с ним.

– Серьезно?

Он кивает:

– Конечно. Не могу больше ждать ни секунды, не узнав, какая ты на вкус.

Да чтоб меня пришельцы похитили!

Если бы я уже не промокла насквозь, то растаяла бы в луже прямо у его ног. Это что, правда моя жизнь?

– Ладно, – шепчу я. Его руки скользят по моему лицу, нежно поглаживая его. Он проводит большими пальцами по моим

скулам, а я наблюдаю за струйками воды, стекающими по его лицу, по изгибу носа к полным губам. Что угодно бы сделала, чтобы коснуться его губ своими.

– Правда?

Я киваю молча, иначе опять все испорчу своей нервной болтовней или случайным фактом об НЛО.

Теперь он так близко, что я чувствую его горячее дыхание на своих губах.

Я в плену его темно-зеленых глаз, и я не смогла бы отвести взгляд, даже если бы попыталась, а потом… он целует меня.

Он прижимает губы, одновременно мягкие, но уверенные, к моим. Он зарывает пальцы мне в волосы, и я растворяюсь в нем, крепко прижимая к себе.

Посреди бейсбольного поля, промокшая с головы до ног, я целуюсь с единственным парнем, о котором когда-либо мечтала.

Меня целует Лейн Коллинз.

Он постанывает, не прерывая поцелуй, проводит языком по краешку моих губ, которые я приоткрываю, позволяя ему проникнуть языком внутрь. Это чувство столь же чуждо, сколь и прекрасно, и я хочу, чтобы он никогда не останавливался.

Я хочу целовать его до тех пор, пока бездыханная не свалюсь на землю, и мои губы не начнут болеть от прикосновения его губ. Его язык переплетается с моим, и мы оба забываем дышать.

Внезапно огни стадиона гаснут, оставляя нас в полной темноте, и он отрывается от меня.

– Черт, – хриплый возглас, от которого у меня в животе разливается жар. – Халли…

Он прижимается своим лбом к моему, и в этот момент я понимаю, что мой первый поцелуй оказался *совсем* не таким, как я себе представляла.

Нет никакой неловкости. Никакой возни, стука зубов, столкновения носов – ничего такого, чего можно было бы ожидать от самого первого раза.

Это настолько хорошо, что не укладывается в видимую вселенную. Совсем другая галактика.

Поцелуй, о котором читаешь в любовных романах и смотришь в типичных романтических комедиях девяностых.

Вот только это реальность, а спортсмен, который держит мое лицо в своих ладонях, как будто я ему дорога, – это Лейн. Это так невероятно, что я чуть не вскидываю ножку, как Мия Термополис[25]. Да, прямо сейчас я переживаю собственный момент радости, как в «Дневниках принцессы».

Я не знаю, что в моей жизни превзойдет эту минуту, этот поцелуй. Сколько же я упустила!

Я бы провела всю жизнь, целуясь с Лейном Коллинзом.

Глава 10
Лейн

– Черт возьми, отличная игра, Коллинз! Да ты в ударе! Научи меня пользоваться так этими волшебными пальчиками. Ну что за слайдер[26]! Ну ты даешь, чувак! – второй питчер, Купер, хлопает меня по спине и обнимает, когда я захожу в дагаут, а он готовится выйти вместо меня.

Семьдесят восемь подач.

И в сорока из них скорость мяча превысила сто миль в час. Рука горит, я чертовски вымотан.

Тренировочные матчи нужны для подготовки к сезону, но выкладываемся мы также, как на чемпионатах.

Так что я выложился во всех подачах до единой.

Если это мой последний сезон в бейсболе, я буду стараться изо всех сил. Даже если на этом все закончится, я хочу оставить что-то после себя. Я хочу, чтобы все на этом стадионе знали мое имя.

– Спасибо, чувак. У тебя все получится. Выбей нам победу.

Он кивает, поправляя кепку. Я узнаю в нем прошлого себя. В его напористости, в его желании добиться успеха, в том, как он ведет себя на поле.

Я помню это чертовское давление, когда ты только поступил в универ, и одновременно начал играть. Я был на его месте. Стоял на той же питчерской горке с тем же грузом на плечах. Если ты побеждаешь, это настоящий кайф – трибуны тебе рукоплещут и весь мир скандирует твое имя.

А если нет… тогда ты разочарование для друзей, семьи, товарищей по команде, тренеров, всех, кто на тебя рассчитывает, всех фанатов. Для целого города людей, которые заплатили большие деньги за билеты. Спонсоров, которые ожидают результатов от своих инвестиций.

Это не просто бейсбол. Это нечто большее.

Помимо игры с мячом над тобой висит неподъемный груз, особенно когда ты играешь в одной из лучших команд страны.

Мы не просто так занимаем первое место в лиге.

– Я удивлен, как мощно ты сегодня сыграл, а вчера ведь хихикал с кем-то по телефону как девчонка, – я замечаю рядом самодовольную улыбку Гранта, и он хлопает меня по спине, поздравляя. – Я думал, ты не соберешься.

– Заткнись.

– Что? Я говорю, что тебя из дома клещами не вытащишь. Ты

знаешь, что делаешь, чувак? Ну, с Халли.

Я запихиваю перчатку в шкафчик и поворачиваюсь к нему. Я ожидал этого разговора, но только не прямо посреди игры.

– Ага. Все хорошо. Мы просто… развлекаемся. Ничего такого.

– Послушай, это твоя жизнь, но я твой лучший друг, и я о тебе беспокоюсь. Ты мне важен, и я хочу, чтобы ты осознавал, что делаешь, а не просто думал своим членом. Она лучшая подружка твоего брата, – он снимает кепку с головы и проводит пальцами по непослушным волосам. – Ты не боишься, что это повредит вашим отношениям, когда вы… перестанете развлекаться?

– Да, все будет хорошо. У нас все без обязательств. Я забочусь о ней, уважаю ее и не собираюсь причинять ей боль.

Я пока не готов признать, что происходит между нами *на самом деле*. К тому же, я не знаю, хочет ли она, чтобы кто-то еще знал о нашем… контракте.

Он кивает, но неуверенный взгляд говорит о том, что у него вертится на языке что-то еще. Он замолкает, когда Куп поднимается на питчерскую горку. Сейчас не время и не место для этого разговора.

Мы стоим рядом до конца игры и вместе наблюдаем, как второй питчер уверенно завершает игру. Я же говорил. Победа за нами – и это невероятное чувство.

Адреналин бурлит в моих венах, как электрический ток под напряжением. Я выхожу из дагаута и чувствую себя на вершине этого гребаного мира.

Как будто я способен на все. На что угодно.

Но звонит телефон, и я вижу на экране «ПАПА». Мой палец зависает над кнопкой «сбросить звонок». У меня уже почти вошло в привычку избегать разговоров с ним.

А раньше мне нравилось играть с ним в бейсбол. Мы проводили вечера во дворе, работая над моей подачей, выполняя силовые упражнения и развивая подвижность. Все, что, по его мнению, необходимо было улучшить.

Это было не только время, принадлежавшее лишь нам двоим, что было редкостью в нашем доме. Мы не только могли просто поговорить о жизни, школе и мечтах. Это был кусочек искреннего счастья, которое он разделял только со мной, и которое никто не мог у нас забрать,

Не поймите меня неправильно, мы с братом близки, и так было всегда. У нас отличные отношения, между нами нет ревности или обид. Конечно, иногда мы готовы вцепиться друг другу в глотки, но это обычные отношения между братьями. Он поддерживает меня, и я его. Нет ничего в мире, чего я бы не сделал ради него. Мы одной крови.

Но будьте уверены, Илай – золотой ребенок. Он не увлекается спортом, его средний балл – 4.2, за плечами куча внеклассных занятий, и он не пошел в Гарвард, чтобы поступить в альма-матер отца. В глазах моих родителей, особенно папы, этот ребенок делает правильно абсолютно все.

И это кошмарно выматывает. Родители всегда верили, что Илай может быть кем захочет и делать что захочет. Но единственная роль, в которой они видели меня – ребенок, который умеет держать биту и хорошо подавать.

И как бы сильно я ни любил запах свежей земли и линии на поле, иногда хочется, чтобы на тебя смотрели иначе, чем все ожидают.

В последнее время я часто об этом размышляю. Действительно ли это то, чем я хочу заниматься всю оставшуюся жизнь? Как бы мне ни нравился бейсбол, вся моя жизнь вращалась вокруг него, и я не знаю… Может быть, я хочу стать кем-то большим, чем отец и все остальные от меня ждут?

В конце концов, я отвечаю, затем подношу телефон к уху и повыше закидываю сумку на плечо.

– Привет, пап.

– Здравствуй, сын. Наконец-то ты мне ответил. С тобой связаться труднее, чем с сыном нашего чертова мэра.

Я прокашливаюсь и издаю смешок.

– Да, э-э… просто здесь было так сумбурно. Занятия, тренировки и все такое… Как там ма?

– Она в порядке. Пытается подружиться с новыми воспитанниками и украшает группу. Ты же знаешь, как это обычно бывает.

Да, кухонный стол обычно завален сотнями различных поделок и бумаг. Несмотря на то, что она уже много лет назад могла бы выйти на пенсию, ей нравится работать в детском саду. Она всегда этим горела, и я не могу представить, что она перестанет работать.

– Ага. Ну…

– Смотрел сегодняшнюю игру. Ты был великолепен, сынок. Хотя пара моментов заставили понервничать. Думаю, тебе нужно пару раз сходить на йогу, поработать над гибкостью и подвижностью. Ты и сам знаешь, что сейчас нельзя расслабляться. Все взгляды устремлены на тебя, Лейн. Каждая команда в стране следит за тобой. Они ожидают, что ты выйдешь в высшую лигу, сынок. Ты кандидат номер один в стране.

Черт, ну еще бы я этого не знал! Неужели он действительно думает, что после всего случившегося я не понимаю, что поставлено на карту? Не говоря уже о том, какое огромное

давление я несу на своих плечах каждый день?

– Я знаю, пап.

– Ты потрясающий игрок, Лейн. Я просто хочу, чтобы ты не сдавался. Не сдал в самый важный момент, когда все, над чем мы работали, почти у нас в руках.

– Да, я знаю. Слушай, мне пора бежать. Я уже почти дома, очень хочу в душ.

– Хорошо, сынок. Поговорим позже?

Я проглатываю колкий ответ, застрявший у меня в горле, и выдавливаю из себя:

– Да. Поговорим позже.

Я вешаю трубку, не сказав больше ни слова, и опускаюсь на скрипучие ступеньки нашего крыльца.

Вот дерьмо. Всего один телефонный звонок может свести на нет радость от сегодняшней победы и превратить ее во что-то совершенно другое.

«Эй, сынок, все супер, но можно еще лучше».

«Хороший замах, Лейн, но в следующий раз перенеси больше веса на переднюю ногу, чтобы замахнуться еще сильнее».

Всегда есть это «что-то», что можно улучшить, над чем можно еще поработать. Быстрее, выше, сильнее! Представь семью Коллинз в наилучшем свете!

В последнее время я много думаю о том, что профессиональный бейсбол – его мечта, а не моя.

Через пару минут я слышу, как позади меня со скрипом открывается входная дверь. Нужно смазать петли.

Я слышу шаги. Халли садится рядом со мной. На ней только толстовка оверсайз и крошечные шорты. Волосы распущены, а на глазах вместо линз – очки, из-за чего они кажутся еще более невинными.

– Привет, звезда всех звезд, – она ухмыляется, застенчиво касаясь моего плеча. Я выдавливаю из себя вымученную улыбку. После разговора с отцом мне не очень хочется праздновать.

– Уже поздно, чего не спишь?

Она пожимает плечами, подтягивая колени к груди. Мы оба смотрим вдаль.

– Хотела поздравить с потрясной игрой.

– Спасибо. А вы тут как с Илаем? Он здесь?

– Не-а, – она качает головой. – Мы поужинали, и он пошел к Ари. Ну, с ней ты уже знаком.

Я киваю:

– Ага, познакомились в тот раз на тусовке. Похоже, она ему нравится.

– Ага. И мне нравится. Она милая. Я пригласила ее на

киновечер. Эм, ты в порядке? – спрашивает Халли, и от беспокойства у нее между бровями появляется небольшая морщинка. – Я ожидала, что после победы у тебя будет настроение получше.

– Просто… в голове столько всего крутится.

– Слишком большая ответственность? Нужно выступать перед огромным количеством людей? По ESPN[27] сказали, что там было больше десяти тысяч человек.

Я опускаю плечи, снова устремив взгляд в ночь. Я не хочу признавать, что иногда давление кажется невыносимым. Не потому, что это делает меня слабым, хотя иногда я и правда уязвим. Особенно после такого разговора с папой, как сегодняшний.

– Я в порядке.

– Просто в порядке или по-настоящему? Это разные вещи.

– «В порядке» бывает только одно. И я в порядк, – повернувшись к ней лицом, я протягиваю руку и провожу большим пальцем по складке у нее на лбу, разглаживая легкую морщинку на ее идеальном лице. Меньше всего я хочу, чтобы она беспокоилась обо мне и моих проблемах. У нее и так есть о чем беспокоиться. – Спасибо, что спросила. Ты… не против посмотреть фильм? Мне нужно приложить лед к руке, и мне потребуется несколько часов, чтобы заснуть. Адреналин и все такое.

– Да, конечно! *Как насчет «Ведьмы из Блэр»?*

Я издаю стон:

– Опять фильм, где кто-то умирает?

– Знаете что, мистер… – она замолкает, поднимаясь по лестнице и протягивая мне руку. – Ладно, выбирай ты. Только чтобы там не было аллигаторов, чудак ты эдакий.

Я смеюсь и прохожу за ней внутрь, зная, что мы будем смотреть ужастик, где кто-то обязательно умрет.

Что угодно для моей девочки.

Глава 11
Халли

– Значит, в эти выходные весь дом в твоем полном распоряжении? – спрашивает Вив, поворачиваясь в моем компьютерном кресле. – А где Илай?

Я пожимаю плечами:

– Они с Ари вроде как пошли на шоппинг. Это странно – Илай ненавидит шопинг. Но потом я поняла, что это может быть код для чего-то другого, и я не хотела знать…

Вив морщится, на ее лице появляется выражение отвращения.

– Иу, случайно представила, как Илай с кем-то трахается, и теперь, кажется, меня сейчас стошнит.

В приступе драматизма она изображает рвоту. Со звуковыми эффектами.

– Итак, чем займемся на выходных? Устроим вечеринку? Пойдем на рейв? Набьем татухи?

Она сведет меня с ума. Для Вивьен Брентвуд не существует никаких ограничений.

Внезапно она вскакивает с компьютерного кресла, ее глаза возбужденно блестят:

– О, а как насчет того нового кантри-бара? Лайн данс[28] и все такое. Наконец надену новые ковбойские сапожки.

– Вив, у меня даже обычных сапожек нет, а уж ковбойских и подавно. У меня есть кроссовки Vans, несколько «Чаков»[29] и, ах да, забыла – еще больше Vans! О, и те милые маленькие инопланетные тапочки, которые мама подарила мне на Рождество в прошлом году…

– Халли, сосредоточься, – призывает подруга, прерывая мою болтовню. – Да ты прикинь, как будет круто! Держу пари, твой любовничек не будет против.

– Ты что, правда заставишь меня это сделать? – со стоном спрашиваю я.

– Без тени сомнения. Это же неотъемлемый атрибут студенческой жизни! Ковбойские сапожки и шортики в стиле Дейзи Дьюк[30]. Да, детка!

Я бы предпочла, чтобы на мне ставили опыты маленькие одноглазые зеленые инопланетяне, только бы не надевать ковбойские сапожки.

Полчаса спустя я сижу на кровати, скрестив ноги, с зеркальцем в руке и готовлюсь к вечеринке, пытаясь накрасить глаза. Раздается тихий стук в дверь.

– Открыто!

Дверь приоткрывается, и внутрь просовывает голову Илай.

– Здорово, Хал!

– Привет! Ты как? Как прошел день? Тебе понравился… шоппинг? – я поджимаю губы, чтобы подавить смешок.

Он приподнимает бровь, заходит в комнату, закрывает ее ногой и плюхается на мою кровать, задирая голову, чтобы посмотреть на меня.

– Ты как-то странно спрашиваешь.

Я пожимаю плечами:

– Ну… я решила, что это вы так обозначаете жаркий секс, потому что ты просто ненавидишь ходить по магазинам.

– Нет, ты чего. Шоппинг – значит шоппинг, – он смотрит на меня так, словно у меня выросло две головы. Я ухмыляюсь.

– Угу, – мычу я и возвращаюсь рисованию стрелок. Между нами воцаряется уютное молчание. На заднем плане тихо играет моя любимая альтернативная радиостанция девяностых, и я подпеваю музыке, пытаясь не запороть макияж.

– Ты куда-то идешь? – интересуется он.

– Вив уговорила меня на какой-то кантри-бар, совершенно против моей воли, но ты же ее знаешь. Она заставила меня надеть ковбойские сапожки, Илай. Ты можешь себе такое представить?

– Ухх, ну это же Вивьен! Ее безумные идеи покорят мир.

Положив подводку для глаз и зеркальце на кровать, я поворачиваюсь и смотрю на Илая. Уже несколько дней мы не проводили время вдвоем. Я была… занята, а он проводил больше времени со своей новой девушкой.

Пока что не было подходящего момента, чтобы сказать ему, что мы с Лейном… делаем то, что мы делаем. Не думаю, что стоит рассказывать ему о контракте, но я чувствую себя виноватой, что не была откровенна со своим лучшим другом.

– Могу я с тобой кое о чем поговорить? – спрашиваю я, нервно покусывая губу. Между его бровями пролегает складка.

– Конечно, Хал!

У нас с Лейном все только началось, так что еще не рано порвать с ним… если Илай переживает из-за того, что мы вроде как вместе, но не вместе. Но я очень надеюсь, что друг не попросит меня о таком.

Потому что мне нравится то, что происходит у нас с Лейном.

– Эм, я… ладно, скажу как есть. Мы с Лейном вроде как… целовались, и мы типа… вместе, но не совсем, и мне жаль, что я не сказала тебе сразу, но я немного запаниковала. И еще, у нас все без обязательств, и даже не знаю, что еще сказать, и я просто не хочу разрушать нашу дружбу, потому что ты мой лучший друг,

и я так сильно тебя люблю, и…

– Хал, – смеется он, – это самый длинный поток слов, что я когда-либо от тебя слышал.

Я опускаю взгляд и выдыхаю:

– Прости, Илай.

– Не извиняйся, Халли, ты же не моя собственность. Кстати, Лейн уже говорил со мной об этом. Правда, он говорил «гипотетически», – он рисует в воздухе кавычки. – Но я не вчера родился, так что понял, что у него на уме что-то большее. Пришлось пообещать, что если он причинит тебе боль, брат он мне или нет, придется его убить. Ну а если ты счастлива и это то, чего ты хочешь, то я тебя полностью поддерживаю.

Я немного… *шокирована*.

– Правда? – в моем тоне сквозит недоверие. Не потому, что я сомневалась, что он меня поддержит, но я не была уверена полностью. А еще мы втроем живем под одной крышей, что немного меняет дело.

– Да, конечно, – он пожимает плечами. – К этому нужно привыкнуть, потому что ты моя лучшая подруга, а он мой брат. Но почему нет? Вы взрослые люди, и вам не нужно мое благословение, чтобы быть вместе. Я просто… просто береги себя, Халли. Не позволяй никому причинить тебе боль. Лейну или кому угодно еще, – он берет меня за руку и успокаивающе сжимает ее. – Просто хочу убедиться, что вы видите эти отношения одинаково. Я люблю своего брата, но мы оба знаем, что он немного… разгильдяй. Я просто не хочу, чтобы тебе было больно, потому что ты не из тех девушек, с которыми можно вести себя легкомысленно, Хал. Так что просто будь осторожна, ладно? Но тебе не нужно мое одобрение, если это то, чего ты хочешь. Я всегда тебя поддержу.

Я обвиваю руками его шею и зарываюсь лицом ему в затылок, он проводит руками по моей спине, удерживая меня на месте.

Вот поэтому Илай всегда был моим лучшим другом. Он тот человек, к которому я обращаюсь, когда мир рушится на части, или с которым я делюсь самыми важными новостями. Потому что он всегда поддерживал и поощрял меня следовать зову сердца и быть той, кто я есть на самом деле.

Сейчас я больше, чем когда-либо, благодарна ему за дружбу и за то, что он и глазом не моргнул, когда я сказал ему, что вроде как встречаюсь с его братом. Ну, по крайней мере, на данный момент.

– Люблю тебя, Илай.

Он улыбается:

– И я тебя, Хал. А теперь я хочу увидеть тебя в этих

ковбойских сапогах. Где они?

* * *

– Детка, не буду врать, ты выглядишь в них *чертовски* сексуально, – шепчет Лейн мне на ухо, когда я усаживаюсь на барный стул.

Верная своему слову, Вив затащила меня в этот шикарный бар, и там не только танцуют… Там есть *механический бык*.

И когда я позвала Лейна с нами, ожидая, что он рассмеется и скажет, что это точно не для него, он ответил: «Черт возьми, конечно!», а заодно позвал Гранта и Риза.

И вот мы здесь.

Слушаем кантри девяностых и одеты так, будто живем на ферме.

И на мне эти чертовы ковбойские сапожки. Белые, заостренные, с маленькими стразами.

Как вы, наверное, догадались, все это дело рук Вивьен.

Взгляд Лейна с неподдельным интересом скользит вверх-вниз по моему телу. Пожалуй, один вечер я смогу потерпеть этот наряд.

– Ты свинья, – заявляет Вив, скрестив руки на груди и насмехаясь над Ризом, который улыбается все шире.

Эти двое препираются как старая супружеская пара, и я в двух секундах от того, чтобы рвать на себе волосы.

Буквально.

Лейн запускает руку в задний карман моих джинсовых шорт, даже не взглянув в мою сторону. Его взгляд прикован к друзьям. И я пытаюсь не сойти с ума, но его рука лежит на моей заднице, и мое сердцебиение учащается.

Он нежно сжимает ее, и краем глаза я вижу, как его губы растягиваются в улыбке.

– Да ладно тебе, Вив. Восемь секунд на быке, и я оставлю тебя в покое навсегда.

– Ну это совсем недолго, – возражает она, закатывая глаза. – Но *я не собираюсь* лезть на быка.

Риз пожимает плечами, придвигаясь еще ближе к ней, и судя по раздражению на ее лице, она вот-вот опробует на нем какой-нибудь прием из тайского бокса.

Я немного шокирована тем, что она отвергает все его заигрывания, потому что, честно говоря… Риз Лэндри – просто секс с большой буквы *С*. Он кэтчер команды, у него накачанная попка бейсболиста и бедра, каких нет ни у кого. Может быть, он

не такой красавчик, как Лейн, но любая женщина подтвердит, что тут есть на что посмотреть.

У него длинные темные волосы, они непослушные и постоянно выглядят так, словно он провел по ним пальцами. Высокие скулы, квадратная челюсть, улыбка, которой он улыбается Вив, от которой таю даже *я*.

Трудно не поддаться его обаянию.

– Восемь секунд, детка, неужели ты не сможешь продержаться так долго? Продержись, и я отстану.

Она замолкает, в раздумье двигает челюстью и, наконец, берет бокал с текилой, стоящий перед ней, и осушает его без соли и лайма.

– Ты придурок, ты знаешь об этом, Лэндри?

Он хватается за сердце.

– Черт, мне нравится, когда ты оскорбляешь меня, детка.

Грант, еще один их лучший друг и товарищ по команде, смеется.

– Вы двое просто смешны. Почему бы вам не пойти и не потрахаться в уборной, а мы будем наслаждаться вечером?

Вив морщит нос:

– Я бы предпочла, чтобы мой гинеколог залез мне в шейку матки ватной палочкой.

– Я вызываюсь добровольцем! – тут же парирует Риз, поднимая руку.

Она усмехается, снова закатывая глаза:

– Видишь? Я же говорю – *свинья*.

– Меня заводит, когда ты меня отвергаешь. Пожалуйста, продолжай.

Она полностью игнорирует его, протопав мимо него к быку и утащив за собой Гранта. Мы с Лейном остаемся наедине.

– Господи, я думал, они никогда не уйдут, – ворчит Лейн, не вынимая руку из моего кармана. Мой взгляд скользит по его профилю, его сильной челюсти, изгибам шеи, по которым мне вдруг хочется провести языком, по его кадыку.

Боже, я схожу с ума. Я *так* хочу Лейна Коллинза.

– Ты в порядке? У тебя щеки раскраснелись.

Я киваю и убираю волосы с лица, не желая привлекать еще больше внимания к своему горячему румянцу. Я страстно хочу Лейна и поймана с поличным.

– Да, просто… здесь жарко. Я… мне нужно в туалет. Сейчас вернусь! – нервно вскрикиваю я, соскакиваю с барного стула прежде, чем Лейн успевает вымолвить хоть слово, и направляюсь прямиком в уборную.

Я врываюсь в дверь, чуть не сбив при этом с ног какую-то девушку. Я быстро бормочу извинения и подхожу к раковине, разглядывая свое отражение в зеркале.

Сегодня у меня эффектный макияж: стрелки, немного теней, ресницы покрыты черной тушью.

Я беру бумажное полотенце, смачиваю его прохладной водой и прижимаю к щекам.

Возможно ли самовозгорание лишь из-за присутствия парня?

Глядя на свое отражение, я заключаю, что да, это действительно возможно.

Нужно собраться.

Дыши, Халли. Это просто инстинктивная физиологическая реакция на действия Лейна, хоть и на самые незначительные.

Это не конец света.

Достав блеск для губ из маленькой сумочки, я наношу его и сжимаю губы, чтобы распределить.

Я возвращаюсь к столику. Вив, Риз и Грант уже вернулись. Вив взглядо мечет кинжалы в Риза, а Лейн и Грант разговаривают, похоже, о бейсболе.

– Ты вернулась! Слава богу! Пожалуйста, никогда больше не оставляй меня с ним наедине! Иначе меня посадят за убийство. Волосы я еще бы согласилась заплести, но оранжевый мне *точно* не идет[31], – умоляет Вив, бросая на Риз взгляд, и правда убийственный.

Он подмигивает ей в ответ:

– Детка, ты будешь хорошо смотреться в чем угодно. *Особенно* в оранжевом, – с еще одной ухмылкой, сопровождаемой полным влюбленности вздохом, он драматично хлопает ресницами. – Я просто влюбляюсь все сильнее с каждым разом, когда она меня отшивает.

Я не собираюсь вмешиваться в это дело. Я поднимаю руки в знак капитуляции.

– Прости, я сохраняю нейтралитет. Как Швейцария.

– Предательница, – бормочет Вив, когда я опускаюсь на барный стул рядом с Лейном и одариваю его извиняющейся улыбкой.

– Халли, может, потанцуем? – приглашает Лейн. О боже, я никогда в жизни не танцевала, разве что на кухне под Semi-Charmed Life,[32] пока готовлю рамен.

Он встает с барного стула и протягивает руку, ожидая, когда я вложу свою ладонь в его.

– Конечно, – бормочу я.

Это, безусловно, будет катастрофой, но если это означает оказаться в объятиях Лейна, то это прекрасно.

Я, так уж и быть, потерплю три минуты ужасной музыки, а вот он еще не знает, что ему придется страдать из-за отдавленных пальцев. Эти сапожки – просто убийцы.

Взяв меня за руку, он выводит меня на деревянный танцпол, а на заднем плане кантри-певец напевает о том, что нашел свою единственную настоящую любовь. Мелодия акустическая, медленная и идеально подходит для медляка. Бармен притушил освещение на танцполе, оставив только диско-шар.

Лейн обнимает меня за талию и притягивает к себе. Моя грудь плотно прижимается к его, мои руки обвиваются вокруг его шеи, и мы раскачиваемся в такт музыке.

– Предупрежу еще раз: я самый неуклюжий человек на этой планете. И я снимаю с себя ответственность за то, что ранила звезду бейсбольной команды и вывела из строя.

Из его груди вырывается смех.

– Помнишь, как ты мне мячом по яйцам зарядила? Видишь, все как раз наоборот. Ты *очень* хорошо координируешь свои действия, когда сосредоточишься.

– Поверь мне, это был единичный случай. Я планирую воздержаться от всех видов спорта до лучших времен. У меня до сих пор руки болят! – сетую я и напрягаю бицепсы, морщась.

– Хорошо, что у тебя самый лучший учитель в городе, да? – шепчет он мне на ухо. – Который пойдет на все, чтобы убедиться, что ты усвоила материал. Я настоящий профессионал.

Когда его губы касаются мочки моего уха, внутри меня разливается жар, и дрожь пробегает по спине. Я отдаюсь его прикосновению, вдруг забывая, что мы не одни.

В баре полно людей, а у меня чувство, что вокруг никого, все исчезло, и есть только *мы*, и наши чувства, и наши движения.

И от этого неспокойно: кто-то так легко и без усилий может тебя настолько обезоружить. Я даже не уверена, что он это осознает.

Я поднимаю взгляд, и выдох со свистом вырывается из моих легких, когда я вижу, как его темно-зеленые глаза смотрят на меня в ответ, затягивая в свои глубины.

– Э-э… спасибо, что пришел сегодня. Я знаю, что последнее, чего тебе хотелось – это тащиться в бар для деревенщин и смотреть на лайн данс всю ночь напролет.

Пожав плечами, он кружит меня и смеется:

– Мне хорошо там, где ты, крошка Халли.

Когда он говорит подобные вещи, сердце замирает в груди. Это вообще нормально? Такое чувство, что оно пропускает целый такт и потом пытается вернуться к обычному ритму.

Он крепко обнимает меня, наши тела созвучны друг другу,

как будто так было всегда.

Я остро ощущаю каждый дюйм его тела. То, как его пальцы медленно двигаются вдоль моей спины, его пристальный взгляд, который, кажется, видит меня насквозь.

– Позволь мне увести тебя домой, Халли, – шепчет он мне на ухо. У меня по спине пробегают мурашки.

Я киваю, он берет меня за руку и уводит с танцпола туда, где сидят наши друзья.

– Нам с Халли пора. Вив, поедешь с нами?

Она бросает взгляд на Риза и закатывает глаза:

– Нет уж, я останусь и посмотрю, чего еще он сегодня отчебучит.

– Отчебучить – это я могу! – парирует Риз. – До встречи, ребята!

* * *

Сейчас я прячусь в ванной.

Не прячусь в *буквальном* смысле, потому что Лейн прекрасно знает, что я здесь, но я боюсь возвращаться в гостиную.

Я нервничаю, и не просто как неуклюжая, заикающаяся версия самой себя, какой я обычно становлюсь, когда он рядом, но так нервничаю, что у меня потеют ладони, желудок сжимается в комок, и мне кажется, что у меня на груди сидит слон. Я вцепилась в полотенце.

Я смогу это сделать.

И под «этим» я имею в виду просмотр фильма с Лейном. Под чем, я абсолютно уверена, зашифровано что-то другое. Например, мой первый сексуальный опыт. Когда мы вернулись домой, я помчалась наверх и минут десять боролась с ковбойскими сапожками, прежде чем, наконец, высвободилась и направилась прямиком в душ, чтобы смыть с себя запах бара. Клянусь, никогда не позволю Вивьен уломать меня на… что угодно! Моим ногам требуется примерно от трех до пяти рабочих дней, чтобы восстановиться.

Я быстро натягиваю ночную рубашку, шорты и тапочки с йети, затем встаю перед зеркалом и смываю макияж. Я провожу пальцами по влажным волосам. Когда они высохнут, то будут торчать во все стороны, но я здесь уже целую вечность и не хочу заставлять Лейна ждать еще дольше.

Сделав глубокий вдох, я пытаюсь успокоить нервы, которые скручиваются комком у меня в животе. Я выхожу из ванной, испытывая смесь предвкушения и трепета.

В гостиной темно, и комнату наполняет только тихий шум телевизора. Лейн сидит посередине дивана, только что приняв душ, в потертой и выцветшей черной футболке с гербом университета и темно-серых спортивных шортах, широко расставив ноги и уставившись в телевизор.

Мне нравится видеть его таким, расслабленным и естественным… Он даже не слышит, что я вхожу.

– Привет, – тихо произношу я, подходя к дивану и загораживая ему обзор телевизора, скрестив руки на груди. Почти уверена, что сейчас меня заметно трясет, и не хочу, чтобы он об этом знал.

– Ну привет, крошка Халли, – улыбается он, приподняв бровь. – Иди сюда.

Неуверенным осторожным шагом я подхожу к нему и останавливаюсь между его раздвинутых ног, упираясь коленями в диван. Я сглатываю комок в горле и заправляю прядь волос за ухо, опуская взгляд на Лейна. Его темно-зеленые глаза кажутся еще темнее, когда он опускает взгляд вниз по моим бедрам и проводит по ним своими большими руками, затем снова поднимает глаза на меня.

– Посидишь со мной?

Я молча киваю. Он нежно притягивает меня к себе, я залезаю на него и обхватываю коленями его талию. Он так близко, и так пристально на меня смотрит, что я чувствую, что разваливаюсь на части. Я дрожу, когда он проводит рукой по моему подбородку.

Крепко зажмурившись, я погружаюсь в ощущения от прикосновения его жестких мозолистых пальцев к своей коже. Жаль, что я не могу просто выдохнуть всю свою тревогу.

– Ты дрожишь, – спокойно говорит он, заставляя меня распахнуть глаза. – Халли… – он качает головой и выдыхает, – послушай меня. У меня нет никаких ожиданий. Абсолютно никаких. Я никогда не буду давить на тебя и не заставлю делать то, что тебе не нравится. Если ты хочешь подняться наверх и лечь спать, я уважаю это. Между нами все будет идти в своем темпе. Ладно?

Я киваю:

– Ага.

Его большой палец обводит линию моего подбородка, но он не делает никаких попыток прикоснуться ко мне, кроме этих простых движений.

– Я просто… Я-я просто не хочу тебя разочаровать, – шепчу я, опустив взгляд. – Я знаю, что буду худшей из всех, кто у тебя когда-либо был, и это немного пугает, – признаюсь я.

– Хал, – хрипло произносит он, приподнимая пальцем мой

подбородок и заставляя меня посмотреть ему в глаза. – Ничто в тебе меня никогда не разочарует. И уж точно ни хрена из того, что связано с сексом.

Мой желудок сводит при упоминании о сексе. Какая-то часть меня все еще не может поверить, что я сижу на коленях у Лейна и вообще веду этот разговор. С такими девушками, как я, такого не случается.

– Но я не такая, как те девушки, которые…

Он заставляет меня замолчать, наклоняясь вперед и запечатлевая на моих губах поцелуй, который ощущается так же, как первый. Это так волшебно, что я не могу должным образом выразить это словами. Он целует меня так, словно вымолил этот поцелуй у Господа. Одним лишь ощущением его рук на моем теле и его губ на моих губах, он заставляет меня чувствовать себя любимой, желанной. Даже не представляла, что когда-то испытаю подобное.

– Ты – это *ты*, и это больше, чем когда-либо будет у любой из этих девушек, – говорит он низким хриплым голосом. Он проводит носом по моему подбородку. – Они никогда не смогли бы стать *тобой*, крошка Халли.

Если бы это было возможно, прямо сейчас, в этот момент, мое сердце выскочило бы из груди. Он беспорядочно бьется о мою грудную клетку, отчего у меня начинает кружиться голова и учащается дыхание. Стук в ушах усиливается с каждым движением груди.

Нерешительно наклоняясь вперед, я прижимаюсь губами к его губам. В самый первый раз я делаю первый шаг, не в силах больше ни секунды *не* прикасаться к нему. Вот каково это – хотеть его… как будто я умру от желания, если не почувствую его кожу на своей. Если я не протяну руку и не проведу пальцами по резкой линии его подбородка.

– Как насчет того, чтобы взять инициативу в свои руки? Делай то, чего тебе хочется. Все, что тебе комфортно.

Мои брови приподнимаются:

– Я… я могу тебя потрогать?

Он кивает с застенчивой улыбкой на губах:

– Детка, я весь твой. Пока секс тебе не комфортен, потому что для тебя все в новинку. Ты даже не прикасалась ни к одному парню, Хал. Это твой шанс. Исследуй. Освойся с моим телом, изучи его точно так же, как я намерен изучить твое. Считай это своим следующим уроком.

Он дает мне карт-бланш.

Сколько раз я мечтала о таком моменте, как этот… Откинувшись, я смотрю вниз, на его тело между моими бедрами.

Спортивные шорты, черная футболка, обтягивающая его бицепсы, как будто ткань изо всех сил пытается удержать его загорелое тело. Сине-зеленые вены, которые змеятся по его рукам до сильных мозолистых ладоней, ловкие длинные пальцы на моих бедрах, от которых моя кожа, кажется, действительно горит.

Интересно, всегда ли так будет? Я сгораю от любви к Лейну так сильно, что пока даже не могу до конца это осознать.

Я поднимаю руку к его подбородку, провожу по нему дрожащими пальцами. Его челюсть сильная, а кожа мягкая. Я касаюсь его лба и переносицы над его слишком идеальным носом, спускаюсь к губам. Мой большой палец скользит по его лицу, и он прикусывает его, заставляя меня взвизгнуть.

Смех застревает у меня в горле, когда я понимаю, что устроилась прямо на его паху и его возбужденный член прижимается к тонкому хлопку моих шорт.

Я уже знаю, что скрывается за этими спортивными шортами – я видела его силуэт через шторку в ванной – и одна только мысль об этом пугает и возбуждает одновременно.

– Продолжай, – хрипло просит он.

Кивнув, я скольжу пальцами вниз, к крепким жилам на его шее, ниже, где мои руки накрывают его широкую грудь. Я чувствую, какой он твердый и сильный.

– Может, снимешь футболку? – тихо прошу я.

Не говоря ни слова, он заводит руку за спину, к затылку, и одним быстрым движением стягивает ткань, обнажая свою широкую рельефную грудь, от которой у меня слюнки текут.

Боже, как может один-единственный человек быть *таким* совершенным? Это несправедливо по отношению к остальным скучным, заурядным людям.

– Что означает этот взгляд?

Мои щеки тут же вспыхивают, и слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить:

– Как ты это делаешь? Так легко читаешь мои мысли?

Его пальцы касаются моего подбородка, заставляя меня снова посмотреть на него, когда я пытаюсь отвести взгляд.

– На твоем лице отражается абсолютно каждая эмоция. Если ты думаешь о чем-то, о чем не хочешь никому говорить, у тебя щеки розовеют… и мне ужасно интересно, только ли там этот румянец, или в других местах тоже.

Я сглатываю, у меня перехватывает дыхание. У него есть способность видеть меня насквозь. Так может только, разве что, Илай. Это меня беспокоит.

– Я *не* собираюсь отвечать на этот вопрос.

Он улыбается, пожимая плечами:

– Я все равно это выясню, крошка Халли, не сомневайся. Итак, что это был за взгляд?

– Ну ладно. Я просто подумала о том, какой ты… идеальный.

Он смеется, я чувствую под собой дрожь его тела и продолжаю:

– Ну правда, в тебе же все идеально. Наверное, поэтому я влюбилась в тебя, как только узнала, что такое влюбленность.

Он приподнял бровь от удивления:

– Ты в меня влюбилась, крошка Халли?

– А ты как будто не знал, – я закатываю глаза. – Я до сих пор рядом с тобой едва могу предложение сказать, не заикаясь. Но я над этим работаю.

Он хмыкает, но ничего не говорит в ответ, и я проглатываю ком в горле, возвращая свои липкие руки к его обнаженной горячей груди. Мои пальцы спускаются к твердым кубикам на его животе. У него перехватывает дыхание, когда я нерешительно продвигаюсь еще ниже, исследуя совершенно новую территорию. Мышцы на его животе сокращаются, когда я провожу по ним своими фиолетовыми ногтями, и мне кажется, что он хочет прикоснуться ко мне, но сдерживается. Он резко вздыхает, в его глазах голод, а его руки крепко сжаты в кулаки и прижаты к бокам, а не ко мне.

– Это ради тебя, – напряженно поясняет он.

Я киваю, прикусив губу, продолжая спускаться и отчаянно пытаясь заглушить тянущее чувство между ног.

Я хочу потрогать его член.

Пенис?

Половой орган?

Достоинство?

Стояк?

Каким бы не было правильное название, я хочу прикоснуться к нему. И очень сильно. Даже если я нервничаю больше, чем когда-либо в своей жизни.

Я дотрагиваюсь пальцами до края его боксеров, которые выглядывают из-под спортивных шорт, и снова смотрю на него.

– Это глупо, но я чувствую, это должно стать темой сегодняшнего урока. Как его посексуальнее назвать? Ну, твой… – я киваю в сторону эрекции, выступающей из-под шорт.

Что еще больше шокирует меня, так это то, что у него стоит… на меня.

Лэйн Коллинз возбуждается от одного моего прикосновения к нему. Уже только это зажигает во мне что-то, чего раньше никогда не было, и я хочу исследовать эти ощущения.

– Член, – шепчет он, в его взгляде вспыхивает жар, а горло

вздрагивает. – Называй его членом, Халли.

– Я… я хочу потрогать твой член.

Лэйн стонет, гортанный звук вырывается откуда-то из глубины его груди:

– Я сейчас кончу в штаны, как какой-то подросток, только услышав, как ты произносишь слово «член». Черт.

Я подношу руку ко рту, чтобы подавить смешок, который не смогла бы сдержать, даже если бы попыталась. Это заставляет меня чувствовать себя… могущественной.

– Так можно?

– Черт возьми, да, ты можешь его потрогать, Хал. Трогай, где хочется.

Опустив взгляд, я запускаю руку за пояс его боксеров, и первое, что я ощущаю – это мягкий покров волос, а затем касаюсь бархатной кожи его твердого … члена.

Когда мои пальцы скользят по его длине, Лэйн издает шипящий звук… Он кладет руки мне на спину и крепко прижимает к себе. От этого я слегка перемещаюсь в бок и касаюсь клитором его ноги, отчего у меня перехватывает дыхание.

– Ой, – выдыхаю я, закрывая глаза и двигаю бедрами, пытаясь воспроизвести то самое движение. – О-оой.

Вот черт.

– Хал, я хочу кое-что попробовать, – шепчет Лейн, и я резко открываю глаза, чтобы выдержать его пристальный взгляд. Я киваю, все еще слегка дезориентированная ощущением того, как мой клитор пульсирует в такт с моим неровным сердцебиением.

Его руки медленно скользят вниз по моей спине, оставляя за собой огненный след. Он обхватывают мою попку, сжимает ее и разжимает. Его руки такие большие, что почти полностью покрывают ее. Я снова закрываю глаза, и он прижимает меня к своей ноге.

– Ты раньше достигала оргазма? – он склоняет голову набок. – Ну, сама.

Я смущаюсь, но качаю головой.

– Ну… наверное? Хм… Я пробовала, но не поняла. На видео, которые я смотрела, это похоже не было. Я просто слишком сосредотачиваюсь на процессе и… не могу кончить. Мне так стыдно. Боже, почему кто-то на самом деле хочет заняться со мной сексом, когда я такая неуклюжая и неопытная? В общем, пожалуйста, ничего не говори.

Он поднимает мой подбородок к себе:

– Поверь мне, когда я говорю, что в этом мире нет ничего сексуальнее тебя, Халли Эдвардс. И прямо сейчас я ничего так сильно не хочу, как смотреть, как ты кончаешь. Можно я доведу

тебя до оргазма?

У меня на лбу должна загореться яркая неоновая лампочка с сообщением: «Делай со мной все, что пожелаешь, прошу». Если бы он попросил раздеться догола и начать заниматься йогой, я бы, наверное, согласилась.

– Да. Пожалуйста, – шепчу я низким и хриплым голосом, совсем не похожим на мой. Я так сильно хочу, чтобы он прикоснулся ко мне, что это перевешивает смущение от моей неопытности. Все, чего я хочу – избавиться от этой версии себя и стать кем-то другим. Кем-то смелым и дерзким, кто беззастенчиво берет то, что хочет.

Мы поменялись ролями, и теперь на мне его руки. Начав с подбородка, он обхватывает мое лицо и наклоняется, притягивая к себе, затем настойчиво, жадно прижимается своими губами к моим. Его губы требовательные и твердые, но в то же время нежные, отчего мой клитор пульсирует.

Я никогда раньше не чувствовала ничего похожего. Как будто я горю изнутри, и единственный, кто может потушить этот огонь – Лейн.

Он наклоняет мою голову набок, его губы скользят по моим. Его язык скользит по краешку моих губ, желая продвинуться дальше. Я вздыхаю, и он скользит своим языком по моему, проглатывая стон, когда я двигаю бедрами.

Его руки скользят вниз по моей груди, задев затвердевшие соски, отчего у меня по спине пробегает настоящая дрожь.

Боже, я чувствую, что трещу по швам, когда его рука опускается на мое бедро, а пальцы восхитительно впиваются в мою кожу.

– Чего ты хочешь, детка? – шепчет он, прижимаясь губами к коже моей шеи. Я покачиваю бедрами. – Скажи мне, чего ты хочешь?

– Я… я не знаю.

Я тяжело дышу. Он не останавливается.

– Я там… что-то чувствую.

У меня даже нет времени, чтобы умереть от стыда за то, что я говорю это вслух, потому что Лейн облизывает губы и издает стон, от которого нас обоих бросает в дрожь, и снова целует меня. Застенчивость как рукой сняло.

Очевидно, что он возбужден, что он хочет этого так же сильно, как и я, и стеснение уходит.

В этот момент я настолько мокрая, что на его шортах останется влажное пятно, и мне даже все равно.

Он покрывает поцелуями мою шею, смакуя и покусывая кожу, пока я окончательно не теряю голову. Пока я не становлюсь такой

возбужденной, такой влажной, что мой живот трепещет от потребности в нем. Я прижимаюсь бедрами к его ноге, постанывая каждый раз, когда мой клитор соприкасается с ним. Каждое движение приближает меня все ближе и ближе к… чему-то.

– О боже! – выдыхаю я, запрокидывая голову и крепче сжимая руками плечи Лейна, запуская руки в волосы у него на затылке, пока следую за этим ощущением.

И этим ощущением меня может наградить только он. Никогда в жизни я не чувствовала себя так, словно парю на облаке посреди самой яркой галактики.

Это действительно неописуемо.

– Боже, ты идеальна, Халли. Ты безумно красивая, – хрипит он, его пальцы сжимают мои бедра и помогают их движению.

Я трусь клитором о ногу Лейна Коллинза прямо на нашем диване, и мне ни капельки не стыдно.

Это новая Халли. Лучшая версия меня, которая не собирается извиняться за то, что добивается того, чего хочет, даже если для этого приходится заниматься петтингом, как какие-то подростки.

У меня кружится голова, когда я двигаюсь сильнее, беспорядочно покачивая бедрами, совершенно не изящно, и когда Лейн подносит свой рот к моему соску, захватывая его зубами через ткань, ощущения внутри меня усиливаются настолько, что мои ноги начинают дрожать, живот напрягается, а мое тело сжимается, спина выгибается дугой, я еще сильнее прижимаюсь к нему грудью.

– Да, детка, продолжай. Кончи на мою ногу. Кончи для меня, крошка Халли.

Из-за его *«крошки Халли»* я окончательно слетаю с катушек. Я задыхаюсь, когда внутри меня взрывается самое сильное чувство в моей жизни, все мое тело напрягается, когда меня настигает оргазм, и я вся дрожу от того, какой он интенсивный. Я опускаю голову к нему на плечо, продолжая двигаться, содрогаясь при каждом движении бедер. Мой пульс учащается, когда он успокаивающе гладит меня по спине.

Когда мое сердцебиение приходит в норму, и я могу дышать, не задыхаясь, я отстраняюсь, чтобы посмотреть на него, и застенчивость, которой я не позволяла испортить этот момент, возвращается с новой силой.

– Черт, это было самое сексуальное, что я когда-либо видел, Хал, – произносит он, притягивая мои губы к своим для быстрого, обжигающего поцелуя.

Это был, безусловно, один из лучших моментов в моей жизни. Но…

– А как же ты? – спрашиваю я, опуская взгляд на его стояк. –

Ты же не…

– За меня не переживай. Это было для тебя. Я приму душ и это пройдет. Как себя чувствуешь?

В его зеленых глазах светится затаенный голод, и это придает мне смелости быть до конца честной.

– Невероятно, – я издаю смешок. – Настолько невероятно, что я хочу повторить. Может, прямо сейчас?

Он смеется, обхватывая мое лицо и проводит большим пальцем по моей раскрасневшейся щеке.

– Неплохое начало уроков. Такими темпами, я думаю, ты очень скоро станешь экспертом.

– В этом и задумка, – я улыбаюсь.

Глава 12
Лейн

Я удивлен, что родители не приехали к нам раньше. Особенно учитывая, как долго я сбрасывал звонки отца и почти не отвечал на его сообщения.

Следовало подготовиться к их приезду, но теперь неизбежный разговор, который я откладывал неделями, а может, и месяцами, стучится в мою дверь, готов я к нему или нет.

Ужасно не хочется сидеть напротив родителей, которые понятия не имеют о характере разговора, который нам предстоит.

Последние пару дней я провел с Халли, и бейсбол был последним, о чем я думал.

– Просто поговори с ним, – предлагает Риз, швыряет мяч на землю и смахивает пот со лба. Мои друзья тоже не знают о том, что я чувствую по поводу… будущего, бейсбола. Всего.

Но они подошли максимально близко. Я об этом не говорил даже с Илаем. В основном потому, что я не хочу ставить его в положение, когда надо что-то скрывать или оказаться между молотом и наковальней – мной и отцом.

– Да, так ему и скажу: ты потратил тысячи долларов на тренировки, экипировку и лагеря всю мою жизнь, и я вот думаю… может, я все-таки не хочу играть в бейсбол.

Я качаю головой и приседаю в выпаде, напрягая мышцы. Отец с детства научил меня, что во время подачи нижняя часть тела должна работать так же хорошо, как и верхняя. Научил передавать энергию от нижней части тела к верхней, чтобы эффективно бросать мяч.

Черт. Я боюсь этого разговора, но чем дольше я держу это в себе и делаю вид, что все в порядке, тем хуже я себя чувствую.

– Может, все не так плохо, – добавляет Грант, набрав в рот воды. – Твой отец поймет, Лейн. Он хочет для тебя лучшего.

– Я знаю, но он мечтает об этом больше, чем я сам. Я просто… Я не хочу его подвести. Я уже чувствую, что подвожу его.

Риз кивает:

– Понимаю тебя, брат. Но ты не можешь и дальше притворяться, что все в порядке. Не хочешь играть в профессиональный бейсбол? Это не конец света. Есть куча причин играть в бейсбол в колледже. Ты же учишься бесплатно! Уже это достаточная причина. Очень мало у кого есть полная спортивная стипендия. Да, просто поговори с ним.

– Да, мы сегодня вместе ужинаем, так что это будет блюдом

от шефа… Посмотрим на его реакцию. Я хочу закончить этот сезон с гордостью за то, чего я достиг, а не с чувством вины за то, что отказался от драфта, – говорю я, заканчивая серию выпадов, над которыми работаю, стараясь думать о том, что скоро скину с души этот груз.

Я устал, но тренировку закончу только когда буду с ног валиться от усталости.

– Итак… может, поговорим о том, что висит в воздухе? – Грант дерзко ухмыляется.

– А может не будем? – отвечаю я.

Риз фыркает:

– А может все-таки будем? Она знает, что ты всегда к ней неровно дышал?

Нет, она нихрена не знает.

Я приподнимаю бровь:

– Мы же говорили об этом. У нас все без обязательств. Ей еще три года здесь учиться, а я выпускаюсь. Мы ограничены во времени, и оба это понимаем.

Даже если от мысли о том, чтобы расстаться с Халли, у меня внутри все скручивается в узел. Это чертовски эгоистично, но я ничего не могу с собой поделать. С самого начала речь шла о том, чтобы я ее обучил, чтобы мы выполнили пункты ее контракта, и не более того. Я просто… черт возьми, я не готов ее оставить.

– Да ты просто король отрицания.

К сожалению, друг прав, но я не собираюсь ему в этом признаваться.

После тренировки я принимаю душ и выбираю рубашку на пуговицах и слаксы, которые точно одобрит мама, но даже не утруждаю себя укладкой волос. Мои волосы бывают неуправляемы, и она уже к этому почти привыкла. Пока я одеваюсь, я прокручиваю в голове разговор с Ризом и Грантом.

По их словам, все так просто, но на самом деле это не так.

Конечно, у нас с отцом всегда были прекрасные отношения, и я всегда чувствовал, что могу обратиться к нему по любому поводу. Ну, по любому, кроме этого. Я знаю, что разочарую его и разрушу мечту, которую *он* так долго лелеял. Он будет разочарован тем, что наши мечты не совпадают, а нет ничего хуже, чем подвести своих родителей.

Чем бы ты в жизни не занимался, и неважно, движешься ли ты к своей мечте или нет, в конце концов кто-то обязательно будет разочарован, если все пойдет не по плану.

Мое такси подъезжает ко входу в ресторан, я благодарю водителя и выскальзываю из черного седана. Вздохнув, я поднимаю взгляд на вывеску «Фрателли», того самого ресторана,

в который моя семья ходит с тех пор, как я поступил в университет. Я был неоперившимся первокурсником, когда впервые вошел сюда, и теперь, когда я распахиваю дверь и вхожу внутрь, лицо хозяйки сияет.

– Здравствуй, Лейн! Твои родители, как обычно, сидят за столиком в конце зала.

Я киваю и благодарю ее.

Поправляя галстук, я иду по ресторану, кивая разным людям, которые меня приветствуют. Такое бывает редко, чтобы поблизости от кампуса никто не остановился со мной поболтать. Наверное, это из-за того, что я лучший питчер в штате.

Пожав несколько рук, я наконец замечаю родителей и Илая в глубине ресторана. Когда мама замечает меня, она машет, поднимаясь со стула. От звука дерева, скребущего по полу, у меня скручивается желудок.

– Лейн Коллинз, ты что, подрос? Привет, малыш, – шепчет она. Она поправляет длинные светлые волосы, прижимает меня к себе и крепко обнимает. – Выглядишь здорово. Крепким. Сильным.

– Ма, я же учусь в универе, а не в голодающей стране третьего мира, – смеюсь я, обнимая ее в ответ. – Что со мной будет?

Она с досадой закатывает глаза:

– Вы с Илаем мои дети. Это же моя работа – беспокоиться о тебе, даже если ты *всего лишь* в универе.

Папа встает со стула, бросает льняную салфетку с колен на стол и обращается ко мне.

– Привет, сынок.

Улыбка на его губах – зеркальное отражение моей собственной, и на секунду я забываю, что сегодня вечером мне предстоит тяжелый разговор, который, несомненно, все изменит. Я знаю, что это нужно сделать. Нужно быть честным, независимо от результата. Объяснить родителям свои чувства.

– Привет, пап.

Он обнимает меня, его большие ладони хлопают меня по спине.

– Я скучал по тебе.

– Я по тебе тоже.

Он отстраняется и садится рядом с мамой, я выдвигаю стул рядом с Илаем и тоже сажусь.

Я обвожу взглядом ресторан, знакомые фотографии, висящие на стенах, домашнюю атмосферу этого места, и натягиваю улыбку.

– Кто-нибудь уже заказал буден-боллы[33]?

Илай усмехается:

– А ты как думаешь, братишка?

Мама расспрашивает нас с Илаем о школе, наших оценках, жизни в кампусе, и вот так запросто мы начинаем непринужденную беседу, продолжая с того места, на котором остановились в прошлый раз.

Нам подали закуски, мы заказали первые блюда, и в кои-то веки мой отец не заговаривает о бейсболе, что меня шокирует.

– А как у вас живется Халли Джо? Илай, ты заботишься о ней?

Я чуть не выплюнул фонтанчик воды, но она попала не в то горло, и я поперхнулся.

Черт. Я не ожидал такого выбора слов.

Наклонившись, Илай несколько раз хлопает меня по спине, как будто это может помочь:

– Мать твою, ты в порядке?

– Илай, следи за языком, – одергивает его мама.

Я кашляю.

– Да-да, все хорошо. Простите, просто… не в то горло попало.

Я ставлю стакан на место, умудрившись не расплескать воду. Илай бросает на меня понимающий взгляд и снова переводит его на маму.

– Хал в порядке, ма. Проводит много времени с Вивьен. Они записывают подкаст и пытаются хорошо учиться. Вы знали, что она готовится к поступлению в киношколу Нью-Йоркского университета?

Что?

И какого хрена об этом не знаю я?

Судя по выражению их лиц, это новость не только для меня, но и для родителей. Я понятия не имел, что Халли нацелилась на эту программу. Я знаю, что она учится на… кого-то, связанного с кино, но я не знал, что она хочет поступать в Нью-Йорк.

– Лейн?

Я так погрузился в свои мысли после этого откровения, что не услышал, что спросил отец. Когда я поднимаю взгляд, отец хмурится, на его лице написано раздражение.

– Ты вообще слышал, что я сказал?

Я качаю головой, проводя рукой по волосам:

– Нет, извини. Повтори, пожалуйста.

Папа прищуривается и повторяет:

– Я спросил, как твоя рука. Лед прикладываешь?

Ну, поехали.

Догадываюсь, как невыносимо ему было так долго ждать, прежде, чем заговорить об этом только после первых блюд и дождавшись окончания светской беседы.

– В порядке.

Его брови приподнимаются, и я чувствую, как между нами нарастает напряжение.

– Просто в порядке? Лейн… Ты хоть понимаешь, что поставлено на карту? Ты хоть понимаешь, что большинство ребят твоего возраста отдали бы все, чтобы стать главным претендентом в высшую лигу?

Мы только начали, а я уже на взводе. Я уже вижу, что конец этого разговора близок, и мои кулаки сжимаются под столом так, что хрустят костяшки пальцев.

– Гаррет, сейчас не время, – протестует мама, кладя ладонь ему на плечо, но папа быстро сбрасывает ее.

– Нет, сейчас самое время, Грейс, – грубо возражает отец, снова переключив внимание на меня. – Лейн, сейчас не время расслабляться. Все, над чем мы работали, вот-вот будет у тебя в руках. На игры приезжают скауты, у нас есть крупные спонсоры, сделки уже готовятся. Сынок, это твое будущее.

На секунду мои легкие, кажется, забывают, как работать. Монотонные движения, которые они совершали всю мою жизнь, в миг забылись. У меня сжимается грудь, а челюсть, кажется, вот-вот лопнет от того, как сильно я стискиваю зубы.

– Ты хочешь сказать, как усердно *я* работал.

Илай застывает рядом со мной, и мама резко втягивает воздух.

– Как *я* трудился, пап. Ты ведь это хотел сказать, верно?

Папино лицо багровеет, на нем появляется выражение гнева и разочарования.

– Да что с тобой такое?

Я смеюсь, но в моем смехе нет ни капли юмора, и я вздыхаю. Как же я устал. От всего. И притворяться тоже устал.

– А что, если меня не выберут? Ты когда-нибудь думал об этом?

Он качает головой, проводя рукой по лицу:

– Это невозможно. Твоя статистика, твои победы… такое просто невозможно!

Я пожимаю плечами:

– Пап, ты когда-нибудь представлял себе жизнь, в которой я не играю в бейсбол?

– Это же твоя мечта. Конечно, не представлял. Что на тебя нашло, Лейн? У тебя случилось что-то, о чем ты хочешь поговорить? – он бросает взгляд на Илая, затем опять на меня. Илай молчит, водя вилкой по тарелке с едой.

Мой брат, может, и не знает, что на самом деле творится у меня в голове, но он не дурак. Он самый умный человек из всех,

кого я знаю.

– Пап, а что, если это твоя мечта, а не моя? Что, если я мечтаю стать спортивным комментатором или работать в сфере маркетинга? Может, я хочу стать врачом.

Он замирает, широко распахнув глаза. Прежде чем он успевает ответить, я встаю, громко скрипнув по полу ножками деревянного стула.

– Я больше не могу.

Я бросаю салфетку на тарелку с недоеденной едой и ухожу, оставляя семью за столом.

Мне кажется, что стены вокруг меня смыкаются, как будто с каждым моим вздохом воздух все плотнее. Я достаю из кармана телефон и пишу Халли.

Я: Где ты?

Закусив губу, я отправляюсь обратно в кампус, решив не брать такси. Мне нужен свежий воздух. Мне нужно проветрить голову. Мне нужно подышать без ощущения, что весь мир давит мне на грудь.

Халли: Прямо сейчас? В киностудии в кампусе… а что такое?

А то, черт возьми, что я не могу дышать, и единственное спасение – это оказаться рядом с тобой.

Мои пальцы зависают над экраном, и я набираю:

Я: Ты мне нужна.

Она тут же отвечает:

Халли: Иди сюда. Напиши мне, когда подойдешь, и я спущусь за тобой.

Я: Иду.

Халли: До связи! (смайлик)

Боже, что за девушка. Я смеюсь, засунув телефон в карман, и иду по тротуару. За двадцать минут я добираюсь от ресторана до здания киностудии на территории кампуса. Она стоит, прислонившись к кирпичной стене рядом с дверью, с застенчивой улыбкой на губах. На ней толстовка с капюшоном, которая велика ей на три размера. Наискось поперек груди выцветшие слова «Отряд по поиску йети». Толстовка длиной до середины бедра, а под ней – шорты. Кажется, черные.

– Привет, – Халли заправляет прядь волос за ухо и шаркает по бетону своими потертыми розово-красными кроссовками.

– Привет.

Мы встречаемся взглядами.

– Все хорошо? По твоему сообщению мне показалось, что что-то случилось.

Я делаю шаг вперед, беру ее лицо в ладони и крепко

прижимаюсь к ней. Мне так это было нужно. Просто… *прикоснуться* к ней. Быть рядом с ней. Дышать ей.

Когда она рядом, давление у меня в груди ослабевает.

– Мне просто нужно было тебя увидеть, – объясняю я, поглаживая большим пальцем ее подбородок. Самое маленькое, невинное прикосновение… и это кажется чем-то большим.

Она кивает:

– Поднимемся? Так мы сможем поговорить наедине.

– Да, конечно.

Мы подходим к двери, ее косички покачиваются, когда Халли достает из кармана белую карточку и проводит ей по панели у двери. Они открывает дверь. Прежде чем войти, она оглядывается и берет меня за руку.

Я иду за ней по темному коридору и поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Она подводит меня к самой дальней двери по коридору с мерцающим тусклым светом и еще раз прикладывает карточку.

– Это наша студия, – объявляет она. Мы переступаем порог медиа-зала, в котором повсюду всякие кнопки, ручки и экраны.

– Здорово.

Я оглядываю комнату, мой взгляд падает на экран компьютера, где она что-то редактирует.

– Что это?

Пугающе быстро она подходит и захлопывает ноутбук и нервно бормочет:

– Э-ээ… ничего. Просто… проект, над которым я сейчас работаю. Для пар. Ничего важного. Проверь мне. Ну так…

Улыбка появляется на моих губах, пока она подбирает слова, и я сокращаю расстояние между нами. Она прислоняется попой к панели управления позади нее.

– Как всегда нервничаешь, крошка Халли, – шепчу я, вдыхая ее сладкий аромат.

– Расскажи мне, что случилось, – просит она, протягивая руку и кладя ее мне на грудь.

Я выдыхаю, прокручивая в голове события сегодняшнего вечера. Катастрофа, в которую перетек ужин. Разговор с семьей, который закончился, так толком и не состоявшись.

– Мои родители приехали в город на ужин. Это был сюрприз.

– Лейн, так это же прекрасно. Я знаю, что они скучают по тебе.

Я киваю:

– Да… Я тоже по ним скучаю. Я просто… я чувствую, что на меня стены давят, Хал. Меня так сильно гнетет необходимость быть… собой. Выступать на публике, быть лучшим. Это

непосильная ноша.

Халли кивает, и выражение ее лица постепенно смягчается. Ее руки скользят вверх по моей груди, она кладет их на мой затылок и запускает пальцы в мои волосы. Ее прикосновение успокаивает меня, и я закрываю глаза, а по спине пробегают мурашки.

– В последнее время я просто больше уже не знаю, кто я такой, – мой голос груб и полон сдерживаемых эмоций. – Я знаю, кем я должен быть. Я знаю, кем меня все ожидают увидеть, но мне кажется, что это больше не я. Такое чувство, что я играю свою роль, чтобы осчастливить отца, тренеров, болельщиков.

– Лейн… – беспокойно шепчет Хэлли. – Как давно ты такое чувствуешь?

Я пожимаю плечами, пока не готовый признать, насколько в моей голове все кажется ужасным. Не готовый к тому, что она увидит меня таким.

– Даже не знаю… уже какое-то время. Я просто чувствую, что иногда не могу быть честным ни с кем, в том числе и с самим собой. Как будто я не могу быть собой настоящим, а не тем, за кого все меня принимают.

– Ты всегда можешь быть честен со мной, Лейн. Я хочу видеть настоящую версию тебя. Я знаю. Что настоящий ты состоишь не только из бейсбола, – ее руки скользят вверх по моей груди, играя с воротником моей рубашки, застегнутой на все пуговицы. – Договорились?

Я ловлю себя на том, что киваю. Сейчас я бы согласился на все, что она попросит.

– Я не уверен, что хочу играть в высшей лиге. И… я уже давно об этом думаю. Но я не знаю, чего хочу, в этом-то и проблема. Я люблю этот спорт, и мне нравится быть на поле. Я просто… иногда мне хочется быть кем-то большим, чем просто номером 22. Я даже не уверен, действительно ли я не хочу играть… Я просто не знаю. В этом все и дело.

Это первый раз, когда я кому-либо признаюсь в этом вслух. Это крутилось у меня в голове уже несколько месяцев, и мне странно слышать эти слова.

– И это нормально, – тихо произносит Халли. – Это нормально – не вписываться в рамки, в которые тебя поставили другие люди. Но зачем… Зачем тебе нужна *я*?

Какая-то часть меня еще больше боится признаться вслух, что единственное место, куда я хотела сбежать… единственный человек, к которому я хотел бы сбежать…

Это она.

– Потому что, Халли… ты единственный человек, рядом с

которым я чувствую себя *собой*.

Глава 13
Халли

Я так потрясена словами, слетающими с его губ, что забываю дышать, и на секунду у меня закружилась голова.

– П-правда?

Он кивает, и его светлые непослушные волосы падают ему на лицо. Так он еще красивее. Кажется, что его пронзительно-зеленые глаза впиваются в меня, видя то, что предназначено только для него.

– Когда я сидел в ресторане с семьей, мне казалось, что на меня давят стены. Буквально. Как будто с каждой секундой комната все быстрее сжималась, и дышать становилось все труднее и труднее. У меня сдавило грудь. Я просто… не мог там больше находиться, и единственное чего я хотел – оказаться рядом с тобой.

Я сглатываю, пытаясь успокоить дыхание и унять мысли, проносящиеся в моей голове с головокружительной скоростью.

Быть с Лейном кажется совершенно правильным, особенно когда он говорит такие вещи. Я снова чувствую, что контракт – лишь начало.

Его руки скользят по моей талии, а пальцы впиваются в спину, когда он крепко прижимает меня к себе. Мы обнимаемся так крепко, что мое дыхание сливается с его дыханием, и я теряюсь в его взгляде.

– Халли?

– Д-да?

Его губы растягиваются в игривой ухмылке.

– Я *очень* хочу поцеловать тебя прямо сейчас.

Я киваю, совсем как в тот раз, когда он поцеловал меня впервые. Я часами лежала в постели без сна, прокручивая в голове эти самые слова, повторяя их снова и снова, пока они не стали казаться мне более реальными.

– Правда?

– Ну да.

А потом он наклоняет голову, и его руки поднимаются по моей спине к шее, крепко сжимая ее. Не настолько, чтобы причинить боль, но достаточно, чтобы крепко удержать меня на месте, когда его губы находят мои.

В тусклом свете студии Лейн Коллинз лишает меня способности дышать. Он жадно целует меня, просовывая язык мне в рот, а я прижимаюсь к нему, издавая неразборчивые звуки,

которые в любом другом случае смутили бы меня.

Но не здесь и не с ним.

Мы ускоряемся. Все мое тело горит от потребности в нем. Я хочу, чтобы он прикоснулся ко мне и доказал свои слова о том, что я ему нужна.

Я хочу, чтобы он нуждался во мне так же сильно, как я нуждаюсь в нем.

– Халли, – задумчиво произносит он, отрываясь от моих губ. – Ты доверяешь мне?

Я тут же киваю и с недоумением наблюдаю, как он отпускает меня и опускается передо мной на колени. Он осторожно запускает руки под мешковатую толстовку. Они скользят по обнаженной коже моего живота, и все мое тело дрожит.

– Доверься мне, детка, – шепчет он, его пальцы скользят по поясу моих джинсовых шорт. Он расстегивает пуговицу. Его пристальный взгляд не отрывается от моего, пока его пальцы творят волшебство, расстегивая молнию на моих шортах. Просунув пальцы по бокам, он медленно стягивает шорты, пока они не падают к моим ногам.

Лейн Коллинз стоит на коленях… передо *мной*.

Часть меня нервничает и задается вопросами: понравится ли ему? Как я там выгляжу?

Ничья голова еще не была так близко к моей…

– Не думай, крошка Халли. Сосредоточься на мне.

Трудно сосредоточиться на чем-то другом, когда он стоит передо мной на коленях, а на мне нет ничего, кроме мешковатой толстовки и пары лимонно-зеленых трусиков, на которых спереди написано «Не от мира сего».

Боже, нужно было надеть что-нибудь более сексуальное. Ну а если… что, если кто-нибудь войдет?

Я бросаю взгляд на дверь и снова на Лейна. Он ухмыляется, выгибая бровь, словно читая мои мысли.

– Беспокоишься, что кто-нибудь увидит, как я лижу твою прелестную киску, Хал?

Боже мой.

Боже мой.

БОЖЕ МОЙ.

Сглотнув, я киваю, морща нос:

– Ну… самую малость?

– Не волнуйся. Я бы никогда никому не позволил увидеть то, что принадлежит мне.

Принадлежит ему?

То, как он это говорит, и то, как он смотрит на меня своими вожделеющими голодными изумрудными глазами, почти

заставляет меня поверить, что я и правда принадлежу ему.

Что это не просто контракт, а я правда могла бы быть девушкой Лейна Коллинза. В другом мире, может быть, и так, но в этом мире мне достаточно того, что мы делаем.

Если я еще недостаточно промокла до этого момента, то теперь-то уж точно. Я практически ощущаю, как от одного его взгляда у меня в трусиках становится влажно.

Я прочитала достаточно эротических романов, чтобы знать, что произойдет дальше, но ничто не подготавливает меня к тому, каково это будет на *самом* деле.

– Я знаю, детка… знаю. Чувствуешь, да? Вот здесь… – он наклоняется вперед, проводя языком по моему пульсирующему клитору через тонкую ткань трусиков. – Не волнуйся. От моего языка тебе станет еще лучше.

У меня перехватывает дыхание, руки крепче сжимают стол позади меня, когда он проводит носом по моей киске, глубоко вдыхая.

– Я не могу дождаться, когда ты кончишь мне на лицо, – хрипит он, облизывая губы и снова наклоняясь. На этот раз он посасывает мой клитор, и только тонкая полоска хлопка отделяет его от моей мокрой киски.

Я напрягаюсь, когда низ живота пульсирует, и все мое тело дрожит.

– О боже, – выдыхаю я.

Он ласкает меня через нижнее белье, затем его пальцы зацепляются за резинку моих трусиков и медленно стягивают их вниз по бедрам, при этом он смотрит мне в глаза.

Одно дело, когда тебя медленно раздевает такой мужчина, как он, но совсем другое – поддерживать зрительный контакт, пока он стоит перед тобой на коленях.

– Мне нужно, чтобы ты вела себя тихо, детка. Как думаешь, справишься?

Справлюсь ли я? Конечно, нет. Стоит сказать ему об этом? Ни в коем случае, а то он прекратит

Я киваю:

– Д-да.

Мой голос хриплый и мягкий, и голодный взгляд вспыхивает в его глазах и опускается ниже, туда, где я теперь полностью обнажена.

– Господи, Халли, – стонет он, прижимаясь лбом к моему животу, а руками обхватывая меня за талию. – Ты сведешь меня с ума. Ты самая красивая из всех, кого я когда-либо видел.

Издав смешок, я запускаю руки в его волосы, пропуская длинные спутанные пряди между пальцами. Дерзкое движение,

которого я бы никогда не сделала до той ночи на диване, которая все изменила.

– Посмотри на себя, детка, – бормочет он, раздвигая половые губы пальцами. Мое сердце бешено колотится в груди, когда его пальцы касаются моей влажной кожи. Впервые в жизни кто-то прикоснулся ко мне там. – Такая розовая и нежная. Черт, ты такая мокрая, Хал.

Вместо смущения я лишь возбуждаюсь из-за того, что он так сильно меня хочет. В подтверждение своих слов он поправляет эрегированный член в брюках.

Я стараюсь не обращать внимания на то, что я почти полностью обнажена, а он полностью одет, или на то, что его глаза находятся на уровне моей вагины. Хорошо, что я последовала совету Вив и побрила все, включая задницу, что, честно говоря, было уморительно, потому что для ориентира я пользовалась фронталкой.

Мое внимание возвращается к Лейну. Он расслабляет язык и томно и долго проводит им по мне. Мои бедра подаются навстречу его рту, а ноги почти подгибаются от этого ощущения.

Чего я ожидала? Как бы я себе ни представляла этот момент, это совсем не похоже на то, что я испытываю, потому что сейчас я на какой-то другой планете.

И вообще в другой галактике.

– О, боже мой, – выдыхаю я, когда его язык обводит мой клитор и ласкает его. От каждого движения его языка мои ноги дрожат, руки крепче сжимают его волосы, и все у меня внутри напряжено до предела.

– В мире нет ничего слаще тебя, Халли. Я мог бы провести остаток своей жизни между твоих бедер.

Он продолжает мучительно медленно водить языком, а затем его губы смыкаются вокруг моего клитора, и он посасывает его так усердно, что у меня перед глазами все расплывается, удовольствие разливается внутри меня до самых кончиков пальцев.

– Лейн! – выкрикиваю я. Мои бедра двигаются, отчаянно желая большего. Даже когда его язык ласкает мой клитор, его пальцы впиваются в мои бедра, когда он ласкает меня… этого недостаточно. Мне… мне нужно больше.

– Скажи мне, чего ты хочешь?

– Еще! – мой голос охрип от желания. Я умоляю его сделать что-то, чего я сама не могу определить. Я просто знаю, что прямо сейчас мне нужно нечто большее.

– Как насчет пальцев? – он смотрит на меня полным вожделения взглядом. – Хочешь, я трахну тебя пальцами, детка?

Я воодушевленно киваю.

– Скажи это!

Мой взгляд прикован к нему:

– Что?

Уголки его губ приподнимаются в дерзкой усмешке.

– Я хочу услышать, как ты просишь о том, что тебе нужно, Халли. Мы вычеркиваем пункты из твоего контракта, а один из них – научиться говорить о своих желаниях и просить чего хочешь. Твое удовольствие превыше всего.

Получится ли у меня сказать это вслух, не провалившись сквозь землю от унижения?

Он пытается подняться с колен, но я крепче сжимаю его волосы, и он выгибает бровь, как будто это вызов.

Один этот взгляд, и я успокаиваю свои нервы и расправляю плечи.

– Я хочу… чтобы ты трахнул меня пальцами.

– И все? Только трахнул пальцами?

Я качаю головой:

– Нет, я хочу, чтобы ты… продолжил лизать, – тихо шепча, я добавляю: – мой… клитор, как ты это делал до этого.

Было ли мне физически больно произносить эти слова вслух? Да. Готова ли я была сделать что угодно, чтобы он продолжил? Тоже да.

– Хорошая девочка, – говорит он с той же дерзкой ухмылкой на губах. До сих пор я слишком сосредоточилась на ощущении его губ, чтобы заметить влагу, покрывающую его рот и подбородок, и это так… грязно, так эротично, что у меня подкашиваются ноги, когда он снова зарывается лицом мне между ног и с таким голодом поглощает меня.

Если в раю нет Лейна Коллинза, который вас хвалит и называет хорошей девочкой, это никакой не рай, и все тут.

Лейн закидывает мои ноги себе на плечи, принимая на себя основную тяжесть моего веса, и лижет, посасывает, покусывает чувствительную кожу у меня между ног, подводя меня все ближе и ближе к грани того, что, я знаю, станет одним из лучших оргазмов в моей жизни.

Я это чувствую. Пульсация внутри меня усиливается с каждым движением его языка.

Он проводит по клитору пальцем, дразня меня, обводя языком вход во влагалище. Медленно он вводит в меня один палец и дотрагивается до какой-то точки внутри меня, что заставляет меня кричать от удовольствия.

– О боже… Лейн… – я упираюсь ступнями в его плечи, он засовывает пальцы еще глубже, сильнее массируя эту точку,

пальцы моих ног поджимаются, а крики переходят во всхлипы.

В этот момент я не в состоянии даже произнести ничего связного, и вместо того, чтобы пытаться бороться с волной, поднимающейся внутри меня, я плыву на ней, прижимаясь бедрами к его лицу, и он продолжает.

Я выгибаюсь навстречу его рту, мои пальцы теребят длинные пряди его волос, сжимая так сильно, что ему, должно быть, больно, но он не жалуется. Кажется, он продолжает с еще большим вожделением. Я делаю глубокий вдох, закрываю глаза, и оргазм накрывает меня с такой силой, что я откидываюсь на панель управления, даже не вздрагивая, когда кнопки впиваются мне в кожу. Укол боли только усиливает удовольствие, разливающееся внутри меня, полностью завладевая мной и лишая сил.

Моя спина выгибается дугой, и я испытываю эйфорию, волну за волной, сжимаясь вокруг пальца Лейна внутри меня. Я кончаю так интенсивно, что у меня кружится голова, и все мое тело как будто плывет.

– Вот оно, детка, – его горячее дыхание касается моей киски, слова вибрируют на моей и без того чувствительной, набухшей и скользкой коже.

Твою мать, вот это да!

Он с удовольствием пьет каждую каплю моего удовольствия, пока мой клитор не становится слишком чувствительным для его ласк. Мое тело трепещет от блаженства.

Только тогда он осторожно снимает мои ноги со своих плеч, осторожно опуская их на землю.

– Боже, – тихо шепчу я, пытаясь прийти в себя, но все еще витаю на другой, неизвестной планете.

Вот, от чего все так сходят с ума. Это чистый кайф, за которым я хочу гнаться снова и снова.

Еще раз нежно прикоснувшись губами, он оставляет поцелуй на моем чувствительном клиторе и приподнимается, вытирая рот тыльной стороной ладони.

Я почти смущена влагой, покрывшей его рот.

И все это мое… Но голодного взгляда в его глазах достаточно, чтобы прогнать смущение. Хотя бы чуть-чуть.

– Не стесняйся меня сейчас, Халли, – произносит он задумчиво, на его губах появляется улыбка, которую я так люблю. – Ты идеальна, и поверь мне, я не могу дождаться, когда смогу сделать это снова.

На мгновение между нами повисает тишина, пока я не поднимаю на него глаза.

– Может, сейчас?

Глава 14
Халли

Лейн: В эти выходные мы с Грантом и Ризом уезжаем в Джорджию на тренировку. Вернусь в понедельник.

Халли: Мы теперь друг перед другом отчитываемся? Просто хочу уточняю. Хочу убедиться, что мы все понимаем одинаково.

Лейн: Просто хотел тебе сообщить. Сделаешь для меня кое-что?

Халли: Посмотрим…

Лейн: На что?

Халли: На то, сделаешь ли ты кое что в ответ.

Халли: Черт, я ужасно флиртую. Прости, это была неудачная попытка.

Лейн: Не волнуйся, я выполню твое желание, когда вернусь. Я думаю, на данный момент мы оба знаем, как сильно тебе нравятся мои одолжения. Так ты хочешь узнать, чего я хочу?

Халли: Скажи мне.

Лейн: Спи в моей кровати, пока меня не будет.

Халли: Что? Нет, я не могу.

Лейн: Крошка Халли, я прошу тебя это сделать. Я хочу думать, что ты спишь в моей постели, пока меня нет. Чтобы она пахла тобой.

Застонав, я плюхаюсь навзничь на кровать и смотрю на светящиеся в темноте звезды на белом потолке.

Почему он такой… уфф.

Идеальный. Раздражающе обаятельный. С таким талантливым языком.

– В чем дело, Хал? – спрашивает Илай, просунув голову в дверь. – Все хорошо?

– Ага. Все отлично. Все в *полном* порядке. Лучше и не придумаешь, – отвечаю я с напускным энтузиазмом. – А ты как?

Он заходит в комнату и плюхается рядом. На нем темные застиранные джинсы и футболка-поло. Похоже, он куда-то собрался, а не зашел просто так посмотреть Netflix и поговорить о моих чувствах.

– Собираюсь пойти куда-нибудь с парнями. Метать топоры, или что-то такое.

Смех срывается с моих губ.

– Извини, я просто не могу представить, как ты будешь

метать топоры.

– Я *очень* сильный, Халли Джо. Посмотри на эти мускулы.

Он поднимает руку и сгибает ее, и, хотя он действительно подкаченный… Я не могу удержаться и сравниваю его с братом. Особенно с его образом, вонзающим пальцы в мое тело с голодным взглядом в глазах.

Я снова застонала, закрывая лицо руками.

– Хал, что с тобой? – он в замешательстве хмурит лоб.

– Это не будет странно, ну… поговорить о твоем брате?

Илай смеется:

– Не знаю. Может, самую малость? Просто мы и так живем все вместе, так что почти ничего не изменилось, ну а вы… занимайтесь чем хотите, только прошу, без подробностей.

– Ты очень спокойно относишься ко всему этому, понимаешь? Я, конечно, и не думала, что ты разозлишься, просто… даже не знаю.

Нервно прикусив губу, я продолжаю:

– Я просто не ожидала, что тебе будет настолько все равно.

Он приподнимается на локтях и смотрит на меня:

– Он мой брат, Хал. А ты моя лучшая подруга, но вы оба – взрослые люди. Я уже говорил. Я просто хочу, чтобы ты была осторожна, вот и все. Лейн не из тех, кто остепеняется, и я не хочу, чтобы тебе разбили сердце или причинили боль.

– Об этом не беспокойся, – уверяю я, по привычке перебирая браслет на запястье. – В этом плане все в полном порядке.

– Черт, – бормочет он, бросая взгляд на свои Apple Watch. – Мне пора, а то я опоздаю. Потусим завтра?

Я киваю:

– Ага! Развлекайся.

Он быстро целует меня в щеку и встает с кровати, и как только он выходит за дверь, мой телефон звонит с очередным уведомлением.

Еще одно сообщение от Лейна.

Лейн: Не могу перестать думать о том, какая ты сладкая на вкус, крошка Халли…

Боже, у меня в животе снова порхают эти дурацкие бабочки, и опять пульсирует между ног.

Халли: У тебя это слишком хорошо получается. Проведи хорошо время на сборах. Или на тренировке. Что бы ты там не делал с… мячами.

Лейн: Моя кровать, Халли.

* * *

Остаток выходных я провожу за рефератом по английскому и просмотром документалок с Илаем, на этот раз о фотосинтезе… просто класс. В остальное время я лежу в постели Лейна и листаю книжку. Мало того, что его кровать удобнее моей, она еще и пахнет им.

Это не должно доставлять мне такого удовольствия, но нет ничего лучше, чем укутаться в одеяло с книгой в руке на чем-то мягком, как облачко, и вдыхать запах Лейна

Сейчас вечер субботы, я подчеркиваю строчку в книге, и мой телефон вибрирует. Я беру его и провожу пальцем по экрану, случайно отвечая на звонок по FaceTime от Лейна, не успев даже сообразить, что я делаю.

Черт, черт, черт!

На мне же только футболка… *его*.

Стирка – моя самая ненавистная обязанность, и у меня не осталось чистой одежды, та-аак что… я стащила футболку из его ящика. Давайте, осуждайте меня.

Но я никак не ожидала, что он поймает меня с поличным.

– Халли?

Упс…

– Привет, – восклицаю я слишком громко и определенно неловко, успев положить телефон экраном вниз.

Я могла бы снять футболку, но так будет даже хуже, чем если он увидит меня в ней.

– Почему у тебя черный экран? Я ничего не вижу.

Сглотнув, я убираю непослушные локоны с лица:

– Секундочку!

Я паникую.

– Халли, подними телефон, – просит он.

Я неохотно беру смартфон и натягиваю на лицо сияющую улыбку.

– Привет.

Брови Лейна приподняты, волосы мокрые и непослушные, как будто он только что вышел из душа и вытерся полотенцем. Его взгляд темнеет, когда он опускается к моей груди и видит на ней HELLCATS – название их команды.

– В моей рубашке *и* в моей кровати? – облизывая губы, он стонет. – Ты точно хочешь меня убить, Халли.

Мои щеки тут же вспыхивают, и я опускаю взгляд.

– Тебе нравится, что на мне твоя футболка? Я, э-ээ… У меня закончилась чистая одежда, а я не хотела ложиться к тебе в постель в грязном, поэтому я просто взяла ее из твоего ящика и…

– Халли, ты даже не представляешь, что для меня значит

видеть тебя в моей одежде. И знать, что ты спишь в моей постели. Черт, как же я хочу там оказаться.

Я вздрагиваю от голодного взгляда. После того дня в студии я не могла перестать думать об ощущении его губ на мне или о том, что я кончила так интенсивно, что у меня будто душа из тела вышла. Теперь это постоянно крутится у меня в голове, и я это не скоро забуду.

– Мне тоже жаль, что тебя здесь нет.

Уголок его рта приподнимается в улыбке.

– А что бы ты сделала, если бы я здесь *был*, крошка Халли?

Мои глаза расширяются от удивления.

– Эм… боже, ты пытаешься заняться со мной сексом по телефону, Лейн Коллинз? Буду с тобой абсолютно честна – мне кажется, у меня случится инфаркт. У меня плохо получается что-то делать под давлением, ты же знаешь. Напомнить день, когда я тебе чуть яйца бейсбольным мячом не отшибла?

Смех Лейна эхом разносится по его пустой комнате, и я не смогла бы сдержать улыбку на своем лице, даже если бы попыталась.

– Кто здесь учитель, Хал? По-моему, я. И в контракте перечислено все, что ты бы хотела. И моя задача – позаботиться о том, чтобы выполнить все пункты.

Да, но я же не ожидала, что это на самом деле случится, и теперь я даже жалею о том, что я это написала.

Ладно, не то, чтобы жалею, но о чем я только думала? За последние две недели я выходила из зоны комфорта чаще, чем за все восемнадцать лет, проведенных на этой планете, и события развиваются так быстро… Да, это именно то, чего я хочу, но все же.

– Ты прав. Просто… что, если у меня плохо получится?

Он приподнимает брови:

– Что не получится, Халли? Секс по телефону?

Я киваю, нервно перебирая браслеты на своих запястьях:

– Ну да.

– В тебе нет буквально ничего, что меня бы не заводило, Халли. У меня встает от одного твоего существования.

Моя очередь удивляться.

– Докажи.

Он смеется, но пожимает плечами и поворачивает камеру, показывая темно-серые спортивные шорты, под которыми он очень твердый. Его крепкая эрекция видна под тонкой тканью, и у меня слюнки текут от этого зрелища.

Боже, с этим мужчиной я становлюсь сексуальной *маньячкой*. В последнее время я только и делаю, что думаю о сексе. Ну, о

сексе и о необъяснимых тайнах этого мира.

Но в основном о сексе. С Лейном.

И я бы солгала, если бы сказала, что не представляла, как выглядит Лейн, когда доставляет себе удовольствие. До сих пор все наши взаимодействия были полностью сосредоточены на мне, а не на нем, так что я на самом деле не знаю, какое у него лицо во время оргазма.

Но я очень, очень хочу узнать.

– Я почти уверена, что он в меня… ну… не влезет, – бормочу я, сморщив нос.

– О, детка, совершенно точно влезет. Будет узко, но я уверен, что ты мне идеально подходишь, – он снова появляется в поле зрения с лукавой ухмылкой на красивом лице.

Боже, он говорит о том, как в меня входит его член, и при этом каким-то образом умудряется быть таким очаровательным.

– А где Риз и Грант? – спрашиваю я, вспомнив, что он поехал не один.

– Ушли на всю ночь.

Переворачиваясь на живот, я держу телефон перед собой. – А ты чего с ними не пошел? Ты же в новом городе. Это не похоже на то, как ты обычно проводишь время. Не остаешься дома.

Он пожимает плечами:

– Хотел тебе позвонить. Устал на тренировке и не хотелось выходить.

Биение моего сердца ускоряется от его признания. Меня это немного беспокоит, но вместо этого я сосредотачиваюсь на том, как сексуально он выглядит на экране. В белой футболке его глаза кажутся ярче, а знакомая цепочка на шее всегда меня заводит. Не спрашивайте, почему. Я не контролирую свое тело.

Именно поэтому я во все это ввязалась.

– Как так получилось, что ты дважды видел, как я кончаю, но я так и не видела твой *член*? – поддразниваю я. До Лейна этот вопрос я никогда бы не осмелилась задать представителю противоположного пола.

– Я просто хочу уделить все внимание тебе, пока тебе не станет комфортно, Хал, – он замолкает, слегка откидываясь на спинку гостиничной кровати. – Поэтому мы сейчас занимаемся не мной, а тобой и твоим удовольствием. Чтобы тебе было комфортно с мужским телом. Я хочу, чтобы твое удовольствие сейчас было на первом месте.

Какое-то время я молчу, задумчиво прикусив губу.

– Что, если видеть, как ты кончаешь и *есть* то, чего я хочу?

– Ты хочешь увидеть, как я кончаю?

На этот раз я киваю без колебаний. Это именно то, чего я

хочу. Больше всего на свете я хочу увидеть лицо Лейна Коллинза в момент оргазма.

– Да.

Заведя одну руку за голову, он стягивает рубашку на затылке, открывая мне великолепный вид на его пресс. Мой взгляд прослеживает линии его мышц, которые перекатываются, когда он устраивается на кровати, садится и стягивает шорты со своих бедер. У меня буквально слюнки текут, и я сжимаю бедра, чтобы притупить пульсацию между ними.

– А разве в контракте нет ничего про грязные разговоры?

Вообще-то, это чуть ли не самый первый пункт. Это одна из тех вещей, которые мне больше всего хотелось испытать, и, представляя, как Лейн шепчет мне на ухо непристойности, я вздрагиваю.

– Скажи мне, о чем ты подумала, чтобы у тебя появился такой взгляд.

Я нерешительно прикусываю внутреннюю сторону щеки. Хотя я сама этого очень хочу, я все еще… не знаю. Я пока слишком нервничаю, чтобы говорить такие вещи вслух.

– Скажи мне, Хал.

Его глаза прикрыты тяжелыми веками, и мой взгляд опускается вниз, туда, где за кадром дорожка волос на его рельефном животе. Я хочу увидеть его всего, особенно то, что скрыто от глаз.

– Я думала, как сильно хочу услышать, как ты говоришь мне непристойности. Я… я все думаю о том, что бы ты говорил, если бы… – я замолкаю, слишком смущенная, чтобы продолжать. Боже, как же глупо я себя чувствую.

– Если бы что?

Выдохнув, я продолжаю:

– Если бы ты… трахал меня, что бы ты мне говорил? Я представляю твой глубокий голос, и как твои руки ласкают мое тело…

Он зажмуривается, откидывает голову на спинку кровати, выставляя напоказ шею, которая заметно вздрагивает, когда он сглатывает. Он как будто изо всех сил себя контролирует.

– Твою мать. Давай-ка вычеркнем кое-что еще из списка, Халли. Я хочу, чтобы ты помастурбировала.

– Прямо… прямо на камеру?

Мои глаза широко раскрываются от удивления.

– Да, прямо на камеру. Я хочу, чтобы ты кончила так же, как в студии и гостиной, только используй для этого свои пальцы и мой голос.

Сглотнув, я выдыхаю:

– Не знаю, смогу ли это сделать… без тебя.

– Конечно сможешь, детка.

Он встает с кровати и идет через комнату в ванную, смотря в камеру. Затем он ставит телефон на тумбочку и отступает.

У меня отвисает челюсть.

Бог мой.

Он стоит перед камерой, полностью обнаженный, и мой клитор пульсирует в такт биению моего сердца.

Я и раньше считала его сексуальным… но я понятия не имела, во что ввязалась. Его твердый член покачивается перед ним, когда он прислоняется к душевой кабине, в его глазах светится неприкрытый голод.

Я не была готова к этому моменту. Я видела силуэт его члена через шторку, и он показался мне большим. Я трогала его через одежду, но я все равно не была готова к тому, какой он *на самом деле* большой.

– Лейн… – я выдыхаю, слова выходят хриплыми и отрывистыми. Я оцениваю открывшееся передо мной зрелище, которое я даже представить себе не могла, но теперь увидела, и это навсегда останется в моей памяти.

Он совершенен и в том смысле, в каком я никогда не могла себе представить.

– Вот что ты делаешь со мной, Халли, – хрипит он, опуская руку и обхватывая ладонью свой член, медленно двигая ей. – У меня встает так сильно, что это даже больно. Засунь пальцы в трусики. Сделай себе приятно.

Я колеблюсь, но только мгновение, потому что, по правде говоря, несмотря на то, что я нервничаю и чувствую себя совершенно не в своей тарелке, я *хочу* этого. Я хочу *его*. И я готова.

Показывая в камеру только лицо, я делаю, как он говорит, и задираю его рубашку к своим ребрам, затем просовываю руку под резинку трусиков.

Я не отрываю глаз от экрана, где Лейн медленно дрочит, сжимая член в кулаке своей большой рукой. Его бедра подстраиваются под ритм, он уделяет особое внимание головке.

– Она… чувствительная? – спрашиваю я, затаив дыхание.

Он кивает:

– Вот здесь, – он приподнимает свой член и показывает уздечку, прикосновение к которой доставляет ему особое удовольствие. – Не могу дождаться, пока ты проведешь по ней языком.

Боже мой. Мои пальцы движутся ниже, по гладкому участку, который я только что побрила, туда, где я уже взмокла от одного

только вида его удовольствия. Кто бы мог подумать, что это может быть так сексуально? Кто бы мог подумать, что Лейн Коллинз может быть еще более привлекательным с выражением эйфории на лице?

– Обведи пальцами вокруг клитора. Медленно. Представь, что это мои пальцы касаются тебя.

Я послушно продвигаю палец дальше, где уже совсем влажно, и робко обвожу клитор подушечками пальцев. Я делала это сама всего пару раз, и в лучшем случае это было неубедительно. Кажется, у меня никогда не получалось сделать это правильно, и, как бы неловко это ни было признавать, я не могла заставить себя… кончить, но звуков, которые издает Лейн, и вида того, как он неторопливо мастурбирует, почти достаточно, чтобы я почувствовала, что могу… *воспламениться*.

Я чувствую, что горю изнутри. Горю для Лейна.

– Хотел бы я видеть тебя прямо сейчас, с раздвинутыми ногами и влажную, засунуть в тебя пальцы и облизать твой клитор. Я хочу, чтобы ты села мне на лицо.

Я постанываю, когда мои пальцы двигаются быстрее, трогая то, что до него никто не трогал. Я возбуждена до предела.

– Хочешь этого, детка? – спрашивает он низким и проникновенным голосом. – Кончить мне на язык?

Боже мой. Я содрогаюсь от этих слов, слетающих с его уст. Сейчас я больше всего на свете хочу, чтобы он был здесь, ласкал меня ртом так, как он делал это в студии. Я никогда не забуду, каким сексуальным он выглядел, стоя на коленях между моих ног, его губы блестели от моих выделений.

– Д-да, я хочу, – шепчу я.

Он прикусывает губу, подавляя стон.

– Нет ничего слаще, чем ощущать твой вкус. Черт, я хочу утонуть в тебе. Зарыться лицом в твою киску и никуда никогда не уходить.

У меня перехватывает дыхание, и я зажмуриваю глаза, не в силах больше держать их открытыми, когда внутри меня разливается наслаждение. Телефон дрожит в моей руке, пока я все ближе и ближе приближаюсь к своему первому самостоятельному оргазму.

– Введи в себя пальчик, детка. Подумай о том, что ты почувствуешь, когда я войду в тебя членом. Как это будет плотно. Я хочу видеть, как мой член растягивает тебя, как ты раскрываешься и принимаешь его целиком. Как он двигается в тебе.

Постанывая, он дрочит все энергичнее, его бедра двигаются синхронно с рукой. Другой рукой он опирается на стекло

душевой кабины, и он сжимает пальцы в кулак, прежде чем снова разжать ладонь, впиваясь в стекло до тех пор, пока костяшки пальцев не побелеют.

Видеть, как он теряет голову, достаточно, чтобы и я с головой окунулась в самое сильное наслаждение в моей жизни. Моя спина выгибается дугой, и когда я провожу пальцем по входу во влагалище, я чувствую, что мои ноги начинают дрожать.

– Я… я… Лейн, – шепчу я, приоткрыв губы.

– Ты кончаешь, детка?

Я молча киваю, теряя дар речи, потому что меня переполняет чистое блаженство. Мой оргазм нарастает, становясь все сильнее и сильнее.

– Когда я буду дома, я поставлю тебя на колени, высоко приподниму твою идеальную маленькую попку и засуну свой член так глубоко в тебя, Халли, что ты будешь чувствовать меня еще несколько дней. Я кончу в тебя и буду смотреть, как моя сперма вытекает из тебя, и будет вытекать еще долго.

От мысленного образа Лейна, входящего в меня, у меня кружится голова, и оргазм поражает меня так сильно, что перед глазами пляшут черные пятна. Все мое тело дрожит от напряжения, моя спина выгибается дугой, и я взрываюсь. Я стимулирую пальцем точку внутри меня и продлеваю оргазм. Наконец я обмякаю, и у меня кружится голова. Я открываю глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Лейн запрокидывает голову, из его горла вырывается гортанный стон, а белые струйки спермы окрашивают стекло перед ним. Пик его оргазма проходит, и я жалею, что меня нет рядом с ним. Жаль, что меня не было рядом, чтобы увидеть, как он кончает вживую, а не через экран.

– Вот черт! – бранится он, когда к нему возвращается дар речи.

Застенчивый смешок срывается с моих губ, и я выдыхаю.

– А… ага. Ну, думаю рядом с этим пунктом можно поставить галочку.

При этих словах у меня горят щеки, даже после того, что мы только что сделали. Не могу поверить, что выполняю все больше пунктов с Лейном. Я и не знала, что мне понравится секс по видеосвязи. Ну а грязные разговоры – приятный бонус.

Не терпится услышать их вживую.

– Тебе понравилось? – он ухмыляется, снимает с вешалки полотенце и быстро вытирается.

– Мне определенно понравилось, и я уже хочу повторить.

Посмеиваясь, он выключает воду с дразнящей улыбкой на лице.

– Мне нужно несколько минут, Халли. Я заметил, что ты

кончила, когда я сказал, что хочу в тебя кончить. Тебя это заводит?

О боже, как мне признаться, что это меня еще как заводит? Что я представляю, как это происходит безостановочно с тех пор, как он впервые упомянул об этом? Что так я как будто буду еще больше принадлежать ему?

– Не бойся рассказывать мне о том, что тебя заводит, детка. Мне нужно знать, чтобы я мог доставить тебе еще больше удовольствия. Если это поможет… мысль о том, чтобы кончить в тебя, чертовски сильно заводит меня. Мне кажется, это мой фетиш.

– Хм… может, и мой тоже? Я не знаю. Но… но мне понравилось.

– Хорошо. Тогда я думаю, сейчас самое подходящее время спросить: ты принимаешь противозачаточные?

Я киваю.

– Да, у меня болезненные месячные, поэтому я пью их уже несколько лет.

– Я хочу быть уверен, что мы в безопасности. И, конечно, забочусь о тебе во всех отношениях. Я недавно сдавал анализы, и с тех пор ни с кем не спал.

Мой пульс учащается, а сердце набирает скорость.

– И это значит…

– Если ты хочешь, чтобы я трахнул тебя без презерватива, я это сделаю, Халли. Если ты в этом уверена.

Застенчиво кивнув, я поворачиваюсь на бок и кладу телефон на его подушку, натянув одеяло и подложив руки под голову. Мои конечности налились теплом, а веки отяжелели. Нет совершенно никаких сил.

– Я скоро вернусь, – он улыбается. – Не могу дождаться, когда увижу тебя. Спасибо, что я у тебя первый, Халли.

– Угу, – сонно бормочу я. – Можешь быть у меня первым во всем.

Я шепчу эти слова в полусне, и последнее, что я помню перед тем, как закрыть глаза, – это выражение глаз Лейна.

В них как будто… обожание.

Глава 15
Лейн

Я захожу домой со спортивной сумкой на плече. Дверь со скрипом закрывается за мной. Кажется, уже далеко за полночь, но я перестал проверять телефон несколько часов назад и надел наушники, чтобы попытаться заглушить автобусный концерт Бритни Спирс в исполнении Гранта и Риза. У меня чуть кровь из ушей не пошла.

Я чертовски устал, и единственное, чего я хотел с после того звонка Халли по FaceTime, когда я услышал ее тихие сладкие стоны оргазма и увидел, как ее ротик складывается в идеальную букву «О», когда она теряет голову, – это вернуться домой. Коснуться ее, быть с ней в одной комнате. Я бросаю сумку на пол, кладу ключи на кухонный стол и ставлю обувь в маленькую причудливую корзину, которую купила она.

С тех пор как она переехала к нам, она незаметно, но полностью изменила наш дом, приобрела всякие безделушки, расставила рамки с фотографиями и цветы. Сначала мне это не нравилось. Меня бесило, что, в какой бы комнате дома я ни находился, я не мог убежать от нее и от своих чувств. Затем я поймал себя на том, что улыбаюсь, когда вижу, что появилось еще одно украшение или что теперь у нас есть *ароматизированный* кондиционер для белья, а не обычные шарики для стирки, которые мы использовали раньше. Мы с Илаем не совсем никчемные в быту, мама кое-чему нас научила.

Просто мы парни и, как правило, не придаем особого значения украшениям и всяким там ароматам.

Теперь мне нравится, что, куда бы я ни пошел в своем доме, там всегда есть частичка ее. Она вошла в мою жизнь, и я с трудом могу даже вспомнить, как я жил до нее.

Я тихонько открываю дверь в свою комнату, и первое, что вижу – это Халли, свернувшаяся калачиком на моей кровати, обе ее ноги, как всегда, торчат из-под одеяла. За все эти годы я выучил, что она не может заснуть с накрытыми ногами, как будто одеяло нарушает температурный баланс ее тела.

Она спит. Ее растрепанные волосы обрамляют лицо, темные ресницы отбрасывают тень на розовые щеки. Она так чертовски красива, что мне трудно дышать, когда я смотрю на нее. У меня в груди все сжимается.

Черная лампа у кровати мягко светит на ее бледную, кремовую кожу. Должно быть, она читала, когда засыпала, потому

что книга лежит прямо у нее под рукой. Я на цыпочках подхожу к кровати и пробегаю глазами по названию.

«Охота на Перевертыша: Наука против мифов».

Ох, Халли.

Я осторожно беру книгу и кладу ее на прикроватную тумбочку, затем быстро снимаю спортивные шорты и футболку, оставшись в одних боксерах. Я выключаю лампу, откидываю одеяло и ложусь рядом с ней. Я чувствую, что границы размываются, как будто все, что происходит между нами, вышло за пределы контракта.

Она тихонько вздыхает, поворачивается и снова засыпает. Я не стал ее будить из эгоистичных побуждений, потому что хотел задержать ее здесь как можно дольше. Если я разбужу ее, она вернется в свою комнату. Я нежно обнимаю ее за талию и притягиваю к себе, крепко обняв. Идеальное совпадение. Она еще крепче прижимается ко мне, сонно вздыхая.

Моя последняя мысль перед тем, как заснуть, – это то, как легко мне быть с Халли. Как быстро я становлюсь зависимым от ее запаха, ее прикосновений. К ощущению ее в моих объятиях.

И хотя я знаю, что это плохо кончится, я, кажется, не могу остановиться.

* * *

Я приоткрываю глаза, когда чувствую, как прогибается кровать. Солнечный свет пробивается сквозь занавески в моей комнате, и первое, что я вижу, – это Халли, лежащая на боку, подложив руки под голову.

– Доброе утро, – бормочу я все еще сонным голосом.

Она улыбается, и у меня сжимается сердце. Я хочу, чтобы такое утро вошло в привычку: рядом Халли, сонно и мило улыбается.

– Доброе утро, – застенчиво произносит она. – Не ожидала тебя здесь увидеть.

Я хихикаю, протягиваю руку и притягиваю ее к себе. Она вскрикивает, когда я прижимаю ее к груди и закрываю глаза.

– Еще пять минуточек.

Она хихикает в моих объятиях, отстраняясь:

– К сожалению, мне пора на пары. Сегодня понедельник, помнишь?

– Давай прогуляем.

Между ее бровями появляется морщинка:

– Я не могу прогулять пары.

– А почему нет? Вечером у меня тренировка, а вот пары спокойно пропущу. Проведем день вместе?

Это то, чего я никогда раньше не делал с девушкой, но я ловлю себя на том, что с Халли для меня многое в новинку.

Например, прогулять занятия или сбежать из кампуса ради чего-нибудь интересного.

Она обдумывает мой вопрос, в ее глазах ясно читается тревога. Наклонившись, я касаюсь губами нежной кожи под ее подбородком, наслаждаясь тем, как прерывается ее дыхание. Целуя все ниже и ниже, я покусываю ее, пока не добираюсь до выреза своей футболки. Мои руки скользят по плоскому животу девушки, большие пальцы проводят под ее грудью, и она сопит.

– Как я могу тебя убедить, крошка Халли? – я спрашиваю, снова проводя большим пальцем по тому же месту, наслаждаясь тем, что она непроизвольно выгибается навстречу моим прикосновениям. – Готов на что угодно.

– Ну ладно, – вздыхает она. – Но мне нужно принять душ и почистить зубы. А если ты будешь продолжать в том же духе, я не смогу встать с кровати.

Я пожимаю плечами, улыбаюсь и прижимаюсь к ней:

– Может быть, это и было моим планом с самого начала, детка.

Час спустя, после того как Халли выскользнула из моей постели и потратила сорок пять минут на сборы, я быстро принимаю душ и одеваюсь, а затем встречаю ее у входной двери.

На ней короткая черная юбка с чулками, армейские ботинки и заправленная в юбку фиолетовая футболка-варенка с изображением снежного человека и надписью «Действующий чемпион по пряткам».

– Прикольная футболка.

Оглядев свой наряд, она покружилась, и две косички последовали за ее движением.

– Спасибо. Это любимая футболка фанатов.

Вот, что мне нравится в Халли. То, что она всегда остается собой. Она никогда не беспокоится о том, что подумают о ней другие или что то, что ей нравится, недостаточно круто. Она всегда была личностью.

– Неудивительно. Идем, – я киваю на дверь, распахивая ее. – Дамы вперед.

– О, как по-джентельменски, – дерзко замечает она, проходя мимо меня на крыльцо.

Мы идем бок о бок по тротуару подальше от кампуса.

– Так ты мне расскажешь, чем мы сегодня займемся?

По правде говоря, когда я уговорил Халли прогулять вместе

универ, у меня не было никакого плана. Но проснулся, обнимая ее, и не был готов к тому, что она уйдет.

Когда она встала с кровати, чтобы принять душ, я достал телефон и принялся за работу. Если уж из-за меня она пропустила пары, значит, мне нужно было придумать что-то стоящее, и, к счастью, мне это удалось.

– Это сюрприз, – я ухмыляюсь, легонько ударив ее по плечу. – Придется подождать, пока не окажемся на месте.

Она закатывает глаза в притворном раздражении, но я вижу улыбку на ее губах, когда она отводит взгляд. Халли обожает сюрпризы, так что это сработало.

Несколько минут мы идем в уютной тишине, касаясь друг друга, и впервые в жизни мне хочется взять ее за руку и сказать всему миру, что она моя. Даже если она не моя и никогда ей не станет, это не мешает мне мечтать и прикоснуться мизинцем к ее мизинцу.

Она поднимает взгляд на меня, и, конечно же, ее щеки вспыхивают румянцем, самым красивым розовым цветом, без которого я уже не могу жить. Я хочу, чтобы у нее покраснели не только щеки.

– От родителей что-нибудь слышно? – тихо спрашивает она. – От папы?

Я отрываю от нее взгляд и смотрю на тропинку перед нами. Листья уже окрасились в разные оттенки оранжевого и коричневого и вот-вот облетят. Несмотря на то, что сейчас конец октября, здесь все еще жарко и влажно. У нас в Южной Луизиане почти не бывает осени, а зимы не бывает совсем.

Я киваю, возвращая свое внимание к Халли, хотя мой отец – последнее, о чем я хочу говорить.

– Он звонил несколько раз, прислал несколько сообщений, но я просто пока не готов к разговору. Я все еще разбираюсь в этом дерьме у себя в голове. Я не знаю, когда буду готов. Илай сказал, что отец и ему звонил, но он меня прикрыл.

Халли кивает, переплетая свои пальцы с моими.

– Твои чувства важны, Лейн. Тебе не обязательно разговаривать с ним, пока ты не будешь готов.

Оглядевшись, я перевожу взгляд с ее поразительных искренних глаз на россыпь веснушек на переносице и глянцево-розовые губы, и что-то сжимается у меня в груди.

Как же с ней легко. Просто быть. Существовать. Нет необходимости быть кем-то другим, кроме того, кто я есть рядом с ней.

Разве не так должно быть всегда?

– Спасибо, крошка Халли, – я улыбаюсь ей искренне, как и

всегда, затем отпускаю ее руку и обнимаю за плечи, притягивая к себе, чтобы прижаться губами к ее волосам.

Кажется, что мы в отношениях, и последнее время у нас все… как-то иначе. Я ценю, что она всегда рядом со мной и выслушивает, когда мне нужно снять груз с души.

Это все, что мне сейчас нужно.

Она – все, что мне сейчас нужно.

Через несколько минут в поле зрения появляется пункт нашего назначения, она прижимается ко мне и что-то бормочет о предстоящем выпуске подкаста, а я пытаюсь поддержать разговор.

– Ты знал, что в Юте есть ранчо, которое прозвали «Ранчо оборотней»?

– М-мм, правда?

Она кивает с энтузиазмом и горящими глазами:

– Ага! Это ранчо площадью более пятисот акров, и там происходит всякая чертовщина! Есть масса доказательств того, что там живут оборотни! И даже следы НЛО!.. Неопознанных летающих объектов, – поясняет она, как будто я не знаю, что такое НЛО, и я согласно киваю. – И там же есть круги на полях, Лейн! Они появились там *за одну ночь*! Это все так загадочно!

Ухмыльнувшись, я киваю:

– Я так и понял. Видел вчера твою книгу. Прочитал название, – ее щеки зарделись еще сильнее. – Предполагаю, что у вас будет очень интересный подкаст.

– Определенно. Думаю, запишем как раз к Хеллоуинской вечеринке. Кстати, ты идешь?

– На которую? – я приподнимаю бровь. Я слышал о нескольких вечеринках на Хеллоуин, но не обратил внимания.

– Наверное, в доме братства. Вив хотела пойти, а у меня не было планов, так что я согласилась. Хотя мне до сих пор тревожно туда идти. Ну, после арахисовой комы.

Я смеюсь.

– Все уже забыли об этом, Хал. Помнишь только ты.

Она щурится, на ее лице появляется выражение негодования.

– Лейн, я чуть не убила человека. Я не могу просто взять и забыть об этом. Так ты идешь?

Я пожимаю плечами:

– А надо? А если я пойду, я увижу тебя в костюме? В чем-нибудь сексуальном, чтобы мне захотелось перекинуть тебя через плечо и унести оттуда?

Она постукивает пальцем по подбородку, словно обдумывая мой вопрос, или просто чтобы подразнить меня. Я уже представляю что-то обтягивающее и подчеркивающее все ее изгибы, и от одной этой мысли мой член под шортами начинает

подергиваться.

– Может быть. Придется прийти и узнать, – дерзко заявляет она.

Я притягиваю ее к себе, касаясь губами ее уха:

– Сейчас не время дразнить меня, крошка Халли. Если ты не готова вычеркнуть из своего списка секс в общественном месте.

Она поднимает на меня глаза:

– Хах, ну тогда ты никак не увидишь мой костюм.

Черт, как она мне нравится такая. Уверенная в себе, дерзкая. Та, с которой я встречаюсь тем чаще, чем дольше провожу с ней время.

– Мы идем в кино? – догадывается она, когда я открываю входную дверь старого кинотеатра.

– Да, но не на абы какой фильм.

Халли Джо всегда нравились слэшеры. Когда они с Илаем были маленькими, я часто заходил в комнату брата, где они лежали на его кровати, между ними стояла миска с попкорном, и они оба вздрагивали, когда на экране кого-то убивали.

Ее мама терпеть не могла, когда она смотрела их, но я думаю, именно с этого и началась любовь Халли к кино.

Мы входим в вестибюль, и она оглядывается, глубоко вдыхая. Волнение отражается на ее лице, когда она рассматривает старинные киноафиши, развешанные по стенам.

– Боже мой! Да тут же показывают «Крик» из девяностых! И «Детские игры»! Лучший кинотеатр в мире!

Скрестив руки на груди, я прислоняюсь к стене:

– Ну, сюрприз удался? Как раз к Хэллоуину они показывают всю культовую классику, а я помню, как сильно ты любишь старые фильмы-слэшеры, так что…

Не задумываясь, Халли подлетает ко мне, хватает мою рубашку и сжимает ее в кулаке, притягивает меня к себе и прижимается ко мне губами.

Ее руки скользят по моей шее, она сжимает мои волосы на затылке под бейсболкой. Она такая чертовски сладкая на вкус. В ее поцелуе нет ни капли застенчивости, ни капли сомнения. Ей все равно, увидит ли нас кто-то из кампуса, и знаете что?

Мой член твердеет от осознания того, что ей все равно, что кто-то узнает, чем мы с ней… что бы мы с ней ни делали.

– Ты опасный человек, Лейн Коллинз, – шепчет она мне в губы, втягивая мою нижнюю губу в свой рот, и оставляет дразнящий поцелуй на моем подбородке. Наш поцелуй очень интимный, и хотя меня это пугает, я не отстраняюсь. Я целую ее еще крепче и смеюсь, когда она задирает ногу.

– Я мог бы сказать то же самое о тебе, Халли Джо Эдвардс, –

мой голос напряжен от того, как сильно я ее хочу. – А теперь давай посмотрим, как убивают людей, пока я не затащил тебя в кинорубку и не согрешил с тобой прямо там.

– Посмотрим-посмотрим, – хихикает Халли и кокетливо приподнимает бровь.

И я бы сделал это прямо сейчас, если бы не пытался быть джентльменом.

– Я создал монстра. Ненасытного монстра оргазмов, – говорю я, беру ее за руку и тащу к кассе.

– Ты что, жалуешься?

– Ни в коем случае, детка.

Глава 16
Халли

Спустя несколько просмотренных фильмов и ужина в пиццерии мы вернулись домой. На улице уже стемнело, и мы не учли еще кое-чего: внезапного ночного ливня.

Он начался на полпути к дому, и пока мы бежали почти полмили, оба промокли насквозь. В кроссовках хлюпает, и я хихикаю над тем, что мы оба выглядим как мокрые крысы.

– Господи, – выдыхает Лейн, наконец забежав под крышу. Вдалеке раздается раскат грома, отчего деревянное крыльцо под нами сотрясается. Еще одна особенность жизни на юге – случайные сильные грозы, которые временами ощущаются как ураган третьей категории. Например, как вот эта.

– Черт, быстро он разошелся, – смеется он, встряхивая волосами. Я прикрываю лицо, чтобы в меня не попали брызги.

– Хватит! Ну хватит! Боже, теперь я окончательно вымокла, – жалуюсь я сквозь смех, а он брызгается еще усерднее, наконец прекращает и надевает кепку задом наперед. Обхватив меня руками за талию, он притягивает меня к себе, прижимая наши промокшие тела.

Какое-то время мы стоим так, не сводя глаз друг с друга, пока вокруг нас бушует гроза. На мгновение мы остаемся вдвоем, в пузыре, в котором существуем только мы. И из которого я не хочу выходить, особенно после этого дня, проведенного вместе.

Мой взгляд скользит по капелькам воды, которые стекают по его лицу, по переносице, по угловатым скулам и густым ресницам.

Боже, какой же он красивый.

– Уверена, что это мечта каждой девушки, – произношу я, ища его взгляд. – Целоваться под проливным дождем. Как в романтических комедиях девяностых.

Он качает головой, уголки его губ слегка приподнимаются.

– Ты как всегда о кино, крошка Халли.

Я молча киваю, прижимаюсь к нему, сжимая руками его рубашку. Стук моего сердца заглушает шум дождя. Каждый удар кажется громче предыдущего, и я могу думать только о том, что это из-за Лейна ритм моего сердца так сбивается.

Он смотрит на меня так, будто видит насквозь и может заглянуть вглубь моей души. Он смотрит на меня так, словно я ему дорога, и его руки скользят по моему подбородку, обхватывая его, отчего мои колени слабеют, я больше не в состоянии

удерживать свой вес.

Он наклоняется вперед и целует уголок моих губ, затем щеки, по которым медленно стекает дождевая капля, затем другой уголок, кончик носа, подбородок.

В этом есть что-то такое… милое и интимное, что у меня щемит в груди. Это заставляет меня чувствовать то, чего я не должна чувствовать.

– Лейн.

Мой шепот едва слышен. Он не останавливается, двигаясь к моей шее, отчего мои соски напрягаются еще сильнее, и не от холода.

– Что ты делаешь?

Он тихо мычит, касаясь моей кожи и согревая своим дыханием.

– Целую свою девочку.

Свою девочку.

От этих слов у меня внутри все переворачивается, и я стараюсь не обращать внимания на то, как властно он прорычал их, проводя языком по моей шее.

По спине пробегает дрожь, я вся покрываюсь мурашками, когда его зубы касаются моей уже холодной кожи.

Только тогда он поднимает голову и отстраняется, чтобы посмотреть на меня.

– Пошли внутрь. Ты вся дрожишь.

Он и не подозревает, что у меня мурашки вовсе не из-за холода.

Лейн отстраняется, и я сразу же начинаю скучать по его теплу, но он вкладывает мою ладонь в свою, крепко переплетая наши пальцы, открывает входную дверь и заводит меня внутрь.

Я рада теплу нашего дома. Мы снимаем обувь, только переступив порог. Повернувшись к нему, я вспоминаю о том, что лежит у меня в кармане.

– Эм… я кое-что для тебя сделала, – сунув руку в карман, я достаю браслет из бисера и протягиваю ему, наблюдая, как он хмурится, держа его в руке. Он поднимает свой пристальный взгляд на меня, и я не могу точно прочесть его.

Боже, и зачем я это сделала? Кто плетет своему объекту влюбленности *браслетик*?

– Теперь я чувствую себя глупо. Давай притворимся, что я тебе ничего не дарила?

Боже, какая нелепица. Я закрываю лицо руками. И это случилось как раз тогда, когда я уже начала думать, что не самая чудн*ая* на свете. Бесполезно. Мне стоит смириться с тем, что это не изменить, и жить дальше.

– Халли, посмотри на меня.

Его голос неровный и хриплый.

Я поднимаю голову и вижу его глаза, полные эмоций, которых я никогда раньше у него не видела. Его челюсть напряжена, а браслет уже надет на правом запястье.

– Мне охренеть как нравится, и ты ни на секунду не должна смущаться. Ты слышишь меня?

Я киваю, заправляя прядь волос за ухо.

– Я просто… я знаю, что спортсмены очень суеверны, выполняют разные ритуалы, ловят удачу… вот я и подумала, что он принесет тебе удачу.

Его взгляд смягчается, и он подходит еще ближе. Тепло его тела передается мне, и я вздрагиваю от благоговейного трепета на его лице.

– Ты – само совершенство, Халли Джо Эдвардс. Никогда не позволяй никому говорить тебе что-то другое.

– Хорошо, – шепчу я, не в силах унять дрожь, сотрясающую мое тело.

– Давай примем душ? – тихо спрашивает он, кивая на дверь ванной. – Ты замерзла, детка.

Я киваю, позволяя ему отвести меня в ванную. Мы проскальзываем внутрь, и он тихо закрывает за нами дверь, затем заходит в душ и включает воду.

Наверное, я не осознавала, насколько на самом деле замерзла, когда он прикасался ко мне, но сейчас, в полностью промокшей одежде, у меня стучат зубы и дрожит все тело.

Вода скоро нагревается, комната наполняется паром и мне становится заметно теплее.

– Ты уверена, что не против? – спрашивает он, и я киваю:

– Более, чем.

И я не сомневаюсь, что хочу Лейна. Не только потому, что я устала быть неуклюжей, неопытной девчонкой, какой была всю свою жизнь, но и потому, что я просто его хочу. Я бы не смогла этого сделать… ни с кем другим. Это мне теперь совершенно ясно.

Я стягиваю промокшую одежду через голову, и она с хлюпаньем падает на пол. Все на моем теле настолько мокрое, что это выглядит даже комично. Мы оба смеемся, пока я вожусь с пуговицей на юбке, мои руки дрожат от холода и нервов.

До сих пор я никогда не показывалась перед Лейном полностью обнаженной, но это скоро изменится. Независимо от того, насколько уверенной я стала за последние пару недель, какая-то часть меня все еще переживает из-за того, что он увидит меня полностью обнаженной, со всеми несовершенствами.

– Позволь мне, – предлагает он, протягивая руку и быстро расстегивая пуговицу. Я стягиваю юбку, оставшись в лифчике и трусиках в тон, на которых, слава богу, настояла Вив, и черных чулках, которые я натянула в последнюю минуту.

Его взгляд медленно скользит по моему телу, как будто он наслаждается каждым его дюймом. Его кадык дергается, когда он сглатывает, прежде чем снова поднять на меня взгляд.

– Ты идеальна, Халли.

От того, как он это произносит, я и правда чувствую себя идеальной. По крайней мере, для него. Шагнув вперед, он притягивает меня к себе, и моя грудь едва не вываливается из черного кружевного лифчика. У меня бы никогда не хватило смелости купить это самостоятельно, но Вив настояла на том, чтобы я заказала этот комплект в интернет-магазине, после того как я рассказала ей про Лейна.

К счастью, размер подошел. Я не ожидала, что белье мне пригодится, но я рада, что надела его. Особенно когда его голодный взгляд скользит по моему декольте.

– Тебе… тебе нравится?

Он стонет, запрокидывая голову, и подходит ко мне еще ближе. Его возбужденный член упирается мне в живот, заставляя меня сжать бедра. Я вся дрожу.

Я хочу его.

– Ну конечно нравится, крошка Халли, – он поднимает палец и проводит им по краю кружева. – Но я все равно хочу снять его так сильно, что задыхаюсь.

– Я тоже не могу дышать. Я чувствую, что единственное, чего я хочу, – это вдыхать каждую частичку тебя.

Я несу бессмыслицу, хотя в моей голове все было довольно складно. У меня кружится голова от переполняющего вожделения. Я никогда не чувствовала себя такой… безумной. Никогда так сильно ни в ком не нуждалась.

– Наверное, это звучит бессмысленно, – я смеюсь, качая головой. – Я просто… просто хочу тебя, Лейн.

От его ухмылки у меня внутри все сжимается.

– Я хочу увидеть тебя, детка. *Всю* тебя.

От меня не ускользает, как срывается у него голос, несмотря на ухмылку. Как будто он использует всю свою выдержку, чтобы двигаться в моем темпе.

Мои руки дрожат, когда я завожу их за спину и расстегиваю лифчик. Затвердевшие соски царапают ткань, и у меня перехватывает дыхание. Все кажется обостренным, перевозбужденным и чувствительным, а он еще даже не прикоснулся ко мне по-настоящему.

Его взгляд темнеет, когда он скользит по моему телу вниз, к груди. Моя грудь кажется тяжелой и полной под его пристальным взглядом, и в этот момент я больше всего на свете хочу ощутить прикосновение его губ.

– Скажи мне, чего ты хочешь.

Поколебавшись всего секунду, я беру его за руки и прижимаю их к своей груди. Он держит мою грудь в своих больших ладонях и сжимает ее, издав стон, когда с моих губ срывается хриплый вздох.

Вдруг он опускает руки и отступает назад:

– Пошли в душ, детка. Если ты хочешь увидеть, как я кончаю в штаны, как гребаный подросток, то можем продолжить, но мне бы этого не хотелось.

Когда я одариваю его озорной улыбкой, он качает головой.

– *Пожалуйста*, Халли.

Мне нравится сводить его с ума. Я не отрываю от него взгляда, пока быстро стягиваю трусики и чулки и отбрасываю их в сторону, а затем направляюсь в душ, оглядываясь на него.

Он прижимается лбом к стене, одновременно ударяя по ней кулаком.

– Твою же мать, она точно сведет меня с ума.

Хихикая, я встаю под душ под обжигающе горячие струи и со стоном закрываю глаза. Боже, я так замерзла, а эта вода… *просто невероятная*.

Секундой позже я распахиваю глаза, когда стеклянная дверь открывается, а за ней следует порыв холодного воздуха, и Лейн заходит внутрь. Я сглатываю, у меня перехватывает дыхание.

Он такой… мужественный. Чистая, необузданная мужественность. Я не в первый раз вижу его обнаженным, но впервые вижу это воочию. Впервые я могу протянуть руку и прикоснуться к нему, почувствовать его под своими руками, а не только через экран.

Его широкая грудь покрыта редкими мягкими волосами чуть темнее щетины на подбородке. Его тело – не что иное, как совершенство, тело настоящего спортсмена. Того, кто проводит часы в спортзале, создавая форму, которая от него требуется. Когда он подходит ближе, по его рельефному прессу пробегает дрожь, а мой взгляд остается прикованным к четким линиям косых мышц пресса и к тому, к чему ведут эти две восхитительные линии.

У него очень большой член. И он красивый – я такое вижу впервые.

Длинный и невероятно толстый. Я чувствую покалывания по всему телу. Как, черт возьми, он в меня поместится?

Даже отсюда я вижу, как на его конце появляется маленькая капля. Я вспоминаю, как он вздрогнул, когда впервые коснулся чувствительной уздечки.

Я хочу его потрогать. Его очередь кайфовать.

– Могу я… тебя попробовать?

Он стонет.

– Господи, Халли…

– Что? Я… Я хочу, чтобы ты показал, как доставить тебе удовольствие. Покажешь?

– Я попаду за это в ад. Ты для меня слишком милая, Халли. Слишком хорошая и непорочная.

Шагнув вперед, я выхожу из-под горячей струи и кладу руки ему на живот. Он напрягается от моего прикосновения, его дыхание прерывается, и он зажмуривается.

Мои губы в сантиметре от его, мы тяжело дышим, и я шепчу ему на ухо:

– Может быть, я больше не хочу быть хорошей и чистой. Может, я не хочу, чтобы со мной обращались как с фарфоровой вазой. Может, я хочу, чтобы ты не сдерживался.

Он стискивает зубы и двигает челюстью. Когда он, наконец, открывает глаза, то кладет руку мне на затылок и крепко сжимает.

– Я пытаюсь быть *джентльменом*, Халли.

– А может я сейчас не хочу, чтобы ты был джентльменом, Лейн. Ты заботился обо мне с самого первого дня. Я знаю, что ты уважаешь меня, и я благодарна за то, что ты двигаешься в моем темпе. И сейчас я готова к тому, чтобы ты обращался со мной не так, будто я вот-вот разобьюсь. Я готова, Лейн.

Еще мгновение его глаза изучают мои, а затем я вижу, как тонкая ниточка его сдержанности рвется.

– К черту все. Вставай на колени. Хочешь отсосать у меня как шлюха, Халли?

Я с энтузиазмом киваю, опускаясь на плитку перед ним. Я сажусь коленями на жесткий пол, но я не жалуюсь. Он смотрит на меня сверху вниз с выражением чистого благоговения в глазах.

Он подносит руку к моему подбородку, и проводит большим пальцем по моей нижней губе:

– Если хочешь остановиться…

– Я скажу, – твердо заявляю я. – Я хочу этого. Я уверена, что хочу. И если мне будет не по себе, я сообщу. Я готова. Я хочу этого больше, чем когда-либо чего-то хотела.

Я никогда не перестану быть застенчивой и неопытной, пока у меня не появится возможность… развиваться.

– Потрогай мой член, Халли.

Взглянув на Лейна сквозь мокрые ресницы, я протягиваю руку и провожу по его члену пальцами, сначала нерешительно. Он такой твердый и в то же время бархатисто-мягкий. Он такой большой, что мне кажется, я не смогу его полностью обхватить.

– Обхвати его рукой. Не бойся, детка.

– Я просто боюсь сделать что-то не так.

Лейн смеется, и его член подпрыгивает под моей рукой.

– Поверь мне, крошка Халли, это невозможно. Ты стоишь передо мной на коленях с голыми сладкими сиськами, и держишь в руке мой член.

От его хриплого, глубокого баритона сердце бешено колотится в груди, и когда он вздыхает, а я обхватываю его член рукой, я сжимаю бедра, чтобы заглушить ноющее чувство. Мой живот сжимается при мысли о том, что он войдет в меня.

Каково это – ощущать его у себя внутри и думать только о том, как он растягивает меня.

Я вожу рукой по члену, задерживаясь на рельефе его крепкой головки. Он обхватывает рукой мою руку и сжимает ее крепче, чем я бы осмелилась.

– Не бойся быть грубой, Халли. Мне это нравится.

Я киваю, прикусывая губу, наклоняюсь вперед и с опаской слизываю языком каплю смазки, показавшуюся на конце.

Она солоноватая и землистая, но не неприятная, поэтому я снова облизываю головку его члена, на этот раз медленно, до того места, где мой язык касается чувствительного бугорка под ним.

Я продолжаю те же движения, пока одной рукой он не берет меня на волосы, а второй упирается в стену позади меня для равновесия.

Ничто в этом мире не сравнится с тем, как выглядит сейчас Лейн. Его голова запрокинута назад, обнажена мощная гортань, которая вздрагивает, когда с его губ срывается сдавленный звук.

– Черт, Халли. Ты даже не представляешь, как мне хорошо. И как усердно я сдерживаюсь.

Его похвала побуждает меня быть смелее, и я облизываю его член по всей длине от кончика до основания и обратно. Наконец я обхватываю его головку ртом. Я понятия не имею, что делаю, я просто вспоминаю просмотренные видео и прочитанные книги, но я, очевидно, двигаюсь в правильном направлении, судя по тому, как крепко он держит меня за волосы и какие звуки издает.

Я скольжу ртом по всей длине члена, впуская его в горло так глубоко, как только могу, и лишь слегка давлюсь. Когда я это делаю, он стонет, его бедра слегка изгибаются, и я принимаю его еще глубже, пока головка его члена не касается задней стенки

моего горла.

– Ой, прости, Халли, – извиняется он, но я качаю головой, и выпускаю член изо рта. Нас связывает тонкая струйка слюны. Это грязно, эротично и невероятно сексуально. Свободной рукой я опускаю руку между ног, где сейчас так сильно пульсирует, и провожу пальцами по складочкам. Я уже мокрая.

Он смотрит вниз и качает головой:

– Пошли ко мне в комнату. Я не хочу, чтобы кончила раньше, чем я коснусь тебя языком.

Боже.

Протянув руку, он помогает мне подняться, затем нежно целует меня в губы, поворачивает спиной и быстро приводит в порядок мои волосы, промыв их шампунем и кондиционером. Мы по очереди моем друг друга, что приводит к тому, что его пальцы оказываются глубоко во мне, а я крепко обхватываю его руками, тяжело дыша у него на груди и едва держась на ногах.

Оторвавшись от меня, он бормочет:

– Ты выходи первая, я присоединюсь к тебе через минуту. Иначе мы никогда отсюда не выберемся.

– Ага, – я издаю смешок.

Он прав, но часть меня хочет остаться под теперь уже чуть теплыми струями воды и раствориться в нем. Часть меня не хочет прерывать этот момент, потому что он просто идеальный. Он открывает дверь и игриво толкает меня, качая головой.

– Ты сведешь меня с ума, крошка Халли.

Я выхожу из душа, быстро вытираюсь, заворачиваюсь в полотенце, выскальзываю из ванной и направляюсь в комнату Лейна. Оказавшись внутри, я сажусь на край его кровати, ожидая его, не снимая полотенца.

Мое сердце колотится в предвкушении, но впервые мои нервы не на пределе. Конечно, мои ладони немного влажные, и я чувствую легкую дрожь внизу живота. Наверное, я начинаю чувствовать себя более комфортно и непринужденно, без лишних нервов. И, честно говоря, такой возбужденной!

Я *хочу* его.

Минуту спустя дверь открывается, и он входит внутрь, белое полотенце опасно низко повязано на талии, открывая косые вертикальные мышцы внизу живота. На его коже еще видны капли воды, блестящие в слабом свете лампы.

И дело не в минимальном количестве одежды, не в рельефе его пресса и даже не в том, что я знаю, что скрывается под полотенцем, от чего у меня внутри разливается жар. Так бешено колотиться мое сердце заставляет выражение в его глазах. Жажда.

Вожделение. Чем ближе он подходит, тем темнее становится его взгляд из-под тяжелых век, и, если бы глаза могли тлеть… это происходило бы прямо сейчас.

– Ты так чертовски красива, – он встает передо мной, наклоняется, обхватывает ладонями мое лицо и прижимается губами к моим губам. Я ожидала, что этот поцелуй будет таким же неистовым, как и мое желание, но он мягкий и нежный.

– Так красива, что трудно мыслить здраво, крошка Халли. Я с трудом могу думать о чем-то, кроме тебя.

Я протягиваю руку и заправляю прядь волос за ухо под его пристальным взглядом, который познает меня насквозь. На секунду я пожалела, что на мне нет браслетов, которые можно потеребить. Он отпускает мое лицо, обходит кровать и ложится рядом.

– Иди сюда, детка.

Я залезаю к нему в кровать.

– На днях я сказал тебе, что хочу, чтобы ты кончила мне на лицо. Помнишь?

Я чувствую, как жар приливает к моим щекам, и киваю.

– Сядь мне на лицо и дай тобой насладиться.

Он притягивает меня к своему обнаженному телу и стягивает полотенце, обнажив мою грудь.

– Э-эм, а что если…

Его палец касается моих губ, прерывая мой протест.

– Никаких «что, если». Поверь мне, нет ничего на свете, чего бы я хотел больше, чем чтобы ты не слезла с моего лица, пока не кончишь, Халли.

Я киваю, стягивая полотенце до конца и отбрасывая его в сторону. Его пристальный взгляд скользит вниз по моему телу, туда, где мы крепко прижаты друг к другу, и он облизывает губы, сглатывая.

Меня никогда в жизни так не рассматривали, и мои соски твердеют в ответ на его пристальный взгляд.

– Мне так они нравятся, – говорит он, кладя обе руки на мою грудь. Он обхватывает их ладонями и дразнит мои чувствительные соски, пощипывая их, пока у меня совсем не сбивается дыхание. Он наклоняется, обводит один из них языком и втягивает в рот, коснувшись его зубами.

– О боже, – выдыхаю я. – Это просто… это…

Я кладу руки ему на грудь, чтобы удержаться и не рухнуть на него сверху. При этом мой клитор задевает его твердый пресс, и у меня перехватывает дыхание.

Меня переполняют ощущения, и это просто прекрасно. Каждое нервное окончание в моем теле ожило, и все, на чем я

могу сосредоточиться, – это руки Лейна на мне, его рот на моих сосках. Мой клитор скользит по его животу. Я думаю, что могла бы кончить и так.

– Как бы сильно я ни хотел смотреть, как ты делаешь это всю гребаную ночь напролет… Я не могу больше ждать ни секунды. Я хочу ощутить твой вкус.

Он без труда поднимает меня за бедра и двигает ближе к своей голове. Мои колени опираются на кровать, а киска находится прямо над его ртом.

– Возьмись за изголовье кровати и сядь мне на лицо.

– Я не… – я замолкаю, прикусывая губу и глядя на него сверху вниз. Я дрожу, может, из-за нервов, а может из-за того, что нахожусь так близко к лицу Лейна самой интимной частью своего тела, или это предвкушение чего-то такого… грязного. Сексуального. С ним.

Я чувствую, как его грубые мозолистые ладони скользят по внешней стороне моих бедер, по округлостям моей задницы, затем по внутренней стороне. Наконец, он притягивает меня к своему рту.

Его язык ласкает мой клитор, и мои бедра начинают двигаться.

– Да, вот так. Я обожаю твою киску, Халли. Не могу без нее.

Он проводит мягким языком от входа во влагалище к клитору, затем втягивает его в рот, отчего у меня перехватывает дыхание и в глазах мутнеет.

Я так крепко держусь за спинку кровати, что у меня болят костяшки пальцев.

Положив руки мне на бедра, он помогает мне двигаться, не отвлекаясь от куннилингуса. Его язык кружит вокруг входа, и он вводит его внутрь, и только тогда я понимаю, что направляю его сама своими движениями.

Боже, это кажется таким непристойным и эротичным, что возбуждение уже скапливается у меня в животе, а оргазм приближается с каждым движением бедер.

Мои глаза закрываются, а движения становятся беспорядочными, я отчаянно пытаюсь ухватиться за распирающее меня наслаждение.

– Лейн, – выдыхаю я, прижимаясь к его лицу. – Боже, мне так хорошо. Я…

Мои слова только подстегивают его, и он в последний раз проводит языком по моему клитору, и я безудержно кончаю, мои стоны эхом разносятся по комнате, и он выжимает из меня удовольствие до последней капли, до полного обессиливания.

Только когда клитор становится чересчур чувствительным он

отрывает меня от своего рта и кладет обратно себе на живот. Я все еще чувствую пульсацию от того, как ярко я кончила.

– Черт, это было жарко, – говорит он, и его глаза затуманиваются от голода. – Ты отлично справилась, детка.

Я чувствую, как румянец поднимается от моей груди к щекам.

Я понятия не имела, что близость с другим человеком может вызывать такие чувства. Кто бы мог подумать, что это может быть так приятно?

Я как наркоман, отчаянно нуждающийся в том, чтобы следующая порция Лейна Коллинза попала прямо в мои вены.

Глава 17
Лейн

«Ты не сможешь избегать меня вечно, Лейн. Нужно принять решение – и уже скоро. Позвони маме – она волнуется».

Раздраженно вздохнув, я швыряю телефон на стол, прочитав очередное сообщение от отца. Вот тут-то он и ошибается. Я буду избегать его, пока не почувствую, что готов, а интуиция подсказывает мне, что это произойдет не скоро.

Я встаю из-за стола и выхожу в коридор как раз в тот момент, когда Халли выходит из своей комнаты, одетая только в просторную футболку, доходящую ей до бедер, и пару черных пушистых носков с космическими кораблями на них. Она меня не замечает, поэтому я подбегаю и обхватываю ее за талию, притягивая к себе и зарываясь лицом в ее волосы. Мы расстались всего на несколько часов, а мне уже кажется, что это чертовски долго.

Визжа, она бьется в моих объятиях.

– Черт возьми, Лейн! Ты напугал меня до смерти!

– Может, надо меньше смотреть фильмы ужасов перед сном? Даже *мне* после них снятся кошмары.

Она провела последние три ночи в моей постели, и я очень этому рад.

Я поворачиваю ее к себе и прижимаюсь к ее губам. Из комнаты выходит Вив с безразличным выражением лица.

– Коллинз.

Я киваю.

– Вивьен.

Скрестив руки на груди, она выпячивает бедро и прислоняется к дверному косяку комнаты Халли.

– Идешь сегодня на вечеринку братства?

– Ага. Риз и Грант должны быть здесь с минуты на минуту.

На ее лице появляется выражение явного отвращения, и Халли хихикает в моих объятиях и шепчет:

– Да уж, они друг другу явно не рады.

Нет, они хотят потрахаться. От ненависти до любви один шаг.

– Не рада, что придется провести вечер с Ризом, Вив? – беспокоюсь я.

– Я бы предпочла анальный зонд, чем застрять с ним в одном комнате. И я не шучу. Это не для красного словца.

Не могу упустить возможность и подтруниваю над ней:

– Да? А он всем рассказывает, что у вас что-то есть.

Она бледнеет, ее глаза раскрываются от удивления.

– Пожалуйста, Лейн, скажи, что ты шутишь.

Я пожимаю плечами:

– Не шучу, уж извини.

Не говоря больше ни слова, она забегает в комнату Халли, захлопывает за собой дверь и оставляет нас в коридоре вдвоем.

– Понятия не имею, почему она так сильно ненавидит Риза, – комментирует Халли, поворачиваясь ко мне и обвивая руками мою шею. – Но похоже, он ее и правда бесит. Даже не знаю.

Эх, Халли. Святая простота.

Я даже не могу находиться в комнате с ними без желания выколоть себе глаза. Их отношения похожи на начальную школу: ты гоняешься за девочкой по детской площадке, дергаешь ее за косички, задираешь юбку, доводишь ее всеми возможными способами просто потому, что она тебе нравится, и ты понятия не имеешь, как сказать ей об этом.

Это именно то, что происходит между ними. Они оба слишком любят драму, чтобы отказаться от нее.

Я пожимаю плечами, отмахиваясь:

– Кто знает. Зато я знаю, что, черт возьми, не могу дождаться, когда увижу твой костюм. Можно посмотреть?

– Не-а, – дерзко произносит она и непреклонно качает головой. – И в этот раз ты меня никак не переубедишь. Я уже говорила, что единственный способ увидеть мой костюм – пойти на вечеринку.

Я вздыхаю:

– Ну ладно. Тогда, наверное, мне следует отпустить тебя, чтобы ты оделась?

Она кивает, затем быстро целует меня в губы и отстраняется, прежде чем я успеваю продолжить поцелуй. К моему большому неудовольствию. Целовал бы ее весь день.

– Увидимся вечером. Посмотрим, как быстро ты меня отыщешь.

Еще один быстрый поцелуй, и затем она уходит, исчезая за дверью своей спальни и закрывая ее за собой.

Черт.

А ведь раньше я с удовольствием ходил на тусовки! Выпивка, веселье, пока кто-то не отключится, а остальные над ним прикалываются. Я проводил ночи с разными девушками, и зачастую не имея ни малейшего представления о том, как их зовут. И мне было весело и интересно. Я проводил выходные только так. А теперь?

Все изменилось. *Я* изменился. Наши отношения изменились.

Последнее, что я хочу делать сегодня вечером – это идти на

вечеринку, пить теплое пиво и притворяться, что я хочу там быть.

Я хочу быть дома, смотреть документалку, держа Халли в объятиях, и потом лечь в мою постель.

Именно так я хочу проводить большую часть своих ночей, и эта мысль пугает меня. Во многих смыслах.

Я все еще стою в коридоре, когда раздается звонок в дверь, потом открывается, а затем закрывается входная дверь.

– Коллинз! – зовет Риз, и его глубокий, раскатистый голос эхом разносится по дому. Когда я вхожу в гостиную и вижу их с Грантом, одетых в костюмы, я улыбаюсь и вопросительно выгибаю бровь:

– И чья это идея?

Грант пожимает плечами, поднимая руки в притворной капитуляции:

– Угадай с одной попытки.

Значит, Риза. Самые безумные идеи всегда у него.

На них винтажные бейсбольные костюмы. Они подобрали бейсболки, гольфы, бутсы.

На гранте форма команды «Янкиз», а на Ризе – «Брэйвз». У обоих на спинах цифра три.

Я понял, они оба оделись как Бейб Рут[34]. Блин, да они оба Бейбы Руты! Самый неоригинальный костюм в мире. Я сейчас лопну от смеха.

– Я не пойду с вами в люди, – обещаю я, пытаясь сдержать смех, но несмотря на то, что я закрываю рот рукой, смех все равно вырывается. – Если вы хотите склеить девчонок, то с грустью сообщаю, что шансов у вас нет.

– Не издевайся, Коллинз. Ты просто завидуешь, что мы додумались до этого первыми. А ты мог бы присоединиться. Рут и за Бостон играл! – Риз ухмыляется и замахивается деревянной битой. – А где Халли и Вив?

Я закатываю глаза и провожу рукой по волосам:

– Скорее всего, планируют твое убийство. Одеваются. Сказали, что встретятся с нами на месте.

– А ты что, без костюма? – удивляется Грант и надевает кепку задом наперед. – Ты не можешь пойти на костюмированную вечеринку без костюма, чувак.

– Не успел ничего купить. Да и что это за херня, в кого мне наряжаться? Я не собираюсь участвовать в трио «Три балбеса»[35]– отвечаю я и поворачиваюсь, чтобы уйти к себе в комнату.

Мне требуется вся моя выдержка, чтобы не постучать в дверь Халли и не проскользнуть внутрь, чтобы сразу же взглянуть на ее костюм. Но она хочет, чтобы это был сюрприз, так что я отнесусь к этому с уважением. Я прохожу мимо ее двери и вместо этого

открываю свою.

Парни заходят следом за мной, Риз закрывает дверь ногой и плюхается в кресло-мешок. Грант занимает компьютерное кресло, а я ложусь на кровать.

– Поверить не могу, что ты не хочешь тоже быть Бейбом! Он же легенда, и мы тоже легенды. Нам показалось, что это логично, – объясняет Грант. Он выглядит немного обиженным, но он такой, какой есть. Один из самых крутых парней, которых я знаю, и в то же время самый мягкосердечный. Так что это обман зрения – внутри этот громила настоящий плюшевый мишка.

– Есть еще какие-нибудь идеи, что мне надеть? – спрашиваю я, уставившись в потолок. Я был так поглощен занятиями и тренировками, что забил на подготовку к этой вечеринке. Я даже не был на сто процентов уверен, что хочу на нее попасть.

Не сомневайтесь, что есть только одна причина, по которой я все-таки иду. И это Халли.

– О, у меня есть идея, – выпаливает Риз, вскочив со стула.

Боже правый. Ничем хорошим это не закончится.

* * *

– Ну и *вечеринка*, мать ее, – ругается Риз, когда мы подъезжаем к дому братства. – Это будет полный провал.

Грант что-то бормочет в знак согласия, но никто из нас не делает ни шагу.

Даже я немного удивлен тем, как много здесь людей. Люди высыпают из дома, сидят на перилах крыльца, слоняются по лужайке. Черт, сегодня здесь, как будто весь кампус собрался.

Я даже не могу поверить, что я нацепил гребаный лабораторный халат, который Грант так удачно припрятал в своем рюкзаке, и что они убедили меня нарядиться в «безумного ученого».

Риз поворачивается ко мне с дерзкой ухмылкой на губах и хлопает меня по спине, перекидывает руку мне через плечо и притягивает к себе:

– Давайте, мать вашу, идем! Я хочу напиться, пока не начался пинг-понг. А все знают, что я доминирую за этим столом только если предварительно хорошенько подзаряжусь.

Не имея особого выбора, я иду за друзьями. Несколько человек останавливают меня по пути внутрь, чтобы поздороваться. Я замечаю парней из команды, и они подходят пожать мне руку. Наконец войдя в дом, я поражаюсь количеством людей внутри.

Единственное, что умеет делать братство – устраивать тусовки.

Музыка гремит из динамиков, из-за чего трудно даже расслышать собственные мысли. Я пробираюсь сквозь толпу людей к бочонку с пивом и наливаю кружку. Она холодная, и я не планирую расставаться с ней, пока не найду Халли. Судя по тому, сколько людей здесь сегодня вечером, мне может потребоваться некоторое время, чтобы найти ее. Особенно если учесть, что в доме три этажа.

Хотя верхний этаж закрыт для всех, кто не в братстве или не проводит ночь с кем-то из братства.

Я прислоняюсь к барной стойке и болтаю с парнем из команды. К нам подходят Лорен и Брук. Они одеты в одинаковые костюмы кроликов, которые практически не оставляют простора воображению.

Старому Лейну понравились бы их наряды, но сейчас мой член даже не шевелится.

– Лейн! – Лорен невнятно произносит мое имя, затем с визгом обвивает руками мою шею, выплескивая при этом на меня половину своего напитка. – Мы так сильно по тебе скучаем. Вы все такие скучные и больше никуда с нами не ходите!

– Был занят, – говорю я, отступая назад и увеличивая дистанцию между нами.

Она выпячивает нижнюю губу и дуется:

– Ты такой занудный. Без тебя вечеринки уже не те, что раньше! Да, Брук?

Ее близняшка кивает:

– Ага. Без тебя вечеринки уже не те, что раньше! Может, выпьем? Потусуемся вместе?

Качая головой, я поднимаю кружку и залпом допиваю остатки пива, готовясь уйти под предлогом, что мне нужно налить еще.

– Извините, я ненадолго. Пойду за добавкой. Был рад увидеться.

Они обмениваются взглядами, и Лорен пожимает плечами:

– Ну как знаешь. Ты знаешь, где нас найти, если захочется поразвлечься.

Этого не будет, но нет нужды ей об этом говорить. Я просто одариваю их легкой улыбкой и направляюсь к заднему дворику, где стоит бочонок с пивом.

Я достаю телефон из кармана джинсов, чтобы проверить уведомления, и вижу сообщение от Халли.

Хэлли: Только добрались. Не могу дождаться встречи с тобой;)

Черт возьми, наконец-то!

Я оглядываю толпу на заднем дворике, но не вижу ее, поэтому быстро беру еще пива и направляюсь внутрь, натыкаясь на парней.

– Вы не видели Халли? – громко спрашиваю я, перекрикивая музыку.

Риз качает головой:

– Я не видел, но мне не терпится увидеть, во что вырядилась ее подружка. Чувак, выпивка сегодня льется рекой, тут такая энергетика! Вечер будет классным.

Он поднимает полупустую кружку, и мы с Грантом стукаемся с ним и отпиваем пенный напиток.

Кто-то хлопает меня по плечу, и когда я оборачиваюсь, у меня чуть язык не вываливается изо рта. Оказывается, мне вообще не нужно было искать Халли, потому что она сама нашла меня. А что за наряд!

Даже самое буйное воображение не смогло бы до этого дойти.

Он полностью в стиле Халли. На голове у нее повязка с двумя антеннами и маленькими зелеными шариками на концах, а ее обычно вьющиеся волосы совершенно прямые и ниспадают на спину. На ней обтягивающее маленькое серебристое платье, переливающееся всеми цветами радуги, которое подчеркивает ее изгибы и ложбинку на груди, открывая пышное декольте.

Она одета как инопланетянка… *Чертовски сексуальная инопланетянка.* И, честно говоря, терять от нее голову сильнее уже некуда.

Я не сразу нахожу дар речи, настолько я потрясен. Кажется, в этом людном месте у меня встает от одного взгляда на нее.

– Привет! – кричит она. наклоняясь ближе к моему уху. – Сюрприз!

На ее губах, обычно не накрашенных, сейчас черный блеск, и мне хочется поцеловать ее прямо сейчас.

– Ты выглядишь чертовски, безумно сексуально, крошка Халли, – одобряю я, протягивая руку и притягивая девушку к себе.

Вивьен кашляет и машет рукой:

– Привет, я все еще здесь. Боже, я сейчас просто как пятое колесо в телеге.

На ней такой же костюм, но переливающийся фиолетовым. Я бросаю взгляд на Риза. У него челюсть отвисла чуть не до пола. Как бы он вернул ее на место.

Эта парочка нас точно доведет.

– Вив, *о боже,* женщина. Если бы ты уже не владела моими сердцем и душой, я бы вырвал у себя сердце и душу и отдал тебе,

но ты и так ими владеешь. Я пришел с миром, – он поднимает ладонь с жестом из «Звездного пути». Вивьен закатывает глаза, отворачивается и встряхивает волосами.

Он припадает на меня, хватаясь одной рукой за мое плечо, а другой – за свое сердце:

– Брат. Эта задница не от мира сего. Спаси меня. Меня вот-вот начнет исследовать инопланетная форма жизни. Надеюсь.

Она оборачивается и выкрикивает ему в лицо:

– Какой же ты мерзкий! Что заставило тебя хоть на секунду подумать, что я хочу иметь с тобой что-то общее, Лэндри?

На его губах появляется его фирменная ухмылка.

– Ну как же, помнишь, на тех выходных, когда…

Внезапно она зажимает ему рот рукой и оттаскивает его за шиворот. Халли, Грант и я вопросительно смотрим друг на друга.

– Это что сейчас было?

Халли пожимает плечами:

– Понятия не имею. А ты что думаешь? Стоило ради этого ждать? – она покрутилась передо мной. Ее щеки порозовели. Как же я хочу унести ее отсюда прямо сейчас. Куда-нибудь в тихое место, где мы сможем побыть наедине, и я смогу показать ей, как сильно мне нравится ее костюм.

Вместо этого я притягиваю ее к себе и шепчу ей на ушко:

– У меня все силы уходят на то, чтобы сдержаться и не уложить тебя на стол, не задрать твое миленькое платьице и не лизать твою киску всю гребаную ночь напролет, крошка Халли. Ты выглядишь восхитительно вкусно.

Она прижимается ко мне:

– Будешь хорошо себя вести, и это вполне может случиться.

Ох уж эта девчонка. *Моя* девчонка.

Встав на цыпочки, она прижимается своими губами к моим, и я теряюсь в Халли Эдвардс. Вкус ее губ такой чертовски сладкий, и я так увлекся, что едва слышу, как кто-то произносит мое имя сзади.

– Коллинз? Да быть не может!

Я оборачиваюсь. Передо мной стоит Крид в костюме Хью Хефнера[36], обнимая Лорен и Брук.

Халли инстинктивно делает шаг назад, но я протягиваю руку и останавливаю ее. Ей не нужно отстраняться от меня из-за того, что кто-то подошел. Мне очень не нравится, что она себя так почувствовала из-за них.

Я приподнимаю бровь, наблюдая за происходящим передо мной. Сто лет не видел Крида. Он шикарный левый нападающий университетской хоккейной команды. И полный мудак. Он мне никогда не нравился, а сейчас я просто в бешенстве от его

дерзкой ухмылки и того, как он оценивающе оглядывает тело Халли.

Чувство собственничества вспыхивает у меня в груди. Я отпускаю Халли и сжимаю руки в кулаки. Я не в настроении просто наблюдать за сценой, разворачивающейся перед нами.

– Подожди, это же *Халли Эдвардс*? – Лорен усмехается, на ее лице написано отвращение. – Так это из-за нее ты больше с нами не тусуешься? Это низко даже для тебя, Лейн.

Я выгибаю бровь, и остатки гребаного терпения, которые у меня еще оставались, вылетают в окно вместе с ее словами.

Кем, черт возьми, эта девчонка себя возомнила? Ее тело, которым я воспользовался однажды, было настолько незапоминающимся, что я вообще не пойму, о чем я думал, вообще прикоснувшись к ней.

– Не, я больше не тусуюсь с вами, потому что у меня есть дела поважнее, и на твоем месте я бы придержал свой гребаный язык.

На лице Лорен появляется выражение шока, как будто она на самом деле не может поверить, что я ей ответил, но, будучи типичной стервой, она закатывает глаза и отшучивается:

– Я просто хочу сказать, что ты знаешь старую поговорку… с волками жить – по волчьи выть.

Я смеюсь, хотя мне совсем не смешно:

– О, тогда от тебя уже должен выть весь кампус.

– Эй, чувак! – Крид убирает руки с плеч девушек и делает шаг вперед, явно защищаясь, поскольку у него было твердое намерение забрать этих двоих домой на ночь. – А может это тебе стоит заткнуться, а? Это не ее вина, что Халли Джо выползла из своей маленькой жуткой пещерки и вырядилась как шлюха из порнухи про…

Он не успевает произнести больше ни слова своим мудацким ртом, потому что мой кулак врезается ему в нос с такой силой, что раздается тошнотворный хруст, и он отшатывается назад, когда из носа хлещет кровь.

– *Ты ублюдок*! – он сплевывает кровавую слюну мне под ноги, и я слышу вздохи вокруг нас. Мы собрали целую толпу, и одно можно сказать наверняка – я с этим утырком еще не закончил. – Пошел ты, и она тоже!

У меня глаза кровью налились. Я бросаюсь на него прежде, чем с его губ успевает сорваться еще хоть одно слово, и бью его снова, хотя костяшки моих пальцев ноют от удара кости о кость.

– Никогда больше не смей говорить о ней ни единого гребаного слова, слышишь меня? – я плююсь и замахиваюсь, чтобы ударить его еще раз, но меня останавливают на полпути

Риз, Грант и Илай, стоящие по бокам от меня. Они оттаскивают меня прежде, чем я успеваю ударить его снова, и я изо всех сил пытаюсь вырваться из их хватки, пока он лыбится своей чокнутой улыбкой, весь в крови.

– Вы посмотрите, похоже Лейн Коллинз под каблуком. Все слышали? – Он поворачивается лицом к затихшему залу. В толпе зевак раздается ропот. – Наш главный красавчик вышел в тираж!

– Уведите его отсюда, – усмехается Лорен. – Он испортил вечеринку.

Я выдергиваю руку и бормочу:

– Я закончил.

Я перевожу взгляд на Халли, на чьем лице отражается смесь эмоций, которые я не могу до конца расшифровать. К счастью, с ней рядом Вивьен.

Нахер это место и людей, которых я считал «друзьями». Они мне никогда не были друзьями. Только телами, чтобы погреться и скоротать время. Фальшивки, которые хотели быть рядом со мной ради собственной выгоды.

Я поворачиваюсь к Лорен и смеюсь, качая головой:

– Знаешь, мне тебя чертовски жаль.

Она хочет что-то сказать, но я резко обрываю ее.

– И всех вас. Какие же вы жалкие. Она для тебя угроза, и ты ведешь себя как последняя сука, чтобы почувствовать себя уверенно. Она даже не знает тебя, и ты ни хрена о ней не знаешь, но говоришь о ней так, как будто знаешь. Ты жалкая, Лорен. Она красивая, добрая и умная. Это уже больше, чем ты сможешь достичь за все свое жалкое существование.

Я оставляю ее стоять с отвисшей челюстью, а толпа вокруг нее выглядит такой же потрясенной, как, я полагаю, чувствует она, и я подхожу прямо к Халли, моя рука пульсирует, костяшки пальцев ободраны и кровоточат, и я провожу ладонями по ее подбородку, обхватывая ее лицо.

– Никто не смеет так говорить о моей девочке.

Ее голубые глаза расширяются, а губы приоткрываются. Мы находимся в комнате, полной незнакомцев, все они думают, что знают меня, у всех есть мнение о моей жизни, но правда в том, что они понятия не имеют, кто я такой, и единственный человек, о котором я беспокоюсь, стоит прямо здесь, передо мной.

Я наблюдаю, как бьется пульс на ее шее, и она поднимает свои руки к моим, обхватывая ладонями свое лицо, а затем я наклоняюсь и прижимаюсь губами к ее губам.

Ну вот, секрет раскрыт.

К утру весь университет будет знать, что Халли Джо Эдвардс – моя. И я ни о чем не жалею, потому что, по правде говоря…

Она моя.
Даже если мы пока сами не готовы это признать.

Глава 18
Халли

Мой красивый и любимый глупыш.

Я вот-вот взорвусь от бурлящих во мне эмоций, но я пока даже не стараюсь их осознать, потому что сейчас ему больно.

Это важнее, чем мое глупое, трепещущее сердце.

Он только что *побил* того парня из-за меня. Он повел себя как собственник и не задумываясь ударил его на глазах у половины кампуса. Он защитил меня перед всеми. Это самый благородный поступок, который кто-либо когда-либо для меня совершал, и это усугубляет те безудержные эмоции, с которыми мой разум пытается разобраться.

– Дай-ка я посмотрю, – говорю я, осторожно беря его за руку. – Боже, Лейн, да у тебя рука разбита. Может, сходишь в травмпункт и убедишься, что нет перелома?

Он сгибает руку, разжимает пальцы, затем сжимает их в кулак:

– Нет. Все хорошо. Это не первая моя драка, детка.

Почему это так возбуждает? Это совсем не логично. Если честно, я вся мокрая, когда вспоминаю, как он его ударил.

Я понимаю, что это полный капец, но мне все равно.

Я протираю ватным диском, смоченным в перекиси водорода, его окровавленные костяшки пальцев. На них уже образовались синевато-фиолетовые синяки. От этого мое беспокойство зашкаливает.

– Я не могу поверить, что ты… ударил его, Лейн. А как же бейсбол? Что, если из-за этого ты больше не сможешь играть? А если это все-таки перелом? О чем ты думал?

Он сжимается, когда ватный диск касается его руки. Его красивое лицо морщится от боли.

– А я и не думал. Он начал вякать, и я потерял самообладание. Я всегда этого урода ненавидел, так что раздумывать не стал. Никто и никогда не проявит к тебе неуважение, когда я рядом. Никогда.

Я кладу ватный диск на тумбочку в ванной и обхватываю его лицо руками:

– Никто никогда раньше не делал для меня ничего подобного. Спасибо. Но, пожалуйста, никогда больше не делай ничего, что могло бы испортить твое будущее. Этот придурок не заслуживает того, чтобы ломать из-за него руку, портить отношения с тренером или деканом. Оно точно того не стоит. Он

только выиграет от этого.

Лейн кивает, крепко зажмуривая глаза:

– Я просто сорвался, Халли. Ты лучше, чем кто угодно в том заведении, и я не собирался слушать, как они тебе грубят.

Не знаю, что на это ответить. Он защищал мою честь, хотя это было безрассудно и потенциально опасно для его будущего. Все это не имело для него значения.

Такое чувство, что сейчас одних слов недостаточно. Я хочу показать ему, что это значит для меня. И что значит для меня *он*.

– Мне нравится твой костюм, детка. Кажется, я даже не успел толком сказать тебе об этом.

Я киваю, снова промокаю его костяшки пальцев, затем тянусь за бинтом.

– Конечно это не зайка из «Плейбоя» и не сексуальная медсестра, но мне кажется, что он подходит лично мне… понимаешь?

– Ты потрясающая, Халли, – шепчет он, его кадык дергается, когда он с трудом сглатывает. – Ты такая чертовски сексуальная в своем маленьком инопланетном платьице. И антенны мне нравятся.

Я хихикаю, запрокидывая голову. Это так нелепо.

– Как же здорово.

– Что? – спрашиваю я, в замешательстве хмуря брови.

– Твой смех. Я не думаю, что есть что-то, чего бы я не сделал, чтобы его услышать.

Я примерно в двух секундах от того, чтобы превратиться в лужицу у ног этого человека, когда раздается несносно громкий стук в дверь.

– Вы там что, трахаетесь? – хихикает Вив. – Илай, они трахаются. Ты должен мне двадцать баксов.

Лейн усмехается, качая головой.

– Думаю, нам лучше вернуться.

Я встаю с холодного кафеля ванной, Лейн кивает, и наш интимный пузырь внезапно лопается. Он несколько раз сгибает руку и встает.

– Ты уверен, что все будет хорошо? Я настаиваю, чтобы ты съездил в травмпункт. Рука опухла.

После еще одного стука в дверь Лейн закатывает глаза:

– Я в порядке. Обещаю.

Я убираю все принадлежности для обработки руки, мы открываем дверь и видим Илая и Вив с понимающим выражением на лицах.

– Как видите, мы не трахались. Так что давайте деньги, – Лейн ухмыляется, протягивая здоровую ладонь.

– Я обработала его руку. Он же у нас сегодня Рокки[37]. Илай, убеди его сходить в травмпункт. Путь хотя бы посмотрят. У него может быть сломана рука, а он даже не осознает этого из-за избытка адреналина.

Илай смотрит на Лейна, пожимая плечами:

– Наверное, она права, брат. Поехали. Только ты сам расскажешь маме, я отказываюсь.

Лейн выругался, но согласился.

Вив внезапно хватает меня за руку и тянет в спальню, прежде чем я успеваю возразить.

– Ладно, с вами очень весело, но у нас девичник. Пока, мальчики!

Она тащит меня до самой моей комнаты и захлопывает за собой дверь.

– Выкладывай. И не упускай ни единой детали.

* * *

– Что ж, я больше не феминистка. Извини, но мне даже не жаль. Боже, Вив, это было самое романтичное, что кто-либо когда-либо делал для меня… хотя драка – это вроде бы совсем не романтично, – я бормочу себе под нос, когда мы стоим бок о бок в ванной и чистим зубы перед сном.

Вместо инопланетных костюмов на нас теперь огромные футболки, а на лицах – очищающие маски, необходимые после огромного количества косметики.

Вот почему Вив – моя лучшая подружка. Она просто понимает меня.

– Честно говоря, к черту феминизм. Лейн Коллинз стоял перед тобой на коленях, Халли Джо. Он наслаждался тобой как последним блюдом в жизни. Он ударил того парня ради тебя. Он точно относится к тебе по-особенному.

Я молча киваю, выплевывая зубную пасту в раковину, а затем прополаскиваю рот водой. Я отстраняюсь и смотрю на Вив, облокотившись на туалетный столик.

– Да? Мне кажется, я веду себя как наивная девочка. Много надумываю. Не слишком ли у нас все… непонятно? – я достаю зубную нить из ящика с акриловыми красками. – Типа, мы вычеркиваем пункты из моего контракта, но иногда мне кажется, что… между нами что-то большее.

Вив останавливается на полпути и качает головой:

– О, нет, нет, нет, не делай этого, Халли, – она быстро сплевывает и вытирает рот, одновременно убирая зубную щетку. –

Детка. Не надо. Всегда держи свое сердце на страже, особенно рядом с таким парнем, как Лейн. Я не хочу, чтобы тебе причинили боль.

Я знаю, что она права, и я стараюсь, но, боже… иначе к нему относиться невозможно. Из-за всех трогательных поступков, которые он совершает, и тех слов, что говорит.

– Послушай, ты начала это, потому что хотела исследовать свою сексуальность в безопасной обстановке, и тут ты большая молодец. Так серьезно подойти к делу было смело, и я тобой горжусь.

Я улыбаюсь ей, выключаю свет в ванной и к себе в спальню. Она входит следом, не замолкая.

– Береги свое большое доброе сердце. Развлекайся, будь на пике, во всех возможных смыслах, а потом ты пойдешь своей дорогой с целиковым сердцем и совершенно новыми взглядами на жизнь. Отделяй секс от эмоций.

Это был просто контракт, но иногда… то, как он относится ко мне, кажется… чем-то большим. Он такой нежный, заботливый, внимательный. За всю свою жизнь я никогда не чувствовала себя такой любимой, и из-за этого кажется, что все те правила, которые мы установили, больше не действуют. Это сбивает с толку, но я боюсь поднимать этот вопрос, вы ведь установили четкие границы.

– Ты так говоришь, будто это легко, – я откидываю одеяло. Я очень благодарна, что подруга осталась у меня. Сегодня были настоящие эмоциональные американские горки, и мне это нужно, мне нужна она. – Но поверь мне, я стараюсь.

Мы с Вив забираемся в кровать, она обнимает меня и притягивает к себе:

– Я люблю тебя. Когда все закончится, и ты отправишься в Калифорнию, чтобы спродюсировать величайшие фильмы века, ты будешь благодарна за этот опыт. Благодарна ему и себе за то, что сумела защитить свое сердце. Такие, как Лейн, не остепеняются. Он отличный парень. Он смешной и обаятельный, но не более того. Он собирается пробиться в высшую лигу, а ты останешься дома, в колледже, и будешь жить своей жизнью.

Я киваю, сморгнув подступающие слезы. Я понятия не имею, почему я сегодня такая эмоциональная. Наверное, я думаю о следующих нескольких месяцах и никак не отойду от сегодняшнего эмоционального накала.

– Спасибо, Вив.

– Ты же знаешь, что я просто забочусь о тебе? Я не хочу, чтобы казалось, будто я мешаю вашим отношениям, потому что это точно не так. Да, я хочу, чтобы у вас был классный секс, но в

конце концов я просто должна убедиться, что тебе это не навредит.

– Знаю, – бормочу я. Адреналин выветрился, и теперь мои конечности и веки кажутся такими тяжелыми. – Люблю тебя, Вив.

– И я тебя, моя космическая детка.

* * *

Следующая неделя проходит в череде недосыпа и учебы по ночам – я готовлюсь к предстоящему экзамену по алгебре. Я была так занята, что почти не видела Лейна. Я думаю, из-за того, что произошло на Хеллоуин, он решил дать мне больше личного пространства.

Я выживаю на эспрессо и протеиновых батончиках, так что моя голова не может сосредоточиться ни на чем, кроме учебников, лежащих передо мной.

И чтобы окончательно меня добить, в моей матке разверзлись кровавые врата ада, так что это катастрофа.

Единственная приятная деталь – это то, что мы скоро уезжаем на каникулы в честь Дня благодарения.

Передышка, в которой *я отчаянно* нуждаюсь. Но сначала экзамен.

– Халли!

Я резко открываю глаза и с болезненным стоном поднимаю голову от учебника математики, лежащего передо мной. Я *почти* заснула.

Илай щелкает пальцами, привлекая мое внимание.

– Земля вызывает Халли. Сосредоточься. Поспишь, когда получишь пятерки по всем предметам и будешь держать в руках письмо о приеме в киношколу.

– Знаю, знаю.

Я окидываю взглядом кухонный стол и все бумаги, маркеры и стикеры для заметок, разложенные перед нами, и чуть не плачу. Я так устала, и у меня так болит живот, что мне кажется, что я умру в самом расцвете лет.

– У меня такое чувство, что мы с тобой сто лет не виделись. Мы оба так заняты учебой, а ты еще и Ари, – поддразниваю я. – Ладно, пойду позанимаюсь в комнате и посижу на грелке. У меня закончился обезбол, а на улицу я сейчас идти не готова. Может, устроим в пятницу киновечер? Я скучаю по тебе, – я вздыхаю, поднимаясь со скрипучего деревянного кухонного стула и собираю учебники.

– Конечно. В любое время, когда ты захочешь потусоваться, я

здесь, дорогая, – он встает из-за стола и заключает меня в объятия. На секунду я делаю глубокий вдох, чувствуя себя в безопасности в объятиях своего лучшего друга. До сих пор я не осознавала, как сильно скучала по нему. – Скажи, если я тебе нужен. Я пойду в библиотеку. Скорее всего сейчас там наплыв людей с «Ред Буллом» и кипами учебников.

Со стороны он выглядит чересчур увлеченным учебой, но это же Илай. Ему в удовольствие залпом поглощать энергетики и учиться вместе с такими сонными ботаниками с красными глазами, которых он едва знает. Да, учеба приводит его в полный восторг.

Я содрогаюсь, представив эту картину – слишком много общения с людьми.

– Ну и зубрила. Развлекайся, люблю тебя.

Утащив с собой все вещи, я устраиваюсь поудобнее на кровати, нагреваю грелку и прижимаю к животу.

Просто мучения. Не знаю, чем я заслужила такие ужасные месячные, еще и одновременно с экзаменом по математике. Я хватаю блокнот и сворачиваюсь калачиком на боку в позе эмбриона. Обжигающее тепло грелки немного облегчает спазмы. Я пытаюсь запомнить термины.

Прежде чем я осознаю это, мои глаза закрываются, и последнее, о чем я думаю перед тем, как заснуть, – это определение многочленов.

– Крошка Халли? – из сна меня вырывает глубокий голос. – Просыпайся, детка.

Вздрогнув, я приоткрываю один глаз и вижу нависшую надо мной темную фигуру в лунном свете. Стоп, сейчас светит луна?

Вот дерьмо.

Уже что, темно? Когда успело стемнеть?

Боже, я проспала полдня. Садясь, я вздрагиваю от боли в животе.

Ай. Спазмы не прошли даже после сна, так еще и усилились!

– Привет, – шепчу я Лейну. Он стоит на коленях у кровати, так что наши глаза оказываются на одном уровне. – Извини, я, должно быть, засиделась за учебой.

Он кивает:

– Илай позвонил мне и сказал, что ты не отвечаешь на звонки, и он рассказал мне… – мои щеки вспыхивают, и жар приливает к лицу. Супер. Илай сказал ему, что у меня месячные.

– Я, э-ээ… Я принес тебе кое-чего, – он тянется к лампе в виде снежного человека на моей тумбочке и включает ее. Теплый свет заливает комнату, и я рассматриваю его. Похоже, он только что вернулся с тренировки. На нем спортивные шорты,

компрессионные чулки, все еще покрытые грязью, и старая футболка с отрезанными рукавами, из-под которой видны его крепкие твердые мышцы.

Я сейчас умираю, а он все равно кажется мне… греческий богом или чем-то в этом роде.

Он ставит передо мной на кровать несколько бумажных пакетов с логотипом продуктового магазина кампуса, и мое сердце сжимается.

– Возможно, это не те, но я, эм… На самом деле я просто купил все, потому что их было так много разных. Черт, их *так* много. Не знал, какие лучше, так что… да, я взял все, что были, – он нервно потирает затылок, смотря на меня своими бездонными изумрудными глазами. – Ну и чуть-чуть лекарств принес.

Он лезет в другой пакет и вытаскивает пачку за пачкой, пока передо мной не оказывается по меньшей мере десять различных безрецептурных обезболивающих. Боже мой.

Мое сердце сжимается. Лейн, бормоча, опустошает пакеты. Обычно за бессвязную болтовню отвечаю я, но сейчас он явно в ударе.

– Потом я понял, что на самом деле мало что знаю о месячных, начал гуглить, и мне действительно чертовски жаль, что тебе приходится проходить через это, Хал. И я тут взял еще кое-чего, что может помочь, – и… достает мои любимые кислые мармеладки.

– Ну, их ты точно любишь, – нерешительно произносит он. Боже мой, неужели Лейн Коллинз сейчас нервничает?

– А потом я вычитал, что тебе может хотеться чего-то необычного, поэтому я взял и это, – из сумки показываются острые чипсы «Читос», маринованные огурцы, четыре разных вида шоколадного мороженого, и еще мой любимый энергетик. – Если это не то, что нужно, я еще раз схожу. Это все я в спешке схватил.

– Это так заботливо, Лейн, – тихо произношу я, отодвигая грелку в сторону и вставая с кровати. – Спасибо.

Я обнимаю его и притягиваю его к себе. И тут же чувствую себя как дома. Мое тело немедленно расслабляется, и я таю в его объятиях.

– Спасибо.

Я чувствую его губы на своей макушке, и он пожимает плечами, как будто в этом нет ничего особенного. Но это очень важно. Просто ужасно важно!

Это самая милая вещь, которую кто-либо когда-либо делал для меня.

– О, и еще, – он отстраняется. – В одной из статей написали,

что теплые ванны – лучшее средство от спазмов, поэтому я принес тебе это. Порывшись в последнем пакете, он достает флакон с ароматной пеной для ванны, и, хотя сейчас такими агрессивными средствами лучше не увлекаться, на глаза наворачиваются слезы.

– Черт, нет, нет, нет. Пожалуйста, не плачь, крошка Халли. Черт, я так и знал, что все испорчу. Не пользуйся ей, если не хочешь, я просто подумал…

Я качаю головой:

– Нет-нет, дело не в этом. Просто это так… трогательно.

Он смахивает большим пальцем мою предательскую слезинку, и его лицо смягчается.

– Я просто сейчас *очень* эмоциональная и не справляюсь с чувствами. Мне приходится готовиться к экзамену, пока моя матка рвется на части, и это кошмарный стресс. А ты такой заботливый, что эмоции вылились через край. Прости, что я плачу как идиотка, – я смеюсь. – Ты лучше всех.

– Ты что! Не извиняйся! – он наклоняется, обхватывая мое лицо своими большими ладонями. – Почему бы тебе не принять какое-нибудь лекарство, а потом залезть в ванну? Полежи, расслабься. А как выйдешь, я помогу тебе с учебой. У нас вся ночь впереди. К утру будешь готова. Не закончим, пока ты не подготовишься на высший балл.

– Но у тебя своя учеба, Лейн. Ты не можешь помогать мне, когда у самого завал.

Он ухмыляется как я люблю – дерзко и уверенно, и постукивает себя по голове:

– Я же Коллинз, детка. Мне не нужно учиться, – он подмигивает, и на секунду я почти забываю, что моя матка горит огнем.

Этот мужчина слишком обаятелен.

– Классно быть тобой, – я смеюсь. – Ладно. Приму ванну, проснусь, наберусь сил, и буду готова.

Он прижимается губами к моему лбу в таком нежном поцелуе, что мне хочется плакать, то ли из-за моих дурацких месячных, то ли из-за его доброты.

Я отстраняюсь, шмыгаю носом и направляюсь в ванную. Тогда я понимаю, что на самом деле не хочу с ним расставаться.

– А ты… ты не сходишь со мной?

Он приподнимает бровь:

– Принять с тобой ванну?

Я киваю:

– Ну… да, если ты хочешь.

– Именно там я больше всего и хотел бы оказаться, детка.

Я никогда раньше ни с кем не принимала ванну, но если с кем-то бы и хотела, так это с ним.

Я не могу поверить, что он все это сделал – боже, он погуглил, как проходят месячные, сходил в магазин и купил все, что мне нужно.

Это даже… романтично.

Вив инфаркт схватит, когда я ей расскажу.

Как только мы заходим в ванную, Лейн включает воду, затем исчезает за дверью и возвращается с двумя маленькими свечками и зажигалкой. Он ставит одну на тумбочку, а другую – на край ванны и зажигает их и выключает свет. Мерцание свечей озаряет ванную теплым, мягким светом. Не слишком ярко, но достаточно, чтобы создать чувственную, интимную атмосферу.

Закончив готовить ванну, он поворачивается ко мне и проводит рукой по волосам. Я уже знаю, что он так делает, если нервничает или расстроен.

– Может мне… пока выйти?

Я качаю головой:

– Нет. Все в порядке. Мне комфортно в твоем присутствии.

Он кивает, но отходит и прислоняется к раковине, пока я раздеваюсь.

Было время, когда я нервничала, стоя обнаженной перед Лейном, и та версия меня определенно бы стеснялась во время месячных, но я не солгала – мне рядом с ним и правда комфортно.

Сейчас он хорошо знаком с моим телом, а месячные – просто часть жизни; еще одна трудность, через которую проходят женщины. Для меня очень важно, что он нашел время, чтобы понять это.

Я тянусь к подолу своей толстовки и стягиваю ее через голову, бросая на пол у ног, затем стягиваю шорты и до смешного уродливые трусики.

– Не обращай на них внимания, пожалуйста. Это самые позорные трусы, что у меня есть.

– А мне кажется, что эти черные хлопковые трусики, возможно, самая сексуальная вещь, которая у тебя есть, – он приподнимает бровь и улыбается. На его щеке появляется ямочка. – Они такие невинные.

Если бы здесь было больше света, он бы увидел румянец на моих щеках до самой груди, но я молюсь, чтобы в полумраке он этого не заметил. Заведя руку за спину, я расстегиваю лифчик, обнажая грудь, и позволяю ему упасть на пол вместе с остальной одеждой.

Я сажусь на унитаз и быстро вынимаю тампон, выбрасываю его и отбрасываю трусики в сторону.

– Готов?

Он кивает:

– После тебя, детка.

При первом же прикосновении пальца ноги к воде у меня по спине пробегают мурашки. Она очень горячая. Как я люблю. Я погружаюсь в ароматную воду и постанываю, когда она покрывает мое тело. Это именно то, что мне было нужно.

Я тут же полностью расслабляюсь.

– Хал?

– Мм?

– Перестань издавать такие звуки. Моя сила воли висит на волоске.

– Может, мне этого и надо.

Глава 19
Лейн

Хотелось бы думать, что я хорошо владею собой, но наблюдая, как Халли по нос погружается в мыльные пузыри, и при этом с ее губ срывается хриплый стон, я кое-что в себе переосмысливаю.

Когда дело касается нее, у меня совершенно нулевая выдержка, и сейчас это особенно заметно.

Я быстро сбрасываю одежду и захожу в воду. Я устраиваю ее у себя между ног, ее миниатюрное тело плотно прижимается ко мне спереди, и она все глубже погружается в мои объятия.

Неужели с Халли все вот так просто? Такие моменты кажутся важнее, чем то, на что мы с ней договорились. В последнее время мне кажется, что контракт, с которого мы начали, остался в прошлом.

Я не говорю ей этого, потому что не уверен, что она чувствует то же самое.

Халли Джо Эдвардс слишком хороша для такого парня, как я. Для того, кто понятия имеет, чего вообще хочет от жизни и кто он вообще такой. Она – лучший человек, которого я когда-либо знал, и она заслуживает того, кто будет ставить ее на первое место, вознесет ее так чертовски высоко на пьедестал, что никто никогда к ней не прикоснется.

Она же совсем юная, только первокурсница. Ей многому предстоит научиться, многое попробовать. Столько всего нужно сделать в жизни. С моей стороны чертовски эгоистично представлять себе сценарий, который разворачивается иначе, чем тот, о котором мы договаривались.

Вот почему я до сих пор не признался, что все начинает казаться мне чем-то большим.

Я даже сам не знаю, что такое «большее». Просто знаю, что с ней это «большее», и все.

Точно большее, чем контракт на потерю девственности и уроки того, как чувствовать себя комфортно в сексе. Больше, чем все это вместе взятое.

Прокашлявшись, я крепче обнимаю ее и стараюсь отвлечься от своих мыслей.

– Знаешь, в этих статьях я прочитал кое-что очень интересное.

– М-м? – сонно спрашивает она. Она касается моих ступней пальцами ног с ногтями, покрашенными в фиолетовый. Черт, и

когда такое было, чтобы я лежал с девушкой в ванной и мы трогали друг друга пальцами ног?

– Там написано, что от менструальных болей помогают оргазмы. Организм выделяет химические вещества, дофамин, например, которые действуют как естественные обезболивающие.

Халли смеется. Мой самый любимый звук в этом чертовом мире.

– Извини, но ты сейчас говоришь, как твой брат.

Зарычав, я наклоняюсь и прижимаюсь губами к ее шее, покусывая кожу, пока она не начинает визжать и извиваться в моих объятиях.

– Пожалуйста, ради всего святого, никогда больше не упоминай моего брата, когда мы обсуждаем оргазмы.

Она снова смеется.

– Очень информативная статья. Ты провел тщательное исследование, – дразнит она. – Настоящий ученый.

– Стараюсь угодить тебе, детка.

Я ухмыляюсь, уткнувшись в ее волосы, и испускаю долгий вздох. Я бы с радостью послал к черту свои дела и провел остаток выходных взаперти с ней до самого понедельника. Было бы все так просто.

– Ты когда-нибудь задумывался о том, чем бы ты хотел заниматься, если бы не играл в бейсбол? Кем бы работал?

Этот самый вопрос я задаю себе уже, кажется, несколько месяцев. И до сих пор не нахожу ответа. А мне бы этого очень хотелось. Вероятно, мне было бы намного легче принимать решения, если бы у меня было четкое представление о том, что значит для меня будущее.

Такое чувство, что из постоянного в моей жизни и правда только Халли. Но она, вероятно, не в курсе.

– Не знаю, – честно отвечаю я, пряча эмоции. – Иногда мне кажется, что я во всем разобрался, и тогда наступают такие моменты, как Хэллоуин, когда жизнь, кажется, разлетается на куски. Рентген подтвердил, что перелома у меня нет, и у меня были смешанные чувства. Это хреново, да?

Она поворачивается ко мне лицом и кладет голову на руку, лежащую у меня на груди.

– Совсем нет.

– Какая-то часть меня расстроилась, потому что с переломом я точно не смог бы играть. А если бы я не играл, я мог бы делать в этом гребаном мире все, что захочу. А другая часть меня в контрах с первой, я был в ужасе от того, что получу травму, из-за которой пропущу целый сезон. Хоть я и не уверен по поводу профессионального бейсбола в будущем, сезон я точно не хотел

бы пропустить. На меня рассчитывают. Я подвел бы тренеров, команду, болельщиков.

– Лейн, это же огромная ответственность. На тебя возложено слишком много. Ты не можешь взвалить на себя вообще все, иначе согнешься от тяжести.

– Иногда я именно это и чувствую, – мой голос звучит хрипло и неровно, когда я становлюсь более эмоциональным. – Иногда мне кажется, что я делаю это только для того, чтобы отец не разочаровался во мне. И товарищи по команде заслуживают национального первенства. Они трудились так же усердно, как и я, и, если я не продолжу тренироваться изо всех сил, то поставлю под угрозу их шансы на успех. А мой агент зря потратил время, добиваясь для меня того, за что я даже не собираюсь бороться. Не знаю, Хал.

Было приятно произнести все это вслух. Да и хотя бы частично признаться самому себе. Теперь все ощущается более реальным.

Наверное, мне это было нужно, а то я так и буду избегать сложных решений, ведь мне кажется, что нужно дождаться конца сезона – вот тогда все решится само собой.

Нужно просто пережить сезон – и там уже будет меньше давления. Я уже буду не так сильно загнан в угол, в котором нужно срочно определить свою дальнейшую судьбу.

Да, логика у меня такая, как бы ущербно это не звучало. Халли отвечает:

– Мама всегда говорила, что в такие моменты нужно дать себе поблажку. Потому что в конце концов это тебе придется жить с принятыми решениями. Опусти планку, Лейн. Ты заканчиваешь универ, на твоих плечах тяжесть всего мира, и тебе приходится принимать непосильные решения. Да, ты можешь кого-то подвести, но ты не можешь контролировать абсолютно все. И уж точно чужие чувства. Отец поймет, потому что в первую очередь ты его сын. И он хочет, чтобы ты был здоров и счастлив.

Я вздыхаю, проводя свободной рукой по лицу.

– Ты права. А мы можем вернуться к разговору о том, как я довожу тебя до оргазма? Будущее – тяжелая тема, и я не хочу тратить на это наше совместное время.

Она кивает:

– А я и не поняла, что ты решил довести меня до оргазма. Я думала, они просто помогают при менструальных болях. Я что-то пропустила?

– Значит, ты отказываешься от оргазма? – я начинаю вставать, и она, хихикая, толкает меня обратно, пока моя спина не ударяется о ванну.

– Ладно, ладно, подожди-ка секундочку. Я такого не говорила. Но это будет грязновато, ну… из-за…

– Немного крови меня не испугает, детка. Я же мужчина. Если парень не хочет удовлетворить свою женщину из-за ее месячных, то он просто мальчишка.

Конечно, я не хочу даже думать о том, что кто-то когда-нибудь будет трогать Халли.

Я осторожно поворачиваю ее так, чтобы она прижалась ко мне спиной, и кладу руку ей на горло, нежно сжимая. Я шепчу ей на ухо:

– Позволь мне довести тебя до оргазма пальцами.

Она вздыхает, я слегка сильнее сжимаю ее шею. Я медленно спускаюсь рукой по ее телу, мои пальцы скользят по ключице, переходят к холмам ее груди, вершины которых – ее затвердевшие соски, которые так и просятся, чтобы к ним прикоснулись, потянули за них, прижались губами, зажали между пальцами.

Я обхватываю ее грудь ладонями, сначала нежно трогая чувствительные соски пальцами, но, когда она стонет и всем телом прижимается ко мне, я увеличиваю нажим.

– Мне кажется, тебе нравится немножко грубее, – заявляю я, теребя ее сосок, иллюстрируя свою мысль. Ее всхлипы эхом разносятся по комнате, и мой член, прижимающийся к ее заднице, пробуждается.

Ну что за девушка. Не может не встать, когда она рядом, когда она испускает эти тихие хриплые вздохи и сжимает бедра, думая, что я не обращаю на это внимания.

Другой рукой я провожу по ее плоскому животу к бедрам, широко раздвигая их. Ее спина выгибается, когда моя рука движется ниже. Я раскрываю пальцами ее половые губы, провожу по ее клитору, массирую его круговыми движениями, пока она не начинает извиваться, безмолвно умоляя о большем. Ее грудь вздымается, дыхание сбивается, она все ближе и ближе к оргазму, и тут я останавливаюсь, мои пальцы замирают.

– Лейн, – протестующе стонет она. – *Пожалуйста*.

Я хочу подвести ее к краю, а затем дразнить ее снова и снова, пока она не начнет тяжело дышать, извиваться, слезно просить исполнения желания.

Черт возьми, есть так много всего, чего я хочу с ней сделать. Ко многому она еще не готова, но когда будет – я это сделаю. Я буду у нее первым во всем. Она *моя*. И мысль о том, что кто-то будет делать это с ней потом, сводит меня с ума.

Мои пальцы опускаются еще ниже, обводя ее тугую дырочку, дразня ее, в то время как другой рукой я раздвигаю ее бедра

шире, обеспечивая себе лучший доступ.

– Будь хорошей девочкой и впусти мой палец. Будет туго, но я знаю, что ты справишься, детка.

Я хочу похвалить ее, сказать ей, какая она идеальная девушка, какая у нее красивая киска, как будет приятно чувствовать, как она сжимается вокруг моего пальца. Я ввожу в нее средний палец, а большим пальцем медленно описываю круги на ее клиторе.

Я не тороплюсь, я хочу, чтобы каждая минута длилась как можно дольше. Я начинаю нежно ласкать ее пальцами. На них кровь, но от этого не менее приятно чувствовать, как она сжимается вокруг меня. Ее ноги дрожат, когда мой палец касается ее точки G.

– Тебе нравится, когда я трахаю тебя пальцами? – шепчу я ей, двигая бедрами.

У меня такой твердый, что даже больно, но сейчас мы занимаемся Халли.

Я хочу только ее удовольствия.

Моя свободная рука скользит вверх по ее телу, обхватив ее лицо и повернув к себе для поцелуя. Я не могу продержаться больше ни секунды, не попробовав ее на вкус, не испив каждую каплю удовольствия, которое она испытывает, тяжело дыша. Я притягиваю ее рот к своему и прижимаюсь губами к ее губам.

Целовать Халли – все равно что возвращаться домой. Как будто я нашел сюда путь после долгих поисков. Черт, да целовать Халли – это для меня *все*.

Она – это все.

Я жадно целую ее, отчаянно желая большего. Ее язык соприкасается с моим, он втягивает его в свой рот, и я собираю в кулак всю волю, чтобы не кончить. Я целую ее крепче, ввожу еще один палец, и она прижимается ко мне, не прерывая поцелуй.

– Она такая тугая. Ты идеальна, детка. Мне нравится чувствовать, как ты сжимаешь мои пальцы, – шепчу я ей, пока она повторяет мое имя снова и снова. – Хорошая девочка. *Моя* хорошая девочка.

– Я хочу… Я… – она задыхается, останавливаясь, чтобы сделать отчаянный вдох.

– Скажи мне, чего ты хочешь, Халли.

Ее бедра вздрагивают, пока я трахаю ее, с каждым разом все глубже, но поддерживая темп, и этот звук эхом разносится по ванной комнате.

– Кончить. Мне нужно… Лейн… *Пожалуйста*, – она умоляет, и я не могу ей отказать.

Не вынимая из нее пальцы, я массирую точку G, отчего она

выгибает спину, впиваясь ногтями в мою руку на ее лице. Ее киска сжимает мои пальцы, когда она кончает, вскрикивая:

– Боже! О-ооо…

Она прижимается ко мне на пике оргазма, и мой ритм замедляется только тогда, когда я чувствую, как ее тело расслабляется и, наконец, обмякает. Я вынимаю из нее пальцы, позволяя воде смыть кровь.

– Вот это моя девочка.

Как только она поднимает на меня взгляд с милой, удовлетворенной улыбкой, и я понимаю, что вода остыла. Я поднимаюсь и поднимаю ее и включаю очень горячий душ, как она любит.

– Иди сюда, – говорю я ей, притягивая ее спиной к себе прямо под струи воды, чтобы она не замерзла, и беру шампунь.

Я набираю немного на ладонь, а затем наношу ей на волосы, еще несколько секунд массирую кожу головы, и наконец на кончики.

– Сегодня я чувствую себя слишком избалованной. Спасибо, Лейн.

– Обращайся в любое время.

А вот этого никто из нас не готов признать. Время – то, чего у нас не так много.

Контракт заключен на определенный срок, даже если никому из нас этого не хочется.

Глава 20
Халли

Лейн: Прежде, чем мы разъедемся по домам на каникулы, я хочу увезти тебя куда-нибудь на выходные. Побудем только вдвоем.

Халли: Это ведь не поход, да? У меня непреодолимое отвращение к жукам, сну на земле и отсутствию кондиционера.

Лейн: Нет, но это в лесу. Но больше ничего не скажу. Да или нет, крошка Халли?

Халли: Да. *Вздыхаю*. Всегда говорю да, Лейн Коллинз.

– Не могу поверить, что это твой первый… выезд с ночевкой! – вскрикивает Вив, поворачиваясь в педикюрном кресле ко мне лицом. – Вот в эти выходные *все* и случится. И ты это знаешь.

Под «всем» она имеет в виду потерю девственности. И она права. Я совершенно уверена, что в эти выходные мы с Лейном наконец-то покончим со всеми этими прелюдиями. И знаете что? Я умираю от желания.

Этот человек невероятно талантливо владеет не только языком, но и пальцами, и последние несколько недель я уже на грани.

Я хочу этого, и я на сто процентов готова потерять девственность. Я готова заняться сексом с Лейном.

– Пора попрощаться со своей девственной плевой, – шутит Вив. Она слишком этому рада. – А это значит, что у нас есть примерно половина дня, чтобы тебя подготовить. Когда вы уезжаете?

Я смотрю на часы:

– В четыре. Это в двух часах езды. А Илай ничего не говорил о том, куда Лейн хочет меня увезти?

Она качает головой:

– Не-а. А даже если и да, я тебе бы точно не сказала. Это же сюрприз! Пора жить на полную, Халли. Это год твоей «настоящей жизни», помнишь? Позволь возмутительно сексуальному капитану бейсбольной команды, также известному как брат твоего лучшего друга, увезти тебя на сладострастные выходные, полные приключений, и не задавай абсолютно никаких вопросов, кроме: «Могу ли я отсосать твой…»

Я швыряю в нее телефон, попадая прямо в грудь. Боже, у нее совершенно нет стыда. Я не стесняюсь того, что я все еще

девственница, но зачем об этом знать всему маникюрному салону.

Господи!

Вздохнув, я откидываюсь на спинку кресла, закрываю глаза и пытаюсь насладиться массажем спины, пока мне красят пальцы на ногах. Похоже, Лейну нравится фиолетовый, так что на этот раз я выбираю светло-лавандовый.

– Итак, педикюр, восковая эпиляция, магазин нижнего белья, и-иииии наконец, сбор вещей. Ничего не забыла?

Мои брови взлетают вверх, а глаза резко распахиваются:

– *Нижнего белья*? Нет. Точно нет. Ни за что. Этому *не* бывать. Я не любитель эротичных кружев, и мне неудобно уже при одной мысли об этом.

– Халли, – цокает Вив, закатывая глаза. – Парни *очень* простые, как две копейки. Он просто хочет увидеть тебя в чем-нибудь сексуальном, сорвать это с тебя и заняться с тобой грязными делишками.

В чем-нибудь *сексуальном*…

– Подожди, ты подкинула мне идею. Где я могу срочно купить спортивную форму?

Она совершенно дико улыбается, и это именно та реакция, которую я от нее ожидала. Она тут же поняла, что у меня на уме.

* * *

Как и подобает настоящей Халли, я опаздываю. Но всего на полчаса так что это почти победа. Сборы заняли больше времени, чем ожидалось, поскольку я не была точно уверена, что надевают, чтобы потерять девственность, так что… я взяла половину гардероба. Знаете, *на всякий случай*. А после выходных мы сразу же поедем по домам на праздники, так что мне нужно было убедиться, что я готова провести вдали от своего шкафа неделю.

Странно думать о том, что мы… не живем в одном доме с Лейном, хотя мы прожили вместе всего несколько месяцев.

Мне не нравится эта мысль.

– Готова? – Лейн просовывает в дверь голову в моей любимой потертой бейсболке. Она надета, конечно, задом наперед, потому что ему нравится заводить меня.

На этой планете буквально нет ничего более сексуального, чем горячий мужчина в кепке, надетой задом наперед. Почти так же сексуально, как серые спортивные штаны.

– Ага, – бодро отвечаю я, закидывая сумку на плечо и чуть не падая под ее тяжестью. Ладно, может быть, мне и не нужны были

четыре пары одной и той же обуви. Синдром вечного перегруза.

Лейн смеется, подходит и забирает у меня сумку, закидывая ее себе на плечо так, будто она ничего не весит.

– Я попрощаюсь с Илаем. Подождешь в машине?

Он кивает:

– Ага. Я уже нашел для нас подкаст в дорогу – «Легенды о криптидах».

Если бы мое сердце и так не билось со скоростью сто миль в час, то от того, как он многозначительно двигает бровями, в сочетании с улыбкой, от которой мокнут трусики, оно бы точно превысило скорость.

Он выбрал для нас подкаст?

Нет слов. Именно про такое снимают милые ролики в Тик-токе.

Когда он уходит, я делаю глубокий вдох, пытаясь сдержать обуревающие меня эмоции. *Отделяй чувства от секса, Халли.*

Я повторяю это всю дорогу до кухни, и когда вижу, как Илай готовит на столе свою любимую «Нутеллу» с арахисовым маслом, я улыбаюсь.

– Мы выезжаем, – я толкаю его в плечо, и он обнимает меня одной рукой, притягивая к себе.

– Повеселись, но, знаешь, не слишком веселись.

Он дразнит меня, и я за это тычу его локтем в ребра. Но, честно говоря, если это моя кара за то, что я… ну… вытворяю с его братом, то я приму это с честью. Я благодарна Илаю за то, что он хорошо отнесся к нам с Лейном. Поссориться с ним было бы для меня невыносимо. Мы дружим с самого детства, и я не могу представить свою жизнь без него.

Я благодарна, что есть *мы*.

– Увидимся через три дня, ладно?

Засмеявшись, он пожимает плечами:

– Ну не знаю, вдруг мои родители переехали, пока я учился в универе.

– Заткнись.

– Ну конечно я буду там, Хал. Как всегда, – поднеся ко рту нож, покрытый «Нутеллой», он долго облизывает его.

Я морщу нос от отвращения. Фу!

Мы быстро прощаемся, затем я направляюсь к машине Лейна и сажусь на пассажирское сиденье, а он придерживает дверцу открытой. Когда он садится за руль и мы выезжаем на шоссе, он быстро включает подкаст и одаривает меня мальчишеской улыбкой.

Он такой красивый, что я почти забываю, как дышать.

Дорога на наш секретный уик-энд проходит быстро, в основном потому, что подкаст, который выбрал Лейн, просто невероятный, и мне не терпится добраться до своего ноутбука, чтобы провести исследование для нашего собственного эпизода.

Вдруг мы сворачиваем на длинную огороженную подъездную дорожку, которая прячется далеко за деревьями. Осень уже завладела природой; выгоревшие оранжевые и коричневые листья разбросаны по земле перед высокими воротами из черного кованого железа.

Мои глаза расширяются от удивления.

– Нихрена себе!

Я едва вижу дом в глубине двора, но, судя по всему, он… он *огромный*. Огромный как настоящий особняк, не похожий ни на что, где я когда-либо бывала.

Лейн опускает стекло машины, быстро вводит код, и тяжелые ворота перед нами со скрипом открываются, пропуская нас внутрь. Через несколько секунд я оглядываюсь и вижу, как они закрываются за нами.

Первое, что я замечаю, – огромные панорамные окна. Они тянутся вдоль всего дома от первого этажа до третьего, и я представляю, как внутри красиво на рассвете. Я надеюсь, что мне удастся понаблюдать за восходом солнца прямо перед одним из этих окон. Снаружи дом полностью выполнен в черном цвете, его украшают промышленные трубы в стиле лофт. Стильный и уютный домик.

Подумаешь, громадный *особняк*, ничего особенного.

Он паркуется, выходит из машины и, обойдя ее, с кривой ухмылкой открывает мою дверцу:

– Ну, что думаешь?

– Эм… я все еще в шоке, если честно.

Выйдя из машины и оглядывая огромную территорию, я размышляю:

– Ты что, выиграл в лотерею и забыл мне об этом сообщить?

Смеясь, он закрывает за мной дверь:

– Не-а. Ты бы первая узнала. Это дом родителей Риза. Они им не пользуются, так что предложили мне провести здесь выходные.

Вот это да.

– А я не знала, что Риз…

– Богатенький? – продолжает он. – Да, они богачи. Частный самолет и все такое. Риз просто об этом не распространяется. Говорит, что это деньги его родителей, а не его.

– Вау.

Лейн открывает заднюю дверцу и достает наши сумки, затем захлопывает ее и берет меня за руку.

– Ну, пойдем, изучим.

Я киваю и следую за ним.

Лейн вводит код на еще одной панели на входной двери, дверь открывается, и он заводит меня внутрь.

До сих пор не верится, что Риз – тайный наследник трастового фонда и что я сейчас стою в холле его дома, такого большого и красивого…

И что я проведу здесь выходные с Лейном.

Он оставляет наши сумки у лестницы в конце вестибюля, мы осматриваем дом и быстро понимаем, что в нем по меньшей мере семь спален и, возможно, даже больше ванных комнат.

Все здесь такое шикарное, что мне немного страшно к чему-либо прикасаться – вдруг у меня случится приступ паники, и я сломаю что-нибудь, что не смогу починить и уж точно не смогу позволить себе заменить.

– Расслабься, детка. Давай я покажу тебе хозяйскую спальню, – говорит он, увлекая меня за собой к последней двери в конце коридора на втором этаже. В ней стоит громадная двуспальная кровать с темно-изумрудным покрывалом и подушками в тон. Вся мебель выполнена из темного кипарисового дерева, которое контрастирует с глубокими изумрудными акцентами и вызывает в моих глазах неподдельный восторг.

Это потрясающе. Добавить к этому мои странные дизайнерские решения, – и дом мечты готов.

– Как красиво, – восклицаю я, скидывая туфли и подходя к кровати, а затем плюхаюсь на плюшевое покрывало. О Боже. Это рай. Она как облако, серьезно.

Лейн улыбается, прислонившись к дверному косяку и скрестив руки на груди, демонстрируя свои восхитительные бицепсы. Никогда не надоест смотреть на этого мужчину.

Я похлопываю по кровати рядом с собой, и он качает головой:

– Прости, детка, но у меня есть планы на сегодняшний вечер, которые не осуществятся, если я лягу с тобой в постель.

Ладно. Хорошо. Но разве его планы не связаны с кроватью?

– Интересно, – я неловко смеюсь, садясь. – Не хочешь рассказать мне о них?

– Еще один сюрприз.

Как бы я ни любила сюрпризы, я просто хочу провести с ним время, насладиться мгновениями, проведенными наедине.

– Хорошо. Я пока позвоню Вив и сообщу, что мы доехали, а еще расскажу про подкаст, который мы послушали. Не могу терпеть.

Лейн подходит к кровати, наклоняется и целует меня без единого слова. Его руки обхватывают мое лицо, а губы накрывают

мои, мгновенно лишая меня воздуха.

Когда я пытаюсь углубить поцелуй, посасывая его язык, переплетающийся с моим, он отстраняется, тяжело дыша.

– Черт, Хал. Позже, ладно?

Я киваю, закусив губу.

– Ладно.

Хотя я уже в боевой готовности и не хочу терять ни секунды, не узнав, каково это – отдаться Лейну.

Следующий час я провожу за своим ноутбуком, перечитывая статьи и делая заметки для нашего с Вив следующего эпизода. Мы думаем, что он выстрелит. После сообщения о том, что мы добрались в целости и сохранности и что, хотя я глубоко в лесу, снежный человек меня не похитил, мы решили, что запишем подкаст в доме моих родителей на выходных.

Все это время я слышала, как Лейн возится внизу на кухне и готовит что-то вкусненькое. От запахов, которые оттуда доносятся уже почти час, мой желудок урчит. Я умираю с голоду, а это исследование требует серьезных умственных усилий.

Прежде чем выключить ноутбук, я просматриваю комментарии к выпуску прошлой недели и отвечаю на них. Замечаю комментарий от постоянного подписчика:

AliensRReal: Как всегда шикарно. Интересно было послушать, что вы думаете по этому поводу. До связи! (смайлик).

Я благодарю комментатора и добавляю смайлик для пущей убедительности, затем закрываю ноутбук и спускаюсь по величественной винтовой лестнице, проводя пальцами по перилам, когда в поле зрения появляется Лейн. Он что-то напевает себе под нос, застегивая фартук на талии, и закрывает духовку.

– Привет, – оживляюсь я, добравшись до лестничной площадки. – Это и *есть* мой сюрприз?

Его улыбка так заразительна, что я невольно улыбаюсь еще шире. Боже, как же мне нравится эта версия Лейна. Расслабленная, беззаботная, *счастливая*.

– Частично. Я приготовил твое любимое блюдо.

Мои глаза широко раскрываются от удивления.

– Пирог с раками?

Он кивает.

Боже мой.

Есть только один способ, как он мог приготовить этот пирог…

– Я попросил рецепт у твоей мамы.

– Т-ты сказал ей, что мы… – заикаюсь я. О боже, кажется,

меня сейчас вырвет.

Как бы я ни любила пирог с раками… моя мама что, знает, что мы с Лейном..? Или папа? БОЖЕ МОЙ.

– Халли, господи, нет, конечно. Я сказал, что сегодня моя очередь готовить ужин.

В груди разливается облегчение, и желудок перестает крутить. Слава богу!

Это был бы самый неловкий разговор в мировой истории. Не из-за того, что у нас с Лейном что-то есть, а из-за того, что на самом деле мы не вместе и просто… ну… трахаемся.

Ну, пока нет, но с сегодняшнего вечера так и будет. По крайней мере, сейчас я молюсь, чтобы сегодня *наконец-то* наступил тот самый вечер.

– Я бы никогда не стал обсуждать наши отношения за твоей спиной или, по крайней мере, если бы я сначала не поговорил с тобой. Ну, ужин почти готов. Проголодалась?

Я киваю.

– С каких это пор ты умеешь готовить? – спрашиваю я, усаживаясь за богато украшенный кухонный стол из темного дерева. Он уже накрыл стол на двоих с тарелками, бокалами, столовыми приборами и салфетками. – По-моему, я никогда не видела, чтобы ты что-нибудь готовил, а я живу с тобой уже примерно три месяца…

– Если я редко готовлю, то это не значит, что я не умею, детка. Просто обычно я готовлю что-то простое – курицу, индейку, овсянку. Мне нужно питаться правильно, чтобы оставаться в форме. – Он пожимает плечами. – Не могу позволить себе часто есть жирное и углеводы. Хотя это, конечно, самое вкусное.

Это правда. Каждое утро после зарядки он готовит протеиновые коктейли и постоянно что-нибудь перекусывает на ходу, но ничего такого, от чего можно было бы сильно полнеть.

А вот я… выживаю на пицце и силе духа.

Пока мы разговариваем, он надевает прихватку и достает из духовки горячий, исходящий паром пирог. От запаха у меня текут слюнки, а в животе громко урчит. Рассмеявшись, Лейн ставит передо мной тарелку с моим самым любимым блюдом на планете.

Боже, пахнет просто потрясающе. Корочка идеальная, золотисто-коричневая. Я жду, когда Лейн присоединится ко мне, и только потом откусываю первый кусочек, постанывая.

– Боже мой! Это невероятно. Вкус абсолютно такой же, как у маминого, Лейн! Она бы тобой гордилась.

Он улыбается:

– Я очень рад. Я буду чаще для тебя готовить, если ты и дальше будешь издавать такие звуки.

Я фыркаю, закатив глаза.

– Да иди ты! Серьезно, у тебя есть скрытый талант, о котором я и не подозревала. Это так вкусно!

– Спасибо.

Несколько минут мы молча едим, оба слишком сосредоточенные на изумительном блюде. И когда мы заканчиваем, я тут же стараюсь выяснить, что еще он запланировал.

– Итак, раз уж ты распланировал все эти выходные, что у нас дальше на повестке дня?

Он пожимает плечами:

– Все, что захочешь, детка. Я только хотел приготовить тебе ужин. У них есть джакузи… хочешь в него залезть? Сегодня немного прохладно.

– Определенно. Я схожу за купальником?

– Я пока все помою. Встретимся там через десять минут?

Я киваю, поднимаясь со стула, затем наклоняюсь вперед и прижимаюсь губами к его губам в поцелуе, который быстро становится обжигающе горячим.

С ним всегда так. Легко. Непринужденно.

– Через десять минут.

Я провожу пальцами по его подбородку, чувствую кончиками пальцев, как он вздрагивает, и улыбаюсь.

Мне нравится, что он откликается на меня так же, как и я на него.

Глава 21
Лейн

Вода в джакузи идеальная, но далеко не такая идеальная, как Халли в этом черном купальнике со звездами.

На ней только несколько лоскутков черной ткани, и я не сомневаюсь, что этот образ навсегда останется в моей памяти. Она будет сниться мне каждую ночь до самой моей кончины. И даже тогда это все равно будет ничто по сравнению с тем, какая она на самом деле.

– Крошка Халли, ты прекрасна, ты знаешь об этом? – спрашиваю я, когда она устраивается напротив меня, прислонившись к стенке джакузи. Мы сидим на небольшом расстоянии. Хотя мне это не нравится, это необходимо.

В основном потому, что у меня не хватает выдержки – я никогда ничего в своей жизни не хотел так, как хочу ее. Такое сильное желание одновременно и вдохновляет, и пугает.

– Спасибо.

Ее щеки раскраснелись из-за горячей ванны и, вероятно, моего комплимента. Даже после того, как мы провели вместе столько времени, она все еще смущается от моей похвалы, как будто не верит.

Как бы я хотел, чтобы она видела то, что вижу я всякий раз, когда смотрю на нее. Чувствовала то, что чувствую я.

Чтобы хоть на мгновение увидела себя моими глазами.

Тогда у нее больше никогда не возникнет сомнений. Она никогда не будет сомневаться в моем влечении к ней и не станет задаваться вопросом, нравится ли мне то, что она делает.

Она уже не та девушка, какой была в тот первый вечер, но иногда я улавливаю проблески той застенчивой Халли.

– Спасибо, что привез меня сюда, Лейн, – она лучезарно улыбается, чем поражает меня прямо в сердце. – Это невероятное место, и, честно говоря, после такого стресса это именно то, что мне было нужно. И быть здесь, с тобой… – ее слова обрываются.

Я не могу больше терпеть ни секунды, поэтому хватаю ее за руку под водой и притягиваю к себе, пока она не оказывается у меня на коленях.

– Эй, – воркую я, проведя большим пальцем по ее подбородку, не отрывая от нее взгляда. – Я сейчас там, где очень хочу быть – я здесь с тобой, детка.

– Хорошо. Хорошо, что мы на одной волне, – она улыбается. – Итак… мы здесь… совсем одни… посреди леса… – она легонько

трется бедрами о мой член, который уже твердеет, потому что я совершенно не контролирую себя, когда дело касается этой девушки. Наклонившись вперед, она проводит пальцем по моим губам, дразня меня, а потом отстраняется и прикусывает нижнюю губу. – В этом большом… пустом доме… Чем бы нам заняться, чтобы скоротать время?

Кокетливая улыбка, дразнящий тон ее голоса и ее большие голубые и невинные глаза сводят меня с ума. Черт. Черт. Халли мне нравится по многим причинам… но это?

У меня нет ни единого гребаного шанса.

Моя рука скользит по влажным волосам у нее на затылке, перебирая шелковистые пряди, и я запрокидываю ее голову назад, обнажая шею.

– Даже не знаю, Халли, – бормочу я, прижимаясь губами к ее коже, которая уже кажется горячей на ощупь. Я провожу языком по ее шее, царапая зубами место, где бьется пульс. – Полагаю, нам придется включить воображение?

Мои губы опускаются все ниже и ниже, мой язык прокладывает дорожку по ее коже, пока я не добираюсь до ее сосков, торчащих через маленькие треугольнички. Я протягиваю руку за ее спину и развязываю узел купальника. Мои большие пальцы скользят под ее грудью, и у нее перехватывает дыхание.

Черт, как же мне нравятся ее сиськи.

Тяжелые и полные, но в то же время достаточно маленькие – идеально помещаются в ладони. Розовые соски твердые и напряженные, и так и просятся в мои губы.

Мой любимый оттенок розового на ее фарфоровой коже.

– Я их обожаю, – бормочу я, опуская голову, чтобы обхватить губами чувствительные соски, втягиваю их в рот и перекатываю между зубами. – Какие же они красивые.

Халли теребит пальцами мои волосы, выгибая спину, и прижимается грудью к моему рту, отчего мои губы растягиваются в улыбке. Мне нравится сводить ее с ума.

Я хочу посмотреть, смогу ли я довести ее до оргазма только с помощью рта. Такой вот «эксперимент», еще один урок.

И это лучшее в нашем… *соглашении* с Халли – я первый, кто узнает это о ней. Я первый и единственный мужчина, который прикасался к ней так, разучил ее партии и исполнил их. Я столько раз проводил пальцами по ее коже, что помню это ощущение даже когда мы не вместе. Мои пальцы оставили следы, которые не видны глазу, но всегда будут напоминать о том времени, которое я провел, знакомясь с каждым сантиметром ее тела.

Мои пальцы скользят вдоль ее позвоночника, когда я обвожу

языком ее чувствительный сосок, лаская его до тех пор, пока она не начинает похныкивать каждый раз, когда я отстраняюсь.

– Пожалуйста… Я…

Отрывая рот от ее груди, я отстраняюсь, чтобы заглянуть в ее вожделеющие глаза с отяжелевшими веками:

– Не торопи меня, крошка Халли. Я хочу запомнить каждый момент, и на это нужно время. Я же всецело посвящаю тебе себя.

Она смеется, ее голос хриплый и сбивчивый, она горит желанием.

– Правда?

– Угу.

Я целую эрогенную зону за ее ухом и шепчу, касаясь губами ее кожи:

– Целиком и полностью. И все, о чем я сейчас могу думать, это о том, как ты кончаешь мне на лицо.

Она дрожит в моих объятиях, когда нас обдувает холодный ветерок, отчего по ее коже пробегают мурашки.

– Замерзла, детка?

Она кивает, погружаясь глубже в теплую воду. У меня все горит внутри из-за моего желания, поэтому я и не заметил, что температура упала на несколько градусов с тех пор, как мы залезли в джакузи.

– Давай зайдем в дом и согреемся.

Она кивает, и я встаю, не отпуская ее. Вскрикнув от неожиданности, она обвивает руками мою шею и крепко держится, пока я вылезаю из джакузи и иду по веранде к задней двери. Я заношу ее в дом и несу в спальню.

Я уже бывал здесь раньше с Ризом, но не в этой спальне, поэтому до сегодняшнего дня понятия не имел, что в прилегающей к ней ванной комнате вдоль стены, противоположной раковинам, висят зеркала от пола до потолка.

Осторожно поставив Халли на ноги, я подхожу к душу и включаю очень горячую воду, затем закрываю дверцу.

– Давай-ка снимем их, – мои губы растягиваются в дьявольской улыбке.

Конечно, я беспокоюсь о том, что Хэлли мерзнет в мокрых плавках, практически голая, но еще я безумно хочу увидеть ее без них.

Мои пальцы скользят вдоль пояса плавок, по чуть-чуть спускаясь и поглаживая ее гладкую кожу.

– Можно их снять?

Халли кивает, прикусив губу, пока я стягиваю промокшую ткань с ее бедер. Когда плавки касаются ее ступней, она отбрасывает их, и теперь на ней только изящный браслет с йети

на лодыжке и маленьком кольце с инопланетянином в пупке.

Я жажду прикоснуться к ней, но делаю шаг назад, медленно обводя взглядом ее тело, начиная с приоткрытых губ. Она облизывает их, пухлые и красные от моих поцелуев. Я перевожу взгляд ниже, к ее груди, которая вздымается с каждым ее вздохом, ее маленькие напряженные соски ожидают моих ласк.

Черт возьми, мне стоит огромных усилий не подойти и не поцеловать их, но я не отрываю взгляда от ее плоского живота, мягких изгибов бедер и маленького треугольника между ног. Она такая розовая и чертовски хорошенькая. Я вижу крошечный кусочек ее клитора и, застонав, опускаю руку в шорты, чтобы поправить свой член.

Я так возбуждаюсь от одного взгляда, и я понятия не имею, как долго смогу продержаться, когда наконец окажусь внутри нее.

Она совершенна во всех смыслах этого слова. Халли Эдвардс – это мечта.

– Черт возьми, Халли, – выдыхаю я.

Несмотря на расстояние между нами, я вижу, как горят ее щеки.

– Что? – она скрещивает руки на груди, чтобы прикрыться, и в этот момент я решаю, что не могу больше терпеть ни секунды.

– Не прикрывайся, – говорю я, становясь перед ней, осторожно взяв ее запястья и опустив ее руки по бокам. – Никогда не надоест смотреть на тебя, Халли. Я никогда не устану наблюдать, как ты краснеешь, когда нервничаешь, или как бьется пульс на твоей шее, когда я делаю тебе комплимент, или как ты выглядишь во время оргазма.

Мои руки находят ее талию, и я притягиваю ее к себе, свободной рукой приподнимая ее подбородок.

– Я никогда не знал совершенства, пока не появилась ты, – шепчу я, прижимаясь лбом к ее лбу. Я думал, его не существует, но ты живое доказательство того, что это не так, крошка Халли.

Она снова краснеет, заправляя прядь волос за ухо, а ее руки взлетают к моей шее, заключая меня в крепкие объятия.

На секунду мы просто… существуем. Касаемся друг друга. Я никогда похожего не испытывал ни с кем другим. Я во многом стал у нее первым, но она не подозревает, что и она у меня тоже первая кое в чем.

Например, я впервые по-настоящему забочусь о девушке вне сексуального аспекта.

Когда я отстраняюсь, то подвожу ее к зеркалу.

– Посмотри на себя, – мой взгляд задерживается на ее теле, я облизываю губы и качаю головой, не веря, что меня может так сильно привлекать другой человек.

Ее взгляд скользит по своему отражению, следуя за моими руками, и она судорожно глотает, ее горло заметно вздрагивает. Зеркало начинает запотевать из-за пара, из-за обильной влаги наши тела становятся скользкими от пота.

Я обхватываю ее грудь ладонями, проводя большими пальцами по упругим соскам. Слышу, как у нее перехватывает дыхание, когда я перекатываю их между пальцами, теребя и дразня. Я касаюсь губами ее шеи, покусываю кожу. Она постанывает, закрыв глаза.

– Смотри, – рычу я хриплым от желания голосом. – Я хочу, чтобы ты видела то, что вижу я, Халли. Я хочу, чтобы ты увидела себя моими глазами.

Скользя руками вниз по ее животу, я медленно провожу пальцами вниз к ее щелочке, обнаруживая, что она уже намокла. Я провожу пальцем по ней, и ее руки взлетают к моему затылку, когда подушечка моего пальца касается ее клитора.

Влажность окутывает нас, словно одеяло, пар покрывает каждую поверхность, и это похоже на лихорадочный сон. Мой палец покрыт ее соками, ее сочная попка прижимается к моему члену.

– Смотри, – требую я.

Ее глаза распахиваются, а губы приоткрываются, когда я слегка сжимаю пальцами ее клитор.

– Посмотри, какая ты чертовски красивая. Возбужденная и готовая для моих пальцев.

Я убираю пальцы с ее киски, провожу губами по мочке ее уха и шепчу:

– Прикоснись к себе, Халли, и посмотри в зеркало.

Ее глаза слегка расширяются, и она колеблется. Но через мгновение она просовывает руку себе между ног.

– Покажи мне, что ты делала по видеосвязи. Покажи, как ты заставила себя кончить.

Средним пальцем она медленно теребит свой клитор. Ее движения робки и неторопливы, но с каждым движением ее дыхание становится немного быстрее.

– О боже, – восклицает она, закрывая глаза и откидываясь на меня, когда ее ноги начинают дрожать.

Мы опускаемся на пол на большой плюшевый ковер рядом с зеркалом, я укладываю ее на спину, затем обхватываю внутреннюю сторону ее бедер, раскрывая их. Как бы мне не нравилось видеть, как она трогает себя, я хочу ощутить ее вкус. Мне это *необходимо*.

Ее киска розовая и блестит от возбуждения, когда я наклоняюсь вперед и долго, неторопливо, провожу по ней языком.

Ее лицо все еще обращено к зеркалу, и это не случайность.

– Я хочу, чтобы ты видела, как я лижу твою киску, Халли. Смотри, как я наслаждаюсь.

Снова опуская голову, я обхватываю губами ее клитор и посасываю, дразня ее вход пальцем. Я касаюсь его кончиком языка, моя рука скользит по ее животу, чтобы удержать ее неподвижно, когда она извивается. Даже когда она кричит, ее глаза не отрываются от отражения и наблюдают как я облизываю ее, как одержимый.

Я ввожу палец внутрь нее, стимулируя точку G, и снова обвожу ее клитор языком.

– Лейн, – выдыхает она, одной рукой вцепившись мне в волосы и двигая мою голову в такт движениям своих бедер, а другой рукой сжимает свою грудь.

Шум воды не заглушает сладострастные звуки, когда я трахаю ее пальцами. Ее смазка покрывает мои пальцы и рот, пробуждая во мне что-то первобытное и собственническое.

Я просовываю еще один палец в ее киску, и она такая тугая, такая чертовски влажная, когда сжимается вокруг них.

– Черт, Халли, – выдыхаю я, прежде чем еще раз прикоснуться к ее клитору. Она близка к оргазму – я чувствую это по тому, как она сжимается, ее бедра прижимаются к моему лицу, напряжение нарастает. Ее дыхание прерывистое, ее пальцы крепко вцепляются в мои волосы, когда я касаюсь языком ее клитора и усердно его посасываю, мои пальцы работают в устойчивом ритме. Она стонет, и я чувствую, как она начинает дрожать, ее ноги трясутся, когда она обхватывает ими мою голову.

– Кончи мне на лицо, Халли. Я хочу почувствовать твой вкус, – бормочу я в ее киску.

Когда я снова вставляю в нее пальцы, ее спина выгибается дугой, и она вскрикивает, и я чувствую еще больше влаги на пальцах.

– Это слишком… Я… – она мотает головой из стороны в сторону и сжимает свою грудь, и ее киска вдруг сильно сокращается вокруг моих пальцев. – Слишком интенсивно… Я не могу. Такое чувство… – ее глаза затуманены, а слова путаются. Она так тяжело дышит, что едва может говорить. – Лейн… Лейн… Лейн… О боже, кажется, я сейчас *описаюсь*…

Черт, черт. черт. Она что…? Да, черт возьми!

– Нет, детка, это сквирт, – торжествующе выдавливаю я.

А я сейчас кончу в штаны.

Я провожу языком по ее клитору, двигаю пальцами, массируя точку G быстрее, и она кончает с яростным криком.

– О… о… *БОЖЕ!*

Я ласкаю ее киску, пока она сжимается вокруг моих пальцев и течет мне на лицо. Никогда в своей гребаной жизни я не был так возбужден. Я такой твердый, что мне по-настоящему больно.

– Вот так, Халли. У тебя так здорово получилось, детка, – говорю я, поглаживая ее киску. Только когда мои прикосновения начинают доставлять дискомфорт, я, наконец, вынимаю из нее свои мокрые пальцы.

Ее глаза встречаются с моими в зеркале, и она съеживается, закрывая лицо руками:

– Мне очень, очень стыдно. О боже мой… Поверить не могу… – смущенно бормочет она, закрывая лицо руками.

– Детка, от чего тебе должно быть стыдно? Это была самая горячая вещь, которую я когда-либо видел в своей жизни. Это совершенно точно.

Она разжимает пальцы, чтобы посмотреть на себя в зеркало, а затем поднимает взгляд на меня:

– Я даже не знала, что, я так могу… Я видела такое в порно, но…

Мои губы изгибаются в самодовольной улыбке. И здесь я у тебя первый, Халли.

Сев, я поправляю свой член, который вот-вот выскочит из шорт, ее взгляд падает на него и задерживается, и я вижу в ее глазах голод. Когда она поднимает взгляд, чтобы встретиться с моим, ее зрачки расширяются:

– А как же ты?

Я пожимаю плечами.

– Сейчас все для тебя.

Она приподнимается на локтях и садится, подносит руки к моему лицу и проводит пальцами по моей челюсти.

– Я хочу заняться сексом. Я готова.

Наверное, это кошмарно глупо, поэтому я не скажу этого вслух, но мое сердце забилось еще чаще. Мне казалось, что после того, чему мне посчастливилось стать свидетелем, это невозможно. Но это так. Оно просто выскакивает из груди.

– Ты уверена?

Глядя мне в глаза, она мило улыбается и кивает, ее голос звучит твердо:

– Я никогда в жизни ни в чем не была так уверена.

Глава 22
Халли

Слова слетают с моих губ с большей уверенностью, чем я ожидала. Вот, как Лейн на меня влияет.

Уверенная, сексуальная, смелая.

Я себя и представить такой не могла, пока он не разбудил эту часть меня.

С самого первого дня он относился ко мне только с уважением и терпением, и я ничего так сильно не хочу, как отдаться ему. И узнать саму себя.

– Я не могу больше ждать, – шепчу я, скользя пальцами по его затылку, играя с его непослушными волосами. Его пронзительные зеленые глаза смотрят в мои, и мне кажется, что время останавливается. Я абсолютно уверена, что он видит меня насквозь. – А ты хочешь? – мои слова вырываются поспешно из-за полного надежд предвкушения.

Его руки обхватывают мое лицо, и он хрипло произносит:

– Конечно, я хочу тебя, крошка Халли. Ты даже не представляешь, как сильно я хочу тебя. Я просто хочу, чтобы ты была полностью уверена.

– Я уверена, – отвечаю я без колебаний, поднимаясь на ноги и становясь перед ним. Облизывая губы, он наклоняется вперед и запечатлевает самый нежный поцелуй на моем животе, еще один на бедре, еще один на нежной коже под пупком. Он проводит носом и ртом по моим бедрам до самой киски, вдыхая меня, и свидетельство моего умопомрачительного оргазма все еще сочится из меня. Он проводит языком по моей коже, оставляя за собой след, похожий на огонь, сжигающий меня изнутри. Огонь, который разгорается все ярче и жарче с каждым прикосновением его губ к моей коже, разжигая пламя до такой степени, что оно становится невыносимым. Как будто без его прикосновений я погибну.

Жар разливается по моему животу, когда внутри меня снова нарастает возбуждение.

Прокладывая поцелуями дорожку от моего живота к груди, он не торопясь облизывает, посасывает, покусывает мои соски, пока между моих бедер снова не становится влажно. Я сжимаю ноги вместе, чтобы заглушить тянущее ощущение.

К тому времени, как он добирается до моих губ, запечатлевая на них страстный поцелуй, от которого у меня перехватывает дыхание, я уже готова сама на него запрыгнуть. Он отрывает меня

от земли, я обнимаю ногами его стройную талию, а мои пальцы запутываются в волосах у него на затылке. Он собственнически обхватывает мою задницу, уносит меня из ванной в спальню, и все это время его губы не отрываются от моих.

Его колени упираются в кровать, и он опускает меня на матрас, только тогда прерывая поцелуй и вставая.

– Гребаные шорты, – ругается он, стягивая их с бедер.

И вот он стоит передо мной совершенно голый, его член твердый и толстый.

Предвкушение покалывает мою кожу. Мысль о том, что он войдет меня, возбуждает меня еще больше. Я хочу быть наполненной им, чувствовать его всем телом.

– Перестань так на меня смотреть, Халли, – хрипит он, протягивая руку к своему члену и медленно двигая им. Из него уже вытекает смазка.

– М-ммм, или что? – притворно стесняюсь я. Я прикусываю нижнюю губу и приподнимаюсь на локтях, чтобы посмотреть, как он поглаживает свой член.

Почему мастурбирующий мужчина – это так сексуально? Новый день – новые знания. И я теперь знаю, что ничто не сравнится с тем, как выглядит Лейн, когда он дрочит свой член. За исключением, может быть, выражения его глаз во время куннилингуса.

– Долго я не продержусь, – хрипит он глубоким голосом.

С моих губ срывается смешок, и затем он оказывается на мне, нависая надо мной, а его руки обхватывают кровать у моей головы.

– Я сказал что-то смешное, Халли? – он выгибает бровь, ожидая моего ответа.

– Нет, совсем ничего, – сладко отвечаю я.

Он что-то мычит, но не произносит ни слова. Вместо этого его пальцы впиваются в мои бока, щекоча меня до тех пор, пока я не начинаю извиваться и биться на кровати под ним.

– Боже, остановись, пожалуйста, – умоляю я сквозь смех. – Лейн!

Наконец, он смягчается и наклоняется, чтобы поймать мои губы. Только тогда я осознаю, какая у него горячая кожа, его твердый член прижимается к моей киске, своей обнаженной кожей я чувствую его.

Кажется, он думает о том же, потому что в его глазах вспыхивает голод. Подняв руку, я убираю волосы с его лба, и он хватает меня за запястье, запечатлевая нежный поцелуй на моей ладони.

Этот жест такой милый, что мне кажется, будто мое сердце

вот-вот разорвется в груди. С Лейном все ощущается именно так, каждый момент наполнен смыслом. Когда он такой милый и ласковый, я чувствую, что между нами происходит нечто большее, чем просто контракт. Он обращается со мной так, как будто я самый важный человек в комнате, как будто мы существуем только вместе.

– Точно уверена? – снова спрашивает он, не выпуская мою руку. Я молча киваю и улыбаюсь. Он переплетает наши пальцы, затем наклоняется, чтобы поцеловать меня, его губы нежно скользят по моим, пока между нами снова не вспыхивает страстное желание, и наши поцелуи не становятся неистовыми.

Он обхватывает мое лицо, наклоняя мою голову, чтобы проникнуть языком в мой рот, проглатывая мой стон. Просунув руку, он погружает свой палец в мою уже влажную киску, проводя шершавой подушечкой пальца по моему набухшему клитору, прежде протолкнуть его внутрь.

Даже просто ощущая его пальцы, я чувствую себя такой наполненной, но я знаю, что ничто не сравнится с ощущением его члена внутри меня.

Мне не нужна дополнительная подготовка. Не думаю, что я оправилась от прошлого оргазма – мою кожу все еще покалывает.

Лейн наклоняет голову и обхватывает ртом мой сосок, втягивая его в рот, в то время как его пальцы входят и выходят из меня в устойчивом ритме. Я чувствую, как возбуждение покрывает мои бедра. Я такая влажная, полностью готовая к тому, что он заменит свои пальцы на член. Оргазм нарастает внутри меня. Я готова разлететься на мелкие кусочки.

Через несколько секунд я вскрикиваю от второго за день оргазма, и он вынимает из меня пальцы, присаживаясь на корточки и дроча член, покрытый моей смазкой.

– Я хочу, чтобы все прошло идеально для тебя, – говорит он, пристально глядя на меня. Его лицо такое искреннее и серьезное, что мое сердце переполняется желанием успокоить его.

– Все и так прекрасно, Лейн.

Он прикусывает губу, наклоняясь вперед и нависая надо мной, его руки лежат по обе стороны от моей головы на кровати. Я опускаю взгляд, чтобы посмотреть, как он проводит головкой своего члена по моей влажной киске, и мои глаза закрываются, от этого ощущения у меня перехватывает дыхание.

Боже, он еще даже не вошел в меня, и это уже *невероятно*.

Я поднимаюсь, чтобы взять его за плечи, желание прикоснуться к нему везде, где только возможно, разливается по моим венам.

Я никогда не была так близка к другому человеку, никогда не

испытывала ощущения такой связи с другой душой. До Лейна.

Он трет мой клитор своим членом, я впиваюсь ногтями в его бицепсы, оставляя полумесяцы на его коже, мои ноги обхватывают его бедра, чтобы притянуть его ближе.

Наши взгляды встречаются, и я киваю, еще раз заверяя его, что готова к этому и хочу этого больше всего на свете. Я хочу его, и я не хочу больше ждать.

Правда в том, что теперь я уверена – до этого я не была по-настоящему готова отдать себя кому-то, даже ему.

Когда я только предложила ему лишить меня девственности, я думала, что готова. Я думала, что, избавившись от своей девственности, я каким-то волшебным образом стану совершенно другим человеком. Как трансформация, которая позволит мне избавиться от той девушки, которой я была раньше, и стать лучшей версией самой себя. Уверенной. Спокойной.

Теперь я знаю, что это не правда.

Теперь я знаю, что, если не торопиться и по-настоящему узнать кого-то, узнать, кто он такой… это совершенно другое. Я не могу себе представить, что мне было бы так же комфортно с кем-то другим, особенно с тем, кто не знал бы меня так, как Лейн. Иногда мне кажется, что он знает меня лучше, чем кто-либо другой, даже я сама. Этого стоило ждать, чтобы моим первым мужчиной стал он.

– Сначала будет немного больно, Халли, – тихо говорит он с серьезным выражением лица. – Скажи мне, если тебе будет неприятно, если ты захочешь остановиться. Если…

Я прижимаю палец к его губам, заставляя замолчать:

– Я так и сделаю. Обещаю.

Он кивает и опускает взгляд туда, где его член прижимается к моему входу, затем снова переводит взгляд на меня и наклоняется вперед, захватывая мои губы и нежно входя в меня.

Я резко втягиваю воздух, мои глаза закрываются, когда я чувствую, как он слегка покачивает бедрами, входя в меня на несколько дюймов. Мое тело напрягается от внезапного вторжения, но не потому, что это больно, а потому, что я уже чувствую себя невероятно наполненной, а он, похоже, вошел совсем на чуть-чуть.

– Расслабься, детка. Мне нужно, чтобы ты расслабилась и впустила меня, – он ободряюще гладит меня по руке и оставляет дорожку поцелуев вдоль ключицы.

Выдыхая, я облизываю губы, когда он снова обводит пальцами мой клитор. Всего несколько секунд, и я уже чувствую, как расслабляюсь, а напряжение внутри меня перерастает во что-то другое.

Тепло струится по моей спине, по венам, скапливаясь между ног.

Я так захвачена ощущением его пальцев на моем клиторе, так переполнена чувствами, что, когда он снова двигает бедрами, преодолевая барьер и полностью проникая в меня, боль оказывается совсем не такой, как я себе представляла.

Острое, жгучее ощущение быстро уступает место удовольствию, когда он продолжает ласкать мой клитор, находясь полностью во мне. Он не двигается и скользит губами по моему напряженному соску.

Лейн замирает, отстраняясь, чтобы посмотреть на меня с нежностью:

– Все хорошо? Мне остановиться?

Я качаю головой:

– Пожалуйста, продолжай. Я в порядке… Продолжай… П-пожалуйста.

Он осторожно выходит из меня, дюйм за дюймом вытаскивая член, прежде чем снова двинуть бедрами вперед, погружая его на всю длину одним плавным движением. Он обращается со мной так, словно я хрупкая ваза, и мне это в нем нравится. Его терпение, его готовность поставить меня на первое место, сделать так, чтобы мне было приятно, но прямо сейчас… я хочу *больше.*

Мне нужно больше.

Что-то внутри меня разворачивается, что-то нарастает, нарастает и нарастает… Что-то почти неуловимое, но я чувствую, как оно обвивает меня своими щупальцами, но я не могу до него дотянуться.

– Пожалуйста, *двигайся*, – умоляю я, снова цепляясь за его руки, не способная думать больше ни о чем.

Его глаза затуманиваются, в них загорается дикий огонек, когда он кивает, выходя из меня, затем входит снова, на этот раз сильнее, его бедра соприкасаются с моими, заставляя меня застонать.

– Ой…

Кончики его пальцев танцуют по внешней стороне моих бедер, когда он поднимает их выше, погружаясь еще глубже, и я не испытываю ничего, кроме удовольствия, когда он обхватывает ладонями мою попу, входя в меня снова и снова.

– Черт, я так долго не протяну, – он задыхается, опуская взгляд между нами и наблюдая за тем, как трахает меня своим членом. Я вижу, как моя смазка покрывает его член, когда он выходит из меня. – Ты такая тугая, детка, такая чертовски влажная, так сжимаешь мой член. Мне нужно, чтобы ты кончила.

Его язык кружит вокруг моего соска, затем касается его вершины, его бедра находят устойчивый ритм, когда он входит в меня, наши тела соприкасаются. Я запрокидываю голову от удовольствия, и это ощущение пробегает по моей коже вверх и вниз.

Я закрываю глаза, слушая его стоны. Это самое горячее, что я когда-либо испытывала, эти безудержные звуки удовольствия, исходящие от него, звуки, которые он издает для меня.

– Черт возьми, Халли, – стонет он. – Ты так идеально мне подходишь. Мой член был создан для тебя.

Всхлипывая, я впиваюсь ногтями в его спину и разваливаюсь на части, его имя вырывается из меня сдавленным криком, когда все мое тело сотрясается в самом мощном оргазме в моей жизни. Мои конечности напрягаются от удовольствия, когда меня накрывает волна за волной. Его палец снова находит мой набухший клитор и кружит вокруг него, а затем он стонет, грубо и неровно, кончая в меня. Я чувствую, как тепло его спермы наполняет меня, и это так невероятно горячо, что мой клитор пульсирует под подушечкой его пальца.

Как только он выдыхается, а мои конечности тяжелеют от эйфории, он осторожно выходит из меня, ложится на спину рядом со мной и заключает меня в свои объятия. Он прижимает меня к своей груди, его пальцы нежно скользят по моей спине, пока мы отчаянно пытаемся отдышаться.

– Это было… – произношу я, все еще тяжело дыша. – Гораздо лучше, чем я ожидала.

Грудь Лейна вздымается, когда он смеется.

– Я хотел, чтобы тебе было хорошо, крошка Халли, даже если это был твой первый раз. Не беспокойся… в следующий раз будет еще лучше.

Возбуждение змеей пробегает по моей спине при мысли о том, чтобы сделать это снова.

Внезапно он усаживает меня на подушку рядом с собой, встает с кровати, голышом выходит за дверь ванной и исчезает из виду. Когда он возвращается, на нем сухие боксеры, а в руке мочалка.

Переползая через меня, он чмокает меня в губы, а затем нежно и широко раздвигает мои ноги. Когда его взгляд скользит по моей набухшей киске, его зрачки темнеют.

– Хотел бы я, чтобы ты знала, как ты красива, когда моя сперма вытекает из тебя.

Проводя пальцем по ней, он двигает подушечку пальца к моему входу, и я наблюдаю, как он собирает свою сперму на палец, а затем нежно вталкивает ее обратно в меня.

О мой Бог.

– Тебе, наверное, больно, детка. Позволь о тебе позаботиться, – он нежно вытирает меня, медленно проводя теплой влажной тканью вокруг моей чувствительной киски, а затем встает с кровати и целует меня в лоб. – Сейчас вернусь.

Я хмыкаю в ответ и зарываюсь в одеяло, мои конечности отяжелели от усталости. Я почти засыпаю, когда слышу, как он входит в дверь, и сонно открываю глаза, чтобы увидеть, как он склоняется надо мной с бутылкой воды и обезболивающим в руке.

– Возьми это и выпей всю бутылку, детка. Я не хочу, чтобы завтра тебе было некомфортно, – шепчет он мне в губы. И если бы это было возможно, мое сердце вырвалось бы прямо из груди.

Это так заботливо и так мило, что у меня щемит сердце.

А ведь сначала это был всего лишь временный контракт, которому не суждено было перерасти во что-то настоящее. Что-то, что должно было привести к этому самому моменту и закончиться. Но мне кажется, что все наоборот. С каждым мгновением, проведенным с ним, я чувствую, что контракт остался в прошлом и это только начало… чего-то большего.

Как только я принимаю лекарство и выпиваю почти целую бутылку, он забирается обратно под тяжелое одеяло, снова заключая меня в объятия, на этот раз спиной к себе.

Я чувствую его губы на своем затылке, легкий, нежный поцелуй, от которого у меня на глаза неожиданно наворачиваются слезы.

– Спасибо, что сделала мне такой подарок, Халли. Это… это что-то особенное, и я никогда этого не забуду.

У меня слезы хлынули ручьем. Когда он прижимается грудью к моей спине, а его сильная рука лежит у меня на животе, прижимая меня к нему, я чувствую себя в безопасности.

Желанной.

Защищенной.

– Я рада, что сделала это именно с тобой Лейн, – произношу я. – И *все* сделала с тобой.

Я едва могу даже шептать. Я счастливо вздыхаю, мои глаза закрываются, когда я устраиваюсь в его объятиях, мои пальцы играют с браслетом на его запястье – моим подарком. Я заметила, что он ни разу не снимал браслет с тех пор, как я его надела.

Я почти засыпаю, когда мне кажется, что я слышу:

– И это всегда будешь ты, крошка Халли.

* * *

На следующее утро я просыпаюсь от запаха бекона и солнечных лучей, проникающих сквозь раздвинутые шторы и согревающих мое измученное тело. Я вытягиваю руки над головой, не в силах сдержать улыбку, которая появляется на моих губах, когда я думаю о прошлой ночи.

Потеря моей девственности с Лейном была… *всем.*

Это было прекрасно, и у меня кружится голова от перспективы провести еще один день с ним, здесь, в коттедже, перед тем как мы отправимся домой на каникулы в честь Дня благодарения.

Я встаю с кровати, отбрасываю белое одеяло и опускаю ноги на прохладный деревянный пол. Я беру с пола скинутую им вчера футболку, натягиваю ее через голову и спускаюсь.

Я тихонько пробираюсь на кухню, где слышу, как он напевает Semi-Charmed Life. Я останавливаюсь в дверном проеме, прислоняюсь к косяку и прикусываю губу, сдерживая смешок.

Лейн стоит у плиты и переворачивает блинчики, на нем нет ничего, кроме обтягивающих черных боксеров, от которых у меня слюнки текут. Мышцы на его спине перекатываются при каждом взмахе лопатки, и когда он подносит ее ко рту в качестве импровизированного микрофона, я не могу сдержать вырывающийся звук.

Он оборачивается с широко раскрытыми глазами и застенчивой улыбкой, словно его поймали с поличным:

– Доброе утро, крошка Халли!

Я приподнимаю бровь:

– Не просто доброе, а замечательное! Это что, бекон?

Как по команде, у меня заурчало в животе.

– Утро и правда чудесное, – он подходит и нежно целует меня. – Я хотел приготовить завтрак для своей девочки, прежде чем мы отправимся в путь. Кстати, ты мне чертовски нравишься в моей одежде.

Для своей девочки.

Бабочки в моей животе затрепетали крыльями, и совсем не от голода, а из-за того, что я так легко поддаюсь на все милости, что он говорит, и все его нежные поступки.

В него так легко влюбиться.

– Вкуснятина, – принюхиваюсь я. – Умираю от голода.

Он подмигивает через плечо, отходя к плите, а я сажусь за длинный кухонный стол, наблюдая, как непринужденно он передвигается по кухне.

Наконец, завтрак готов, и он ставит наши тарелки на стол.

У меня слюнки текут, когда до моего носа доносится аромат бекона.

– Не знаю, почему я так проголодалась, – недоумеваю я, когда он садится за стол.

Он усмехается:

– Секс отнимает много сил, детка. Поэтому нужно, чтобы ты все съела.

Наклонившись вперед, он обхватывает ладонями мое лицо, проводя большим пальцем по моей скуле.

– Силы тебе понадобятся.

Мои щеки горят, а лицо заливает румянец. Мне гораздо комфортнее с Лейном, но иногда я все еще стесняюсь, когда он говорит подобные вещи. А еще потому, что в моем сознании всплывает образ того, как он нависает надо мной и входит в меня. Щемящее чувство между моих бедер вызвано исключительно предвкушением, а не тем, что я больше не девственница.

– Я не готов уезжать. Не готов расстаться с тобой.

Я тоже. Я знаю, что в тот момент, когда мы это сделаем, чары рассеются, и вернется настоящая жизнь.

– По крайней мере, это всего на несколько дней. К тому же, тебе будет приятно провести время с родителями и Илаем.

Он кивает, ковыряя вилкой яичницу на своей тарелке:

– Просто беспокоюсь из-за этой напряженности с отцом. Похоже, скоро все встанет на свои места, и я надеюсь, что мы сможем сохранять мир достаточно долго, чтобы пережить праздники без драм.

Я беру его за руку, переплетая наши пальцы, и ободряюще улыбаюсь:

– Все будет хорошо. Не может быть иначе.

– С тобой все кажется таким простым и понятным, крошка Халли. Иди сюда, – говорит он, кладя вилку одновременно со мной.

Я встаю, затем подхожу и забираюсь к нему на колени, громко стукнув тарелкой по столу, отчего мы оба смеемся.

– Как насчет того, чтобы вместо того, чтобы думать об отъезде, потратить оставшееся время на что-то более… веселое, – шепчу я, прижимаясь губами к уголку его губ. – Что-то, что включает в себя душ и меня…

– Тебе помыться бы не мешало, – поддразнивает он, и его глаза загораются, когда он просовывает руку мне под рубашку и между ног. – Я знаю, где здесь отличная ванная, но сначала предлагаю еще сильнее испачкаться.

Глава 23
Лейн

Когда возвращается в дом своего детства, всегда такое чувство, будто никуда и не уезжал. *Так странно*. Эта всегда приходит мне в голову, когда я вхожу в дом, в котором вырос, и ложусь спать в ту же кровать, в которой спал все свои подростковые годы. Тот ребенок, которым я был когда-то, кажется таким далеким, призрачным воспоминанием, а в доме все по-прежнему, за исключением слоя пыли, который скопился с тех пор, как мама в последний раз убиралась.

Те же награды из старших классов. Те же знаменитости на плакатах, у которых от времени поистрепались края. Те же самые семейные фотографии в рамках, застывшие во времени.

За исключением того, что с годами изменился я сам. Я повзрослел. Я стал мужчиной.

– Мы так рады видеть тебя дома, милый, – воркует мама, наклоняясь и снова заключая меня в объятия. Она на голову ниже меня, но почему-то, когда она крепко меня обнимает, я снова чувствую себя тем самым ребенком, который ищет утешения в объятиях матери. От нее пахнет так же, как и всегда, и, хотя я стал выше, сильнее и старше, я всегда буду ее ребенком.

– Я тоже, ма. Как хорошо быть дома. Я обнимаю ее.

Она счастливо вздыхает, погружаясь в мои объятия:

– Никогда не думала, что буду так сильно скучать по тебе и твоему брату. Это синдром пустого гнезда.

– Ну что ж, теперь мы здесь. Я не могу поверить, что до Дня благодарения осталось всего несколько дней.

– Я тоже. Но я просто рада, что мы проведем еще несколько дней вместе, прежде чем вам придется вернуться. Но не успеешь оглянуться, и уже Рождество!

Отстранившись, она смотрит на меня снизу вверх:

– Знаешь… тебе нужно сесть и поговорить с отцом, Лейн. Пора. Не могу видеть, что вы не разговариваете. Я беспокоюсь о тебе, милый.

Я киваю. Я знаю это, но все еще не представляю, как, черт возьми, вести с ним этот разговор, чтобы никто из нас не сказал того, о чем мы пожалеем, и мы не причинили друг другу боль. Я ненавижу это дерьмо, эту пропасть между нами, которая, кажется, с каждым днем только растет.

Что еще хуже – я увижу Халли только через несколько дней. Мама взялась за меня, так что я сомневаюсь, что смогу улизнуть,

чтобы повидаться с ней. Ужасно, что пока я дома, я не смогу к ней прикоснуться.

После выходных, которые мы провели вместе в коттедже, все кажется другим. Как будто границы размылись, и нас больше ничто не разделяет.

– Так и сделаю, мам. Я просто… – я замолкаю, заметив, как вытянулось ее лицо. Ненавижу этот взгляд, полный боли и разочарования. – Я поговорю с ним сегодня после ужина, ладно?

– Спасибо, дорогой. Мне так не нравится, что вы в ссоре. Очень хочу, чтобы вы все обсудили. Ты же знаешь, что я поддержу любое твое решение, верно? – она протягивает руку и убирает мои спутанные волосы с глаз, напоминая, что нужно подстричься. – Я беспокоюсь только о твоем счастье, Лейн. Ты мой первенец, моя большая любовь. Ты научил меня быть мамой и всегда будешь моим ребенком, сколько бы тебе не исполнилось. Неважно, насколько еще ты вырастешь, ты всегда будешь тем пронзительно-зеленоглазым малышом, которого я держала на руках целыми днями. Ты сам строишь свою жизнь, она твоя, и больше ничья. Запомни это, ладно? Выбирай быть счастливым.

Я чувствую, что каждое слово попадает мне в сердце.

– Люблю тебя, ма.

– Я тоже люблю тебя, милый. И буду любить всегда.

Она быстро целует меня в щеку и отступает на шаг, вытирая слезы, которые навернулись на глаза во время нашего неожиданно тяжелого разговора.

Как бы сильно я ни боялся этого разговора с отцом, она права. Пора. Независимо от результата.

– Ладно, отставить слезы, пора готовить ужин.

Она уходит на кухню, я сажусь на диван и со стоном откидываю голову на спинку.

Через пару минут в дверь входит Илай и плюхается рядом, тяжело дыша. Я оглядываюсь и вижу, что его рубашка промокла от пота, а волосы влажные и торчат в разные стороны. Он выглядит так, будто его окатило из поливалки.

– Все хорошо? – беспокоюсь я.

Он стонет, проводя пальцами по волосам, и еще глубже вжимается в спинку дивана:

– Я помогал мистеру Эдвардсу разобраться в гараже, и, клянусь богом, я никогда в жизни не видел столько хлама. Тебе повезло, что ты приехал позже. Ты избежал этой каторги.

– Какой ужас.

Илай кивает:

– А ты как? Выглядишь так, будто кто-то пнул твою собаку.

– Боюсь разговора с папой.

– А, – вздыхает брат, поворачиваясь ко мне. – Напоминаю, что, если ты прекратишь играть в бейсбол, конца света не случится.

Я что-то бормочу в ответ, и он продолжает:

– Серьезно, ты на себя столько взваливаешь, но ради чего? Если ты несчастен, бросай это дерьмо, Лейн.

– Не все так просто.

– Да нет, вполне просто, правда. Послушай, жизнь коротка. Никто не знает, сколько дней нам еще отведено. Ты проснешься завтра – а жизнь уже кончается. Ты хочешь оглянуться и пожалеть о том, как ее прожил? Что делал все, чтобы порадовать других людей, а не себя? Я просто говорю, что вам следует это обсудить. Может быть, он тебя удивит.

– Мне просто ненавистна мысль о том, что я могу его разочаровать и подвести. Ужасно осознавать, что я вообще кого-то подведу, у меня такое чувство, что весь мир ждет, что я перейду в высшую лигу. Это гребаное давление со всех сторон меня просто парализует. Иногда мне кажется, что я не могу дышать.

Брат печально кивает:

– Понимаю тебя. Да, я не на твоем месте, и я не занимаюсь спортом, но я знаю, каково это – волноваться, что ты подведешь всех, если окажешься не лучшим или собьешься с пути. В конце концов, это твое будущее. Никто, кроме тебя, не может его решать.

– Знаешь, для младшенького ты довольно умный, – я ухмыляюсь, пихая его в плечо. Может, стоило сразу рассказать обо всем ему, раз он дает такое дельные советы? – Но… спасибо тебе, братишка. Вы с мамой правы.

Нужно поговорить с ним, и будь что будет. Сейчас мне плохо не только от перспективы его разочаровать, но и от того, что между нами эта стена. Мы уже несколько недель не разговариваем, ни разу после того ужина, но напряжение возникло еще раньше.

Илай переводит взгляд с меня на кофейный столик перед нами, уставленный семейными фотографиями и вещами, которые моя мама накопила за годы. Наклонившись вперед, он берет большую деревянную рамку с фотографией. На ней он, папа и я.

– Помнишь, как в детстве мы страшно хотели разбить лагерь в лесу? Целую неделю пытались убедить маму разрешить нам, и, если бы не папа, она никогда бы не согласилась. А потом мы нашли вот этого черепашонка.

Я киваю:

– Ага, Верджила. Черт, мы назвали черепаху как поэта

Виргилия. Помню этот день как вчера. Невероятно, что это было так давно.

– Мы целый день изучали, как за ним ухаживать, а в итоге засунули в коробку из-под кроссовок и пихнули ее в шкаф. А пока мы были в походе, мама убиралась в шкафу и нашла его. Она сказала, что почувствовала этот запах в ту же секунду, как вошла в комнату.

– Как же она ругалась! – Илай усмехается, качая головой. – Мне кажется, я никогда не видел маму в таком бешенстве.

– Да, наверное, потому, что она ненавидела черепах, и именно поэтому мы его и прятали.

– Нет, помню еще раз, когда они оба были в бешенстве. Помнишь тот случай, когда мы случайно разбили окно в сарае, но так и не сказали ни ей, ни папе, потому что до этого ты все лето косил траву, чтобы починить окно в доме Эдвардсов? А и-за этого все рождественские украшения намокли и испортились.

– О, черт. Да, хреновый был день. Мне, наверное, было лет четырнадцать.

– Не думаю, что у папы еще когда-то было такое же бордовое лицо. Да уж, задали мы им жару.

Илай кивает, поворачиваясь ко мне лицом:

– Надо было просто признаться. Все было бы не так плохо. Примерно, как сейчас, да? Просто поговори с ним. Он наш отец, Лейн. Он любит тебя, несмотря ни на что. Я не думаю, что что-то это изменит.

Я выдыхаю, пытаясь осмыслить его слова:

– Ты прав.

– Как и всегда, бро.

* * *

После напряженного ужина я тихонько стучу в дверь кабинета отца и приоткрываю ее, когда слышу его хриплый голос с другой стороны. Он сидит за столом, его очки в черной оправе низко сползли на кончик носа.

– Лейн?

– Привет, пап, – я подхожу к старому потертому дивану напротив его стола. – Я тут подумал, мы можем… эээ… поговорить? Чуть-чуть. Если у тебя есть время.

Он кивает, кладя очки на стол перед собой:

– У меня всегда найдется для тебя время, сын. Садись.

Черт.

Я запускаю руку в волосы и убираю их с лица, выдыхая, когда

сажусь на диван.

– Я думаю, что не хочу играть в высшей лиге, – слова вылетают бессвязным потоком. Я несколько месяцев вынашивал эти мысли и скрывал их от них с мамой, и они вырываются наружу, как будто прорвало плотину.

Папа откидывается на спинку стула, пристально глядя на меня, затем проводит рукой по лицу:

– Почему?

– Не знаю, пап. Я просто… я люблю бейсбол, правда люблю, я просто не знаю, хочу ли связывать с этим свою жизнь.

Он с трудом сглатывает, и на его лице появляется выражение разочарования:

– Что-то случилось…

– Нет, нет. У меня уже давно такое чувство, и я не хотел тебя подвести и разочаровать. Я знаю, ты всегда мечтал увидеть меня в высшей лиге, и ты был со мной на протяжении всей моей карьеры в бейсболе. Приходил на каждую игру. Ты был моим главным сторонником, и мне плохо из-за того, что это стало нашим камнем преткновения, и что раньше нас это объединяло, а теперь вбивает между нами клин. Я просто… больше не хочу жить под таким давлением.

– Сынок, ты не разочаруешь меня, – произносит отец. – Я просто не хочу, чтобы ты совершил ошибку. Я не хочу, чтобы ты принимал поспешных решений, основываясь на мимолетном чувстве, Лейн. Я понимаю, что ты под большим давлением, и именно поэтому я считаю, что тебе важно не рубить с плеча. Если ты откажешься, то больше шанса у тебя не будет, даже если передумаешь.

Я согласен, и я осознаю, что назад дороги не будет. Вот почему я отношусь к этому серьезно и веду разговор сейчас. Потому что это не сиюминутное решение – я долго обдумывал все варианты и взвешивал «за» и «против».

Но даже сейчас, разговаривая с ним, я чувствую, что его больше волнует то, что я не буду играть в высшей лиге, а не мои чувства.

– Это не поспешное решение. Я уже давно об этом думаю.

Он вздыхает:

– Тогда почему бы тебе не поговорить об этом со мной?

– Я пытался! – восклицаю я, вскочив с дивана. Черт. – Я пытался. В тот вечер за ужином, когда вы с мамой приехали к нам, и посмотри, к чему это привело. Папа, мы уже не разговаривали… я даже посчитать не могу, как долго, ни о чем, кроме бейсбола. Ты никогда не звонишь, чтобы спросить, как я себя чувствую, или узнать, как дела в школе, или хотя бы

поговорить о чертовой погоде.

– Потому что ты сбрасываешь мои звонки и не отвечаешь на сообщения, Лейн. Как же ты хочешь поговорить, если ты вне зоны доступа? Я понимаю, что ты напряжен и чувствуешь давление, что вполне объяснимо, сынок. Никто не винит тебя за это. Я просто не хочу, чтобы ты отказывался от своего будущего ради чего-то, в чем ты даже не уверен.

Я не знаю, что ответить. Что сказать, чтобы он понял, через что я прохожу и что я чувствую? Каждый раз, когда мы делаем шаг вперед, мы возвращаемся к отправной точке, и ни один из нас на самом деле не понимает другого. И мне кажется, что он видит для меня только одно будущее, как будто в чем-то другом у меня нет шансов.

– Ты вообще слышишь, что я говорю, пап? Целиком, а не фрагменты, которые ты хочешь услышать?

– Лейн, – сухо отвечает он, – следи за своим тоном. Я пытаюсь поговорить с тобой, но мне кажется, что ты уже принял твердое решение, и я чувствую, что ты совершаешь самую большую ошибку в своей жизни.

Качая головой, я направляюсь к двери. Взявшись за дверную ручку, я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему:

– Нет, папа. Проблема в том, что ты думаешь, что бейсбол – это единственное будущее, которое у меня когда-либо будет, что игрок команды – все, чего я могу добиться. Ты больше заботишься о том, чтобы я не ушел из бейсбола, чем о том, что я говорю тебе, что буду несчастен. Ты не хочешь меня выслушать – ты хочешь попытаться убедить меня, что я совершаю ошибку и теперь вся моя жизнь пойдет коту под хвост. Но это *мое* решение, *мое* будущее, *моя* жизнь. А не твоя. Я закончил.

Открыв дверь, я выхожу, не оглядываясь, и захлопываю ее за собой. Это была пустая трата гребаного времени.

Я зол, но, если уж на то пошло, еще больше я разочарован в своем отце. Чертовски больно, что тот человек, который, как я думал, поддержит меня, несмотря ни на что, не заботится о том, что я несчастлив. Ему все равно, что я на самом деле не тот звездный игрок, каким он меня воспитывал.

Я достаю из кармана телефон и отправляю сообщение единственному человеку, с которым я чувствую себя настоящим.

Лейн: Ты мне нужна.

Глава 24
Халли

На середине серии *«Призрачных приключений»*[38] на мой телефон приходит уведомление.

Я тут же открываю его, когда вижу на экране имя Лейна.

Лейн: Ты мне нужна.

Халли: Я здесь. Все хорошо? Что случилось?

Лейн: Нужно увидеться, крошка Халли.

Халли: Заходи. Я встречу тебя внизу.

Лейн: А твои родители?

Халли: Им все равно.

Лейн: Они не будут задавать вопросов? Например, зачем я пришел к тебе так поздно?

Об этом я как-то не подумала. Наверное, потому, что мне на самом деле все равно, если родители узнают, что у нас с Лейном что-то есть. Но меня немного задевает, что он не хочет, чтобы мои родители знали, что мы… вместе? Я имею в виду, что технически… так и есть. А с другой стороны, не совсем. Мы еще не обсуждали, есть ли между нами нечто большее…

Халли: Ладно, хочешь пробраться через окно? Как будто нам по шестнадцать, раз уж тогда мы упустили эту возможность;)

Он пишет сообщение, а потом прекращает. Я хмурюсь.

Через пару секунд я слышу шум за окном, а затем оно открывается, и Лейн ныряет внутрь. При виде него у меня перехватывает дыхание. Прошло всего несколько часов с тех пор, как я видела его в последний раз, и каким-то образом он стал еще красивее. На его подбородке наметилась щетина, к которой я не привыкла, но которая мне определенно нравится.

Я вскакиваю с кровати и пересекаю комнату, бросаясь в его объятия, мои ноги обвиваются вокруг его талии, а руки вокруг его шеи, и я зарываюсь в него лицом.

Как ненормальная, я вдыхаю его снова и снова.

– Чертовски сильно по тебе соскучился, – он вдыхает запах моих волос так, будто мы не виделись по меньшей мере неделю, и крепко прижимает меня к себе.

Границы кажутся такими размытыми, и я совсем не знаю, что происходит между нами, но я слишком боюсь разрушить эти чары. Я *очарована* Лейном Коллинзом.

– Но прошло всего несколько часов, – я отстраняюсь, чтобы посмотреть ему в глаза, и он накрывает мои губы поцелуем, от

которого мои конечности наливаются тяжестью, а все внутри наполняется желанием.

– Но я тоже соскучилась.

Он кивает:

– Кошмарно долгие часы. Я бы хотел, чтобы ты сегодня спала в моих объятиях. Вечерок был дерьмовый.

– Что-то случилось?

Не отпуская меня, он подходит к кровати, садится на край, обхватывает мое лицо ладонями и снова целует. Он прижимается своим лбом к моему и вздыхает.

Что-то определенно произошло – я чувствую, как напряжение волнами исходит от него, поэтому крепче обнимаю его за шею, притягивая ближе к себе.

– Расскажи мне, Лейн. Помогу, чем смогу.

– Я просто… не хочу ни о чем думать.

Я наклоняюсь и целую его, мой язык дразнит уголок его рта, я поглаживаю его плечи, а затем хватаю рукой его член через штаны.

У него перехватывает дыхание, и я шепчу:

– Думаю, я точно знаю, как этого добиться.

Он оказывается на мне прежде, чем я успеваю закончить предложение, и запечатлевает на моих губах мучительный поцелуй. Его зубы прикусывают мою нижнюю губу, я издаю сдавленный стон, и совершенно не пытаюсь скрыть, что хочу его. Я изо всех сил пытаюсь стянуть футболку. Я отчаянно пытаюсь выкинуть из его головы то, из-за чего его глаза выглядят такими замученными. Хочу касаться его голой кожи своей, чтобы помочь ему отвлечься. Даже если всего лишь на мгновение.

Когда он понимает, что у меня не получается раздеться, он протягивает руку и одним движением стаскивает с меня футболку. На мне нет нижнего белья, потому что я уже была в постели и не ожидала его увидеть. Он покусывает мою шею и оставляет на ней влажные поцелуи, проводит губами до груди, и его щетина приятно обжигает кожу.

– Я никогда не смогу насытиться тобой, Халли. Только с тобой я чувствую себя живым. Только с тобой, – он тяжело дышит, прижимаясь к моей коже.

Я запускаю руки в его непослушные локоны и в ответ сжимаю их пальцами. У меня на языке вертятся слова о том, что и я до него не знала таких чувств. Что с ним я чувствую себя на вершине мира. Но я не произношу их, потому что на самом деле у нас все не так. Я постоянно напоминаю себе, что это контракт наших тел, а не сердец, хотя мне давно уже не кажется, что речь идет просто о формальном соглашении.

Вместо этого я просовываю руки ему под рубашку, проводя ногтями по мускулистому животу, наслаждаясь тем, как он вздрагивает от моих прикосновений. Моменты его слабости вселяют в меня уверенность. Что одно только прикосновение моих пальцев заставляет его тело откликаться.

Он заводит руку за шею и стягивает рубашку, отбрасывая ее в сторону. Я нежно целую его в подбородок, затем еще раз ниже, прямо в кадык, когда он запрокидывает голову. Медленно, мучительно медленно я опускаюсь ниже, по его ключице, к ложбинке между грудными мышцами, над сердцем, ниже, ниже, ниже.

Я прижимаюсь к его груди, чтобы повалить его на кровать и спуститься ниже. Мой язык скользит по мышцам его пресса, каждая из них перекатывается, когда я провожу языком по его коже.

– Черт, Халли.

Я не могу удержаться от улыбки. Мне это нравится – я могла бы проводить каждый день, сводя Лейна с ума.

Когда я добираюсь до пояса его трусов, я понимаю, насколько увереннее себя чувствую. Я не задумываюсь о том, правильно ли я действую и заводит ли его это. За то время, что я провела с Лейном, я научилась брать инициативу в свои руки. Я поняла, что мне нравится доставлять ему удовольствие так же сильно, как ему нравится доставлять его мне. Что мне нравится выражение его лица и стоны, которые он издает, когда падает с вершины, на которую я его подняла.

Он сделал все, что обещал, и научил меня большему, чем я могла себе представить.

Я цепляюсь пальцами за пояс его спортивных штанов и трусов и тяну их ниже, высвобождая его член. Это странно звучит, но у Лейна красивый член.

Толстый и длинный. Когда я провожу рукой по всей длине, он кажется бархатным. Я высовываю язык, чтобы поймать каплю смазки.

– Халли, ты не должна…

Взглянув на него сквозь ресницы, я качаю головой:

– Я *хочу* отсосать у тебя, Лейн.

– Тогда отсоси у меня, детка.

Я обхватываю губами его толстую головку и втягиваю ее глубже в свой рот. Его руки скользят по моим волосам, крепко сжимая пряди. Напряженные мышцы его живота сокращаются, когда его член касается задней стенки моего горла, а затем он запрокидывает голову, его губы приоткрываются, и стон срывается с его губ, когда я делаю ему глубокий минет.

– *Твою же мать.*

Я получаю, пожалуй, слишком большое удовольствие, ублажая его член ртом и руками, пока он не отстраняется и не переворачивает нас так, что теперь я лежу на кровати.

– Не могу ждать больше ни одной гребаной секунды, чтобы не ощутить твой вкус.

Он стягивает хлопковые трусики с моих бедер и отбрасывает их в сторону, затем скользит руками вверх по моим бедрам, раздвигая мои ноги.

Я почти физически чувствую, как он смотрит на меня. Я дрожу от силы его пристального взгляда. Большими пальцами он раздвигает мои киску, облизнув свои губы. Он прижимается губами к внутренней стороне моего бедра, покусывая и посасывая кожу. Чем ближе он подходит, тем сильнее во мне разгорается жар, и я готова почти на все, чтобы ощутить его губы на себе. Я так сильно в этом нуждаюсь.

– Лейн, *пожалуйста*, – мой голос срывается, когда он слегка касается клитора носом, но этого достаточно, чтобы свести меня с ума.

– Терпение, детка. Это самый важный урок из всех, – я чувствую его улыбку на своей коже, прежде чем он высовывает язык и медленно облизывает мою киску мучительно медленно.

Одно-единственное движение его языка, и я теряю чувство реальности. Мои руки взлетают к его волосам, запутываясь в прядях, а бедра выгибаются навстречу его развратному языку.

Меня поражает, как кто-то может так талантливо владеть своим языком.

– Обожаю эту хорошенькую маленькую киску. Она такая розовая и идеально подходит для моего члена. И для моего рта. И для моих пальцев.

Я зажмуриваюсь, когда он обхватывает ртом мой клитор, посасывая его так сильно, что у меня перед глазами пляшут черные точки, и мне почти стыдно от того, как сильно я дергаю его за волосы. Было бы стыдно, если бы я не извивалась на кровати под ним.

Он ласкает мой клитор, водя по нему языком, и я снова запускаю руки в его волосы, выгибая спину.

– Я… я сейчас кончу.

– М-мм, всего лишь от языка? Я даже распробовать не успел, – шепчет он, касаясь моей чувствительной кожи. Я чувствую, что могу кончить в любую секунду, оргазм внутри меня нарастает и готовится излиться.

Его пальцы дразнят мою дырочку, затем проникают внутрь меня, и касаются точки G.

Если бы от наслаждения можно было бы подняться к звездам, я уже была бы очень высоко.

– Знаешь, что еще я люблю, Халли? Какое твое тело отзывчивое. Жаль, что ты не видишь, как ты принимаешь мои пальцы. Как твоя маленькая тугая киска растягивается, чтобы принять их.

В ответ я издаю стон, мои глаза закрываются, а ноги начинают дрожать. Я так близко к окончанию, что у меня кружится голова, а пальцы болят от того, как крепко я вцепилась в кровать.

– Кончай, детка, – шепчет он, касаясь моей кожи, проводя языком по моему клитору, трахая меня пальцами, массируя точку G, – кончай мне на лицо.

От его грязных слов я взрываюсь. Оргазм обрушивается на меня с такой силой, что все мое тело напрягается, и я кричу, повторяя имя Лейна снова и снова, полностью теряя контроль над происходящим из-за того, как много удовольствия переполняет меня изнутри.

Мои пальцы на ногах подгибаются, а тело сжимается. Он не перестает дразнить мой клитор и трахать меня пальцами, выжимая из моего тела каждую каплю удовольствия.

– Ты великолепна, – заключает он, привстав. Я замечаю на его губах свидетельство моего оргазма, и я даже не подозревала, что это зрелище может быть таким невероятно возбуждающим.

– Мне кажется, я разучилась говорить. Прости, – бормочу я, и он смеется, и этот звук эхом разносится вокруг нас.

Он покрывает мои бедра нежными поцелуями:

– И это только первый, детка. Давай еще раз.

Мои глаза широко раскрываются от удивления.

– *Еще*?

Он кивает, наклоняясь, чтобы погладить мой клитор, который все еще чувствителен после оргазма. Мои бедра вздрагивают.

– Я только начал. Следующий раз может быть только через несколько дней, так что у нас на счету каждая секунда.

* * *

– Тебе, наверное, стоит улизнуть, пока нас не застукали, – бормочу я, проводя пальцами по груди Лейна, по впадинке между грудными мышцами и обратно, полностью удовлетворенная, кончив дважды благодаря лишь его пальцам и языку.

Мне кажется, у меня зависимость, и это немного беспокоит, учитывая, что наше соглашение носит временный характер.

– Я уже хочу вернуться в кампус. Никогда не думал, что скажу это, но я хочу видеть тебя в любое время. И прокрадываться к тебе в постель каждую ночь, – он берет мои пальцы в свои и дразняще покусывает за кончики. – Это пытка – знать, что ты за забором.

– А не ты ли только что пытался научить меня *терпению*?

Я перевожу взгляд на него, и он выгибает бровь. Наклонившись, он шлепает меня по заднице, вызвав у меня смешок.

Мне нравится, что у нас бывают такие моменты. Только мы вдвоем, смеемся, поддразниваем, узнаем друг друга не только в сексе.

– Я тоже хочу вернуться, – соглашаюсь я. – И… я собираюсь подать заявление о переводе, когда закончится семестр.

Он выгибает бровь:

– Ты переводишься из универа?

Я киваю:

– Я надеюсь поступить в киношколу Нью-Йоркского университета. Он был у меня в приоритете, я не прошла, но попала в лист ожидания, так что в этом семестре я собираюсь попробовать еще раз.

На его лице появляется нечитаемое выражение.

– Я думала, Илай тебе рассказал. Прости, что не говорила об этом с тобой.

Он качает головой и прижимается губами к моей макушке:

– Не извиняйся, Халли. Это же невероятно. Это… вдохновляет, что ты следуешь за своей мечтой.

– Спасибо. Но я все равно переживаю. Я ездила туда летом, и у них все так серьезно… но я рада, что родители меня поддерживают. Кстати, как прошло с твоим отцом? Хочешь поговорить о том, что сегодня случилось? Я пойму, если нет, но знай, что можешь говорить со мной о чем угодно.

Ответом на мой вопрос было молчание, но я чувствовала, как поднимается и опускается его грудь, и, наконец, он заговорил:

– Я не хочу связывать жизнь с бейсболом. И я не просто *думаю*, что не хочу, *я правда* не хочу. И я все объясняю это своему отцу, но он меня не слышит, и… я чувствую, что никогда не достучусь до него. Мне кажется, что каждый раз, когда мы находим хоть какое-то подобие взаимопонимания, он снова переключается на свою волну.

Сев, я опираюсь подбородком на руки, которые покоятся у него на груди, чтобы лучше видеть его:

– Вы поссорились?

– Ага. Типа того Я пытался объяснить ему, что не хочу продолжать карьеру, но все, о чем он беспокоился, это о том, что

я совершаю ошибку и что я выбрасываю свою жизнь на ветер. Как будто от этого я передумаю.

Мне так не нравится боль в его глазах и хмурое выражение лица.

Он вздыхает и продолжает:

– Он лишь облегчает мое решение. Это не то, чего я хочу, и я единственный, кто может постоять за себя.

– Ты совершенно прав. Иногда люди не осознают значимости своих слов, а ведь он твой отец. Но он любит тебя и желает для тебя лучшего, поэтому он так себя ведет. Тебе сейчас кажется, что он не на твоей стороне, но мне кажется, что он сам с этим не справляется.

– Ты думаешь, я совершаю ошибку, что собираюсь отклонить предложение?

Я качаю головой:

– Я думаю, что это решение, которое можешь принять только ты сам. Это твоя жизнь, твое будущее. Если ты не представляешь себя в высшей лиге и тебе не слишком тяжело дается отказ, то это не ошибка. Но если какая-то часть тебя считает, что это неправильный поступок, то, наверное, стоит повременить с окончательными решением и еще подумать о том, чем заняться в будущем, – оторвавшись от его груди, я забираюсь к нему на колени, обхватывая его за талию. – Я думаю, что ты невероятный, Лейн, и будешь великолепен во всем, чего бы ты ни выбрал.

Его рука скользит к моему затылку, и он притягивает меня к себе, прижимаясь своим ртом к моему, чтобы завладеть моими губами. Этот глубокий поцелуй я ощущаю каждым нервным окончанием в своем теле.

Когда он отстраняется, то прижимается своим лбом к моему, нежно проводя большим пальцем по моей скуле:

– С тобой все так просто. Дышать, быть тем, кем я хочу быть. С тобой я хочу стать лучше, Халли.

– Ты уже представляешь из себя больше, чем тебе кажется.

Глава 25
Лейн

– Черт, мне *правда* пора, Халли, – бормочу я, снова завладевая ее губами. Хоть мне и *правда* пора идти, я не могу оторваться от нее. Отчасти потому, что она прижимается ко мне, ее руки крепко обвиваются вокруг моей шеи, и она целует меня, как в последний раз. – Я же так пропущу игру. А, да и к черту ее.

Она хихикает:

– Ты не можешь пропустить игру, ты же питчер.

Именно поэтому я должен идти.

Ценой невероятных усилий я отрываюсь от нее, мы оба тяжело дышим, жар разгорается в ее глазах, как пламя, которое притягивает меня обратно.

Я неохотно отпускаю ее и начинаю рыскать по комнате в поисках бутсы. Пока я нашел только одну. Халли плюхается на край моей кровати, скрестив босые ноги в лодыжках, и маленький черный снежный человек на одной из них поблескивает на свету. На ней рваные черные джинсы, обтягивающие ее восхитительную попку, и белая укороченная футболка с надписью «Отведите меня к вашему лидеру» и изображением маленького зеленого инопланетянина. Она так красива, что я даже не могу этого вынести. Она считает, что она странная, а я – что чертовски милая. Член в спортивных штанах так напрягся, что мне приходится его поправлять, и только тогда я могу выйти из комнаты.

Последнее, что мне нужно, это чтобы мой брат застукал меня со стояком. Я напоследок провожу рукой по ее волосам.

И мне по-настоящему жаль, что у меня сегодня игра, ведь это означает на время расстаться с Халли. С тех пор, как мы вернулись домой от родителей, мы как будто не можем друг от друга отлипнуть. Как будто в ту ночь между нами что-то щелкнуло, и теперь пути назад нет.

Я пал жертвой Халли Джо Эдвардс.

Все, что я делал в выходные, – это думал о ее губах, о том, как провожу руками по ее талии, пробую ее на вкус, чувствую, как она прижимается ко мне. О том, как целую ее как одержимый.

Да я и есть одержимый. Я одержим ей, и это пугает.

– Перестань так на меня смотреть, – бормочу я, отрывая от нее взгляд и ища свою вторую бутсу.

– Так – это как?

Она прекрасно знает, как. Взглядом, от которого мне хочется уложить ее на свою кровать прямо здесь и наслаждаться ей следующие три часа, вместо того чтобы идти на благотворительную игру.

Бросив поиски бутсы, я подхожу к ней, опускаюсь перед ней на колени, мои руки скользят вверх по нежной коже ее бедер. Я раздвигаю их и впиваюсь в них пальцами.

– Как будто ты не хочешь, чтобы я выходил за порог, – объясняю я. Мой взгляд путешествует по ее телу, останавливаясь на заостренных сосках, которые просвечивают сквозь футболку.

Черт, она еще и без лифчика.

Я издаю стон, опуская голову ей на бедро. Она меня убивает. А я ведь еще универ не закончил, ничего не добился, мир не повидал!

– Последний раз, – сдаюсь я, поднимаясь на колени, чтобы поцеловать ее еще раз, прежде чем наконец уйти. Ее пальцы зарываются в волосы у меня на затылке, и она тихо смеется.

– Не могу дождаться вечера. Хочу увидеть тебя в моей форме. У меня член встает, когда я это представляю.

Я так хочу, чтобы хоть на одну-единственную секунду она увидела, какой властью она обладает надо мной.

– Коллинз, пошли, черт возьми! – Грант бьет в дверь кулаком, заставляя нас обоих застонать. Вот теперь точно – пора.

– Если мне придется бежать из-за тебя, попрячу потные носки Риза по всей твоей комнате так, что ты их будешь искать целый месяц.

Черт Черт. Черт.

Встав, я еще раз поправляю свой напряженный член, нахожу бутсу, которая каким-то образом оказалась под кроватью, и быстро вставляю в нее ногу.

– Увидимся вечером? – спрашиваю я, хватая кепку с кровати и надевая ее себе на голову.

Она смотрит на меня из-под густых темных ресниц и прикусывает губу, перекатывая ее между зубами:

– Ни за что не пропущу игру. На мне будет футболка с твоей фамилией.

Еще один стон вырывается из моей груди.

– Все, к черту игру. Нам надо наверстать упущенное за праздники.

– Нет уж. Иди. Иди-и. Пока! Удачи! Вперед, команда! Соберите кучу денег для ребятишек! – она подталкивает меня к двери с широко раскрытыми глазами, все еще полными желания, и мне требуется вся моя сила воли, чтобы выйти за порог.

Я не ожидал, что это будет так тяжело, но с каждым днем я

все яснее понимаю, что, когда все закончится, расстаться с ней будет невыносимо.

– До встречи, крошка Халли!

Распахнув дверь, я бросаю взгляд на Гранта, который стоит, прислонившись к дверному косяку, с самодовольной ухмылкой на губах, затем поворачиваюсь к Ризу, у которого такая же ухмылка, как и у Гранта.

– Ничего не говорите, и единого гребаного слова.

* * *

Я почти уверен, что никогда в жизни не играл лучше, и, будучи суеверным человеком, каким я являюсь во время матчей, я считаю, что это во многом связано с Халли Джо Эдвардс, которая сидит на этих трибунах в моей футболке.

Я не думал, что она может быть сексуальнее, чем в своей фирменной черно-фиолетовой одежде, но темно-красный…

Это сводит меня с ума.

– Сказал бы, что хватит оглядываться на трибуны каждые пять минут, но, кажется, она и *правда* помогает тебе играть лучше. Каждая подача в этом иннинге была просто бомбической. Я не знаю, как, черт возьми, у тебя это получается, братан, но, пожалуйста, продолжай в том же духе, – Риз пихнул меня в грудь и шлепнул по заднице. – Вот как мы, мать твою, играем в бейсбол!

Я могу только покачать головой. Как и все в команде, сегодня он сумасбродствует. И он прав – она, без сомнения, причина тому, что я из кожи вон лезу. Это ее первая игра в жизни, и я ужасно хочу, чтобы она запомнилась ей надолго. Я хочу, чтобы она гордилась мной.

Остаток игры пролетает с головокружительной скоростью, так быстро, что кажется, стоило нам выйти на поле, и мы уже выходим с него, и, хотя это одна из лучших игр за последнее время, соперники выступают достойно.

Они не отстают от нас, и к концу восьмого иннинга счет 2–2. Мы – домашняя команда, так что последняя подача за ними. Если не получится – придется проводить дополнительный иннинг.

– Все зависит от тебя, брат. Вырви для нас победу, – говорю я Ризу, пока он надевает перчатки и затягивает их, ожидая своего выхода.

Слава богу, что его очередь выходить на поле, потому что он – просто мощь. Он так часто отправляет мяч в аут, что это просто уму непостижимо.

– Предоставь это мне, детка. Ты же знаешь, я всегда спасу положение. Ухмыляясь, он выходит из дагаута с уверенностью, которой не обладает больше никто на планете.

Я перегибаюсь через бортик, опираясь локтями на деревянную раму, пока он выходит на базу, и несколько раз отрабатывает замах, чтобы добиться правильного движения. Я бросаю быстрый взгляд на Халли, которая наблюдает за Ризом, грызя ногти, и улыбаюсь.

Может быть, я все-таки сделаю из нее бейсбольную фанатку.

Первая подача слишком низкая, и Риз ее игнорирует. Слава богу.

С их питчером нужно быть осторожным.

Он непредсказуем.

Риз отходит от базы и постукивает битой по подошвам своих бутс, затем возвращается на площадку и снова принимает стойку, широко расставив ноги и подняв локти.

– Черт, у меня сердце в задницу упало, – бормочет Грант, натягивая кепку на лоб. – Ну, следующая пошла!

Вот что мне нравится в бейсболе.

Чистый адреналин.

Вторая подача проходит ровно по центру зоны, но мяч летит по сложной траектории.

Мне даже не нужно смотреть, чтобы понять, что это аут. Когда играешь всю свою жизнь, иногда достаточно услышать звука мяча о биту, и ты знаешь, просто, черт возьми, *знаешь*, что все получилось.

– Да, черт возьми! – ревет Грант!

Вся команда сходит с ума, празднуя успех Риза, который только что принес нам победу, и когда он возвращается на базу, мы обступаем его.

По этому я буду скучать больше всего. Эти парни – моя семья, и мне странно осознавать, что это мой последний год. Каждый пойдет своей дорогой, и мы официально станем взрослыми людьми, будем работать на настоящей работе. Женимся. Заведем детей.

Я часто думаю об этом в последнее время, и сейчас у меня тоже крутится это в голове.

Трибуны пустеют, мы с командой соперников пожимаем друг другу руки, собираем вещи и выходим из дагаута через трибуны. Это наша традиция – по пути к парковке, отведенной для нашей команды, общаться с болельщиками, пожимать руки, подписывать мячи, делать селфи.

Воздух заряжен электричеством. Это чистая энергия, пульсирующая в каждом из нас. И хотя сегодня вечером мы

играли только в благотворительных целях, чтобы собрать деньги на игрушки для малышей, ни у кого в мире нет такой фанатской базы, как у команды Орлеанского университета. Победа или поражение, ураган или снежная буря – эти люди здесь, чтобы поддержать нас.

Сегодня меня взбодрило присутствие Халли, но еще отсутствие такого давления, как в течение сезона. Это напомнило мне, как сильно я люблю бейсбол. Я просто… не люблю, когда он становится обязаловкой.

– Лейн! – выкрикивает Халли, подбегая и бросаясь в мои объятия. Я весь в поту и грязи, но я обхватываю ее руками, поднимаю и кружу. И мне насрать на свидетелей. Пусть смотрят.

– Боже мой! Вы были просто *великолепны*! Я не могу поверить, что я раньше не приходила на игры. У меня чувство, что я сейчас могу поднять машину!

Ее глаза горят от возбуждения, она прыгает с одной ноги на другую, не в силах устоять на месте. Очевидно, в ней сейчас столько же адреналина, сколько и во мне.

Я хихикаю, наклоняясь ближе, чтобы прошептать ей на ухо:

– Похоже, у нас обоих достаточно энергии, чтобы выплеснуть ее сегодня вечером, – я прижимаюсь губами к ее лбу. – Спасибо, что посмотрела на мою игру, крошка Халли.

– Здорова, Коллинз! – нас прерывает парень из братства. Он пожимает мне руку и ухмыляется. – Так вот из-за кого ты сегодня так хорошо играл? Новая подружка пошла тебе на пользу.

– Э-ээ… – я замолкаю, оглядываясь на мою девочку. Даже если мне кажется, что она моя, мы это не обсуждали. – Не совсем моя подружка, но спасибо, что пришел. Обязательно сделай пожертвование, – отмахиваюсь я, поворачиваясь к нему спиной. В любом случае, она – мой талисман, приносящий удачу, и то, что она была на трибунах, значило для меня все.

Схватив Халли за руку, я снова обращаю на нее свое внимание.

Вивьен смеется:

– Халли чуть все ногти не сгрызла. Я думала, что в конце у нее инфаркт случится. Серьезно, ее невозможно было остановить.

Снова переводя взгляд на Халли, я наслаждаюсь ей. У нее раскраснелись щеки. Белая майка заправлена в синие джинсовые шорты, а поверх нее – моя форма. Через треугольный вырез едва проглядывает декольте. Какая же она красивая.

– Ну, что сказать? – она улыбается, в ее глазах пляшут веселые искорки. – Похоже, я теперь твоя самая верная фанатка.

Я протягиваю руку, снимаю с головы кепку и надеваю ее на нее задом наперед:

– Нет, я думаю, что это *я* твой самый преданный фанат, Халли Эдвардс.

Глава 26
Лейн

– Закрой глаза.

– Я не могу закрыть глаза, потому что тогда я не смогу увидеть, какая ты сейчас сексуальная.

Тогда она закрывает мне глаза руками, и ерзает у меня на коленях, отчего мой член становится еще тверже – кто, черт возьми, знал, что такое возможно.

– Лейн Майкл Коллинз, если ты не закроешь глаза, то не получишь своего сюрприза. А тебе он понравится, поверь мне.

Сейчас я хотел бы только чтобы Халли оседлала мой член, но…

– Ладно. Но ты ускорься.

Когда она, хихикая, слезает с моих колен, я легонько хлопаю ее по заднице и закрываю глаза. Я слышу, как она ходит по комнате, но не хочу испортить то, что она задумала, поэтому не подсматриваю.

Проходит минута, я в беспокойстве ложусь на кровать. Она настояла на том, чтобы я сидел здесь и ждал ее сюрприза. Быстро приняв душ, чтобы смыть грязь и пот после игры, мы вернулись в мою комнату. Мы не можем дождаться, поэтому душ продолжался долгих пять минут, и вот мы здесь.

– Я веду себя как хороший мальчик, можно уже смотреть?

– Нет. Не подглядывать! Не открывай глаза, пока не скажу!

Я поднимаю руки в знак капитуляции, подтверждая свою невиновность. Я даже не понимаю, где она находится.

– Не смотрю, детка. Обещаю.

– Ладно, на счет «три» можешь открывать глаза, – она шепчет: – *Раз… два… три*.

Я медленно открываю глаза. Она стоит в нескольких футах от меня, но я с трудом могу сформулировать конкретную мысль, потому что на ней моя старая форма, в которой я играл раньше, и… больше, черт возьми, ничего.

Пуговицы расстегнуты, и я вижу ее маленькие затвердевшие соски. У меня во рту пересыхает. Я забываю, как говорить и как думать. И даже *дышать*.

– Халли, – шепчу я с благоговением. Господи Иисусе.

Она прикусывает губу и заправляет локон за ухо:

– Тебе нравится?

– Нравится ли мне? Детка, да я сейчас в штаны кончу. И я не шучу.

Я наклоняюсь и поправляю член, чтобы немного расслабиться, а она медленно подходит ко мне, пока не оказывается между моих раздвинутых ног. Когда я поднимаю руки, чтобы прикоснуться к ней, она качает головой.

– Никаких прикосновений.

– Что? – издаю я стон. – Ты просто убиваешь меня, крошка.

– Ты говорил о том, как важно научиться терпению, а я запомнила. Так что теперь твоя очередь.

Я судорожно сглатываю, вцепляясь пальцами в одеяло рядом с собой так, что костяшки пальцев белеют. Я не совсем уверен, нравится ли мне озорной блеск в ее глазах. Она сведет меня с ума.

Халли проводит пальцами по моей груди вниз, к животу, и я втягиваю воздух, мой член напрягается под тонкой тканью.

Когда ее легкие, как перышко, пальцы касаются моего напряженного члена, я ворчу:

– Не дразни меня, детка.

Ее губы изгибаются в самодовольной улыбке.

– А я и не дразню. Я просто не тороплюсь и наслаждаюсь моментом.

Она опускается на колени между моих ног и обхватывает мой член поверх шорт, просовывает пальцы за пояс, проводит ими вниз по моим бедрам, и достает его из трусов.

– Тебе нравится ласкать меня языком. Ну а я хочу, не торопясь, удовлетворить тебя ртом.

Она обхватывает эрегированный орган своей маленькой ладонью и начинает ей медленно двигать. Ее глаза затуманиваются, когда она видит жемчужную бусинку смазки. Она высовывает язык и облизывает головку как леденец. Я не хочу отрывать от нее глаз ни на секунду, но, когда она засасывает головку в рот, я не могу сдержать сдавленный стон и откидываю голову.

– Ты своим ротиком отправишь меня в рай, детка.

Халли

Пальцы Лейна отрываются от кровати и запутываются в моих волосах, когда я провожу губами по всей длине его члена.

Я втягиваю его глубже, беря в рот так глубоко, как только могу, пока не чувствую, как головка упирается мне в горло, а когда его бедра слегка изгибаются, я уже чувствую рвотный рефлекс.

Он никогда не говорил этого вслух, но я знаю, что ему

нравятся такие звуки. Ну а я люблю делать ему минет. Есть что-то такое… властное в том, чтобы доводить его до исступления.

Гортанный стон, вырывающийся из его груди, заставляет мой клитор пульсировать, мое естество сжимается при мысли о том, что он снова будет внутри меня.

– Я хочу кое-что попробовать.

Он приподнимает бровь:

– Что, детка?

Прежде чем ответить, я провожу языком по всей длине и нежно целую головку.

– Хочу, чтобы ты трахнул меня в рот.

– Халли… – он приподнимается на локтях, чтобы посмотреть на меня сверху вниз. – Ты этого хочешь?

Я киваю:

– Я очень, *очень* этого хочу.

В его глазах появляется голод, и он поднимается с кровати:

– Скажи, если будет слишком грубо и ты захочешь остановиться, ладно?

– Хорошо, – выдыхаю я. – Но я не захочу. Я хочу, чтобы тебе сорвало башню, как мне сейчас. Не сдерживайся. Меня это заводит.

Я несу что-то бессвязное.

Через мгновение он кивает, и я сажусь на пол, положив руки на колени, и терпеливо жду. Встав, он подходит и смотрит на меня сверху вниз, стиснув челюсти и сжимая член в руке у самого основания. Его член твердый и все еще блестит от моей слюны. Проведя большим пальцем по моей нижней губе, он засовывает подушечку пальца мне в рот и проводит ей по языку, медленно проникая все глубже, пока я не начинаю давиться. В глазах проступают слезы, но я такая мокрая, такая возбужденная, что не могу остановиться и трогаю себя рукой. Я потираю свой клитор через ткань, не отрывая взгляда от Лейна.

– Жаль ты не видишь того, что вижу я, – говорит он, проводя членом по моим губам, увлажняя их. Я обхватываю ртом головку и жадно посасываю. – Я вижу твои идеальные маленькие сиськи, на твоей спине написано мое имя. Я просто теряю рассудок, Халли.

Он заставляет *меня* чувствовать себя также. Голодной, неистовой, дикой.

Как будто я готова на все, чтобы доставить ему удовольствие. Хочу видеть, как он кончает.

Я беру член в рот еще глубже, задерживая дыхание, когда он проталкивает его дальше, упираясь мне в горло, и низкий стон вырывается из его груди.

В таком виде он похож на бога, его голова запрокинута назад от удовольствия, сильная гортань вздымается, когда он стонет. Я стараюсь запечатлеть этот момент в памяти, чтобы вспомнить, когда все закончится, потому что я не хочу забывать, как он сейчас выглядит.

Его руки скользят по моим волосам, он сжимает их в кулак, когда овладевает мной, медленно входя в мой рот и выходя из него, с каждым разом все глубже.

– Ты выглядишь такой хорошенькой с моим членом во рту, Халли.

Меня охватывает бесстыдное чувство, поэтому я протягиваю руку и обхватываю его яйца, нежно перекатывая их в ладони, и когда я это делаю… он вздрагивает.

После этого нить обрывается, он перестает сдерживаться и делает именно то, о чем я просила.

Он подается вперед, его руки крепко сжимают мои волосы, когда он входит до предела, задержавшись на мгновение, пока я не начинаю давиться его членом. Он вытаскивает его и вставляет снова. Я прижимаю язык, чтобы вместить в себя всю его длину, пока мой нос не касается мягкого ковра волос в его паху.

Это так грязно. Единственный звук в комнате – это то, как он трахает меня в рот и его хриплое дыхание.

– Я скоро кончу. Че-ееерт, Халли.

Я мычу, но он внезапно вытаскивает член, его грудь вздымается.

– Я не кончу, пока не окажусь внутри тебя. Вставай на кровать, на четвереньки.

Я послушно следую его указаниям и хихикаю, когда он шлепает меня по заднице, а я забираюсь на кровать и оглядываюсь на него. На секунду мне становится неловко от того, как его взгляд скользит по моему обнаженному телу. На мне только его футболка, и его глаза внимательно изучают меня.

– Просто идеально, – оценивает он, его голос неровный и напряженный от желания. Он сжимает мои ягодицы, раздвигая мою попку. – Твоя маленькая тугая киска такая хорошенькая и розовая. Посмотри, какая ты мокрая. Грязная девчонка. Моя грязная девчонка.

Обхватив член ладонью, он проводит им по моим складочкам, постукивая по клитору. Я такая мокрая, что звук эхом разносится по комнате, такой непристойный и грязный, что у меня по спине пробегают мурашки.

Я чувствую, как он прижимается к моему входу, входя в меня всего на дюйм. Я так возбуждена, так взвинчена, что ловлю себя на том, что двигаюсь сама, отчаянно желая, чтобы он вошел

глубже.

– Лейн, пожалуйста. Трахни меня.

– Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя, детка? Как грязную девчонку? – он входит еще на чуть-чуть. – Скажи мне, чего ты хочешь, Халли.

Двигая бедрами, я сжимаюсь вокруг его члена:

– Хочу, чтобы ты трахнул меня. Жестко и быстро.

Он задирает подол футболки, обнажая мою задницу. Он сжимает мои бедра, а затем входит в меня с такой силой, что моя грудь трясется от его движений, и мы оба стонем от этого ощущения.

Ничто не сравнится с ощущением, когда его бедра прижимаются к моей попке, а он входит меня на всю длину. Кончики его пальцев впиваются в мои бедра, когда он полностью выходит из меня и снова входит. Он трахает меня как безумный.

Его толчки резкие и быстрые, именно такие, как я просила, он входит в меня с такой силой, что с каждым движением его бедер я продвигаюсь все дальше.

– Черт возьми, детка, мне нравится смотреть, как твоя киска растягивается, когда принимает мой член. Хорошая девочка.

Мне нравится, когда он так говорит. Так грязно и развязно.

– Я сейчас кончу, – выдыхаю я, сжимая в кулаке простыни, пока он входит в меня снова и снова.

Он находит пальцами клитор и грубо сжимает его. Только тогда меня настигает оргазм, мои внутренние стенки сжимаются вокруг него, и я кричу, повторяя его имя.

Я отдаюсь его толчкам, испытывая наслаждение, пока не падаю грудью на матрас, полностью обессиленная. Я больше не доверяю своим конечностям.

– Я мог бы смотреть, как ты кончаешь, всю оставшуюся жизнь, – шепчет он, не выходя из меня, наклоняясь вперед, чтобы приподнять мою попу. От этого движения он входит еще глубже.

Он проводит губами у меня за ухом, прикусывая кожу, когда выходит, а затем снова входит.

Я только что кончила, но уже чувствую, как в животе разливается жар. Его рука скользит вверх по моему животу к соскам. Он грубо теребит их, перекатывая между пальцами.

Я всхлипываю, когда он сжимает сосок между пальцами.

– Тебе нравится пожестче? – спрашивает он, и я киваю, и он повторяет. Боже, это просто невероятно.

Оставив мои соски, его рука поднимается к моей шее, его пальцы нежно обхватывают мое горло.

– Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя вот так, крошка Халли? Вошел поглубже и сжал твое горло?

– Пожалуйста, – умоляю я, и это единственное слово, которое я могу выдавить, когда кончики его пальцев надавливают на пульсирующую жилку у меня на горле.

Он вытаскивает член, медленно покачивая бедрами, и снова входит в меня, совершенно неторопливо. Он трахает меня мучительно медленно, попадая в то место, от давления на которое у меня дрожат ноги и сводит живот.

Нарастает еще один оргазм, медленное жжение, которое разгорается все ярче с каждым толчком.

– Как же хорошо. Продолжай, – издаю я стон, протягивая руку, чтобы обхватить его за шею. Мне нравится чувствовать, как он держит меня за горло.

Я теряю счет тому, как долго мы остаемся в таком положении, медленно двигаясь вместе, наслаждаясь каждой секундой, пока он внезапно не отпускает меня и полностью выходит.

Я поднимаю на него взгляд. Он ложится на кровать и притягивает меня к себе. Я оказываюсь на нем верхом.

– Я хочу посмотреть, как ты скачешь на моем члене.

Мы никогда не занимались сексом в этой позе, так что я с радостью готова попробовать. Он приподнимает меня, чтобы я смогла сесть на член, и я медленно опускаюсь на него по всей длине, пока клитор не касается его лобковой кости.

– О боже, – выдыхаю я. Он никогда не входил так глубоко. Стимуляции клитора уже достаточно, чтобы я кончила, а я ведь даже еще не двигалась.

Положив руки мне на талию, он прижимает мои бедра к себе, показывая, как удобнее двигаться. Я слегка приподнимаюсь на коленях, затем опускаюсь обратно, вызывая у него стон.

– Че-ерт, Халли. Как же туго!

Повторяя движение, я насаживаюсь на его член, пока мы не ловим нужный ритм. Он приподнимается мне навстречу, проникая невероятно глубоко. Мои пальцы впиваются в его грудь, и я продолжаю скользить по нему вверх и вниз.

Когда он проводит большим пальцем по моим губам и велит мне облизать его, я провожу языком по подушечке, но он вытаскивает палец у меня изо рта и ласкает мой клитор, пока я не начинаю извиваться всем телом.

Мои бедра совершают беспорядочные движения, не в силах даже контролировать это в данный момент. У меня срывает крышу.

– Кончи на мой член, Халли, – командует он, сжимая мой клитор пальцами и не прекращая движения.

Мы кончаем вместе, раздаются стоны, его сперма

выплескивается внутрь, а я сжимаюсь вокруг него. Все мое тело содрогается от силы оргазма.

Я чувствую, как его тепло разливается внутри, и какая-то первобытная часть меня возбуждается от этого. Это отметка, что я его. Хорошо, что ему нравится кончать в меня.

Мои руки подкашиваются, и я падаю ему на грудь. Мы просто масса обмякших конечностей и пота. Я чувствую, как неровно бьется его сердце. Мое бьется так же – такое чувство, что они стучат в унисон.

Лейн выдыхает, проводя рукой по моим волосам:

– О господи, Халли. Я думал, ты пытаешься меня убить.

Я хихикаю, слегка приподнявшись, чтобы положить подбородок на руки, и встречаюсь с ним взглядом. Он такой красивый, удовлетворенный и расслабленный, и я нежно прижимаюсь губами к его губам.

– Очень устал для следующего захода?

– Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя еще раз? – спрашивает он с недоверием на лице.

Я киваю:

– Если ты, конечно, не слишком утомился… Я знаю, ты уже в возрасте, и выносливость, вероятно, уже не та, что раньше…

Он быстро шлепает меня по заднице, и через секунду переворачивает на спину, оказавшись между моих бедер.

– Я покажу тебе выносливость, детка.

И он показывает снова и снова, пока я не засыпаю, прижавшись к его груди, жалея, что у меня не хватает смелости сказать ему, что именно я начинаю чувствовать.

Глава 27
Лейн

– Хорошо потренировались, парни. К февралю будете готовы к новому сезону. Идите домой и поспите. И не стоит мне названивать, а то вам придется бегать по этому чертову полю столько раз, что вас стошнит. А когда закончите, придется повторить, – обещает тренер, и парни посмеиваются, а затем вокруг нас раздается хор: «Да, сэр».

Единственный план, который у меня есть на сегодня, – это, надеюсь, принять душ со своей девочкой, заказать пиццу, а затем забраться в постель и провести остаток ночи, растворяясь в ней.

А потом?

Проспать сорок восемь часов.

После благотворительной игры прошла неделя, и не проходило ни одного дня, чтобы я не засыпал с Халли в объятиях, оба удовлетворенные и измученные. И под «измученными» я имею в виду то, что моя девочка *ненасытна*, и мне это чертовски *нравится*.

Она бесстыдная и без проблем говорит мне, чего именно она хочет. И обычно это мой член и мой рот в любое время суток. Я чертовски горжусь тем, как далеко она зашла. Как много уверенности она обрела с тех пор, как мы начали…

– Сегодня все получилось, братан. Вы с Халли не хотите куда-нибудь выбраться вечерком? На вечеринку братства или в Redlight? – спрашивает Грант, протягивая кулак. Когда мы стукаемся кулаками, я понимаю, что браслета, который сделала мне Халли, моего нового талисмана на удачу, нет на моем запястье.

Какого хрена?

Грант, должно быть, заметил панику на моем лице, потому что поинтересовался, что случилось.

Я оглядываю землю вокруг себя. Чертовски надеюсь, что он просто развязался, пока я играл.

– Халли сплела мне браслет, я ношу его несколько недель, и это мой… талисман на удачу. Надо его найти.

К нам подходит Риз с сумкой, перекинутой через плечо, когда я начинаю искать в грязи маленькие красные бусинки.

– Че за дела?

– Лейн потерял браслет, который ему сделала Халли, – отвечает за меня Грант.

Риз присвистывает:

– Черт, чувак. Отстойно. Попроси ее сделать новый.

– Она не может просто взять и сделать еще один. Он очень важен для меня. Он… слушай, просто помоги его найти. И возьми Хэнка и Риджа. Мы не уйдем отсюда, пока его не найдем, – я раздраженно провожу пальцами по волосам. – Пожалуйста.

Друзья переглядываются, затем смотрят на меня и Риз закатывает глаза:

– Ну ладно. Но сегодня вечером ты пойдешь с нами.

– Черт, нет.

– Чувак, если ты заставляешь меня ползать по земле на четвереньках в поисках *бусинок* с браслета, который сделала тебе твоя девушка… сегодня ты точно с нами.

Я останавливаюсь:

– Она не моя… Знаешь что, просто помоги.

В нескольких футах от себя я замечаю ярко-красную бусинку. Я опускаюсь на колени и подбираю ее, оглядывая землю в поисках остальных. Риз подзывает Риджа и Хэнка, затем садится на землю рядом с Грантом.

– Не могу поверить, что я это делаю, – бубнит Риз. – Нашел одну! Грант, ты вообще ищешь?

Грант усмехается:

– Конечно, ищу. Смотри себе под ноги, бро.

Я уже на взводе из-за того, что потерял свой счастливый браслет, сделанный для меня Халли. Он много для меня значит.

– Можешь себе представить, что нас сейчас кто-нибудь увидит? Кучка взрослых мужиков на земле ищет бусинки. Вот это самоотдача. А я хороший друг, – объявляет Риз Гранту и сбивает с его головы кепку. – Вам повезло.

Не обращая на него внимания, я продолжаю собирать бусинки с земли. Через несколько минут у меня в руке оказывается по меньшей мере десять штук. В какой-то момент резинка, должно быть, лопнула и они рассыпались.

– О! Я нашел букву «Р»! – выкрикивает Ридж в нескольких метрах от меня.

– А у меня «И»! – кричит Грант.

Шикарно!

– Как прошел разговор с отцом? – вспоминает Риз, пока мы копаемся в земле. – Не было возможности спросить.

Выдохнув, я пожимаю плечами:

– Именно так, как я и предполагал. Честно говоря, не знаю, чего я ожидал, но все прошло совсем не так, как хотелось бы. Он убежден, что я совершаю ошибку и пускаю жизнь под откос.

– Это не значит, что ты пускаешь жизнь под откос, если это не сделает тебя счастливым, брат. Вот, что важно.

Я киваю:

– Да, все так говорят. Я просто… хочу, чтобы он перестал талдычить, что я совершаю страшную ошибку и услышал, что я пытаюсь до него донести.

Риз кивает и с минуту молча водит рукой по грязи, а я продолжаю свои поиски.

– Я всегда тебя поддержу, ты же это знаешь, да? Выпускной уже не за горами, и черт знает, чего ожидать от жизни, но это не значит, что между нами троими что-то изменится. Вы мои друганы на всю жизнь.

– Конечно. И ты тоже не сомневайся. Я буду регулярно приходить и помогать тебе тратить все деньги, что ты заработаешь в высшей лиге.

Я шучу, но я знаю Риза…

– Ух, затусим! – он смеется. – А если серьезно, мне жаль, что у вас с отцом сейчас все так плохо. Такое ощущение, что ты стоишь на важном перепутье.

– Да, я решил отклонить предложение.

Глаза Риза расширяются.

– Ты уже точно решил? Типа прям безоговорочно уверен?

Я киваю:

– Ага. Решил. Во всяком случае, эта история с моим отцом только укрепила мое решение. С меня хватит. Сезон отыграю и ухожу. Я учусь на факультете управления бизнесом. Что-нибудь придумаю. Поезжу по миру. Открою какую-нибудь компанию. Буду делать то, что кажется правильным.

– Вау.

Он шокирован моим признанием, и я его не виню. Мы не первый раз говорим об окончании моей карьеры, но на этот раз я впервые озвучил свое решение. Если я отклоню предложение, второго шанса не будет. Потенциально я мог бы подать заявку в следующем году, но не буду.

– Так что получаю диплом и снимаю форму, – добавляю я. – Я еще никому не говорил, кроме Халли. Даже брату не сказал. Я принял это решение, когда приехал домой на праздники.

– Ну, ты уже готов признать, что влюблен в нее? – интересуется Риз. – Потому что это совершенно очевидно.

Я выдыхаю, мои плечи опускаются. Я снова поднимаю на него взгляд:

– Да, это правда.

Я не колеблюсь и не лгу ни себе, ни ему. Я точно знаю, что я к ней чувствую, и поездка домой все решила. Между нами что-то изменилось. Я сам не знаю, что, но когда мне пришлось оставить ее одну в постели, я понял, что пути назад уже нет.

– Я так и знал. Я просто ждал, когда ты *сам* это поймешь, – друг ухмыляется. – Скажешь ей?

Кивнув, я подбираю еще одну бусинку, затем вытираю пот, капающий со лба.

– Да… скажу. Скоро. Когда придет время. Я не хочу все испортить, если она не чувствует того же.

– Я рад за тебя, брат. От всей души. Ты так изменился, стал счастливее. Больше похож на парня, с которым я познакомился на первом курсе, и я почти уверен, что это из-за нее. Так что я счастлив, что ты нашел то, что раскрывает эту часть тебя. Я нечасто говорю серьезно, но я думаю, тут ты принял правильное решение. Главное, чтобы ты был счастлив, да?

– Спасибо, что ты со мной. Заноза в моей заднице. Могу доверить тебе все свое дерьмо. Ценю тебя, мужик.

– Ну а кому еще, как не твоему самому красивому, умному и спортивному другу? – отвечает он, как всегда нахально. – Ну а вот *это* – самое романтичное, что я когда-либо делал, а ведь это даже не для себя! Ты заставил всех нас встать колени ради твоей девушки, Коллинз. Как в песне у Тейлор Свифт…

– Ты слушаешь Тейлор Свифт?

– Брат. Ты меня так не оскорбляй. Я ее фанат на всю жизнь.

Рассмеявшись, я закатываю глаза.

– Только никому не рассказывай. Не хочу, чтобы Халли узнала о моих чувствах не от меня.

Слухи в этом кампусе распространяются быстро, и последнее, чего я хочу – это чтобы мое признание дошло до Халли быстрее, чем я его произнесу.

Я хочу рассказать ей о своих чувствах, когда наступит идеальный момент, потому что она не заслуживает меньшего. Я влюблен в Халли Эдвардс. Я такого не планировал, но теперь я не собираюсь сдаваться и отказываться от нее, контракт у нас или нет.

Я не могу просто все закончить, как будто ничего не было. Как будто я никогда не пробовал ее на вкус и не чувствовал, как она дрожит под моими руками. Как будто я не видел, как краснеют ее щеки, когда я шепчу ей на ухо какую-нибудь непристойность, или как она мило смеется, когда смотрит бессмысленные видео в интернете. Она поселилась в моем доме и стала частью меня. С тех пор, как все началось, мы стали лучшими друзьями. Она та, к кому я обращаюсь с любой проблемой. Ей первой я спешу сообщить, что у меня был хороший день или произошло что-то интересное.

Риз поднимает руки в притворной капитуляции:

– Я – могила. Но раз уж мы заговорили о чувствах… ты не

замолвишь за меня словечко перед Вив? – в его глазах светится надежда.

– Черт возьми, Риз, она ж тебя ненавидит. Уж не знаю почему, но очевидно, что она не самая большая твоя поклонница.

– Это потому, что она еще не знает меня, – он усмехается. – А все, кто хорошо меня знают, любят меня. Меня невозможно не любить. Видишь это лицо?

– Что я пропустил? – Грант подваливает к нам, и прежде, чем я успеваю ответить, высыпает мне в руку пригоршню бусин и отряхивает руки.

– Риз хочет, чтобы я свел его с Вивьен, но я думаю, что она, скорее всего, врежет мне между ног, если я хотя бы попытаюсь заговорить с ней об этом, – объясняю я.

Грант пожимает плечами:

– Я не знаю, но у них какая-то своя атмосфера, они так друг друга ненавидят, что хотят.

– Ну, а я что говорю? Все хотят Риза Лэндри, – он двигает бровями, поворачиваясь. Как только он заканчивает дурачиться, тоже высыпает мне в руку бусины, и только тогда я чувствую облегчение, видя, что браслет почти полностью собран.

– Чувак, пожалуйста, никогда больше не говори о себе в третьем лице, – одергивает Грант, слегка толкая его в плечо. – Ридж, Хэнк, тащите бусины, братишки. Пора выходить на улицы и устраивать дебош!

Че-ееерт.

– Я спрошу Халли, пойдет ли она. Если нет, мы останемся дома, – говорю я. – Серьезно, я адски устал и не в настроении веселиться.

– Даже лучшие сдаются, Коллинз. Даже лучшие, – вздыхает Риз.

Глава 28
Халли

– Лучшая вечеринка в *мире*! Пан или пропал! – Вив вопит мне в ухо, перекрикивая музыку.

Я киваю, беря ее под руку. Вместе мы проходим через дом братства. минуя стойку с бочонками пива посреди гостиной и два отдельных стола для игры в пинг-понг, прежде чем добираемся до задней двери.

Что я узнала в этом году, так это то, что ребята из братства обожают вечеринки, и они устраивают их абсолютно по любому поводу.

Воскресенье? Сворачиваем на скользкую дорожку[39]*, с вас бутылка (детского масла), одежда по желанию.*

Идет дождь? Дождик, дождик, уходи! Выпивку несем под зонтом, дресс-код: резиновые сапоги.

Среда? Конкурс мокрых маек, лифчики запрещены.

Думаю, лифчик – это плата за вход.

Ну, в общем, они знают толк в вечеринках. И поэтому я сегодня здесь. Потому что в тот момент, когда Вив услышала, что они устраивают вечеринку в честь окончания семестра, вопрос тут же был решен. Дело не в том, что я против вечеринок как таковых; я просто все больше убеждаюсь, что мне гораздо больше нравится сидеть дома, смотреть Netflix или играть в игры.

Единственный плюс в том, что Лейн здесь, и как бы сильно я ни любила свою лучшую подружку, я считаю секунды до того, как смогу найти его.

– Боже, это *безумие*! – восклицает подруга, оглядывая толпу людей на заднем дворе. Там есть надувная горка высотой не менее двадцати футов, и я почти уверена, что это не то, что декан этого точно не одобрил.

Люди летят по ней так быстро, что просто чудо, что они не слетают и не ломают ноги.

После моего первого знакомства с текилой я не притронусь ни к одному глотку алкоголя, который помог бы мне спуститься с горки смерти.

Нет, спасибо. Лучше поищу чего-нибудь съедобного. Но напиваться и потом весь день мучиться с похмелья – нет уж.

– Давай, Халли, мы должны спуститься! – умоляет Вив, смотря на меня щенячьими глазками.

– *Ни в коем случае*, Вивьен. Боже, как же здесь холодно, – бормочу я, потирая руки. В декабре на юге по ночам наконец-то

становится немного прохладно. Мои руки покрываются гусиной кожей, и я дрожу.

Надув губы, она стонет:

– Ну-уу. Выглядит так весело!

– Выглядит как необычайно затратная поездка в травмпункт. Слушай, ты стой в очереди, а я сейчас вернусь. Я попытаюсь найти Лейна и посмотрю, не сходит ли он со мной домой за курткой. Мы договаривались встретиться здесь. Ты будешь вести себя хорошо, пока я не вернусь?

Она кивает, и я поворачиваюсь к дому и вхожу через заднюю дверь. Внутри так много людей, что трудно даже ходить. Я вижу, как Илай и Ари целуются на диване, и качаю головой.

Боже, эти двое еще хуже, чем мы с Лейном.

Наконец, я возвращаюсь в гостиную и оглядываю толпу в поисках Лейна.

– Эй! Хочешь выпить? – ко мне подходит незнакомый парень с красным стаканчиком, и я качаю головой:

– Нет, спасибо. Я не пью, – отказываюсь я с вежливой улыбкой.

Незнакомый парень предлагает выпить? Неужели девушки действительно на это ведутся?

Пожав плечами, он уходит, а я продолжаю поиски Лейна и наконец замечаю его на другом конце комнаты, прислонившегося к стене с пивом в руке. Он разговаривает с блондинкой с короткой стрижкой, которую я не узнаю.

Мои глаза прикованы к ним. Она смеется, запрокидывая голову и протягивая руку, чтобы положить ее на его плечо.

– Бро, он сегодня ее точно завалит. Счастливчик. Ты знаешь, что они переспали на втором курсе? – сплетничает парень справа от меня. Он высокий, с ярко-рыжими волосами и усами в стиле порнофильмов семидесятых. Я узнаю в нем одного из товарищей Лейна по команде, и у меня внутри все переворачивается.

– Да, и похоже, что у них с той чудилой не было ничего серьезного. Я слышал, как он говорил кому-то, что они не встречаются, – отвечает его друг.

Что?

Нет, он…

– Стопудово в этом уверен. Похоже, Коллинз вернулся. Самое, мать его, время. Без него становилось все скучнее.

Чудила.

Сдерживая слезы, я возвращаю взгляд обратно на Лейна и таинственную девушку. Он улыбается, внимательно вслушиваясь в каждое ее слово, и это причиняет мне боль.

Когда я слышу все, что говорят его товарищи по команде, моя

неуверенность выплескивается наружу. Та самая, которая никуда не ушла и лишь скрывалась под моей новой личиной, готовая показаться в любой момент. Это для меня напоминание, что у нас с Лейном – все временно, и так было всегда.

В нашем контракте указана дата окончания – просто я была достаточно глупа, чтобы думать, что мы могли бы стать чем-то большим. И что мы были чем-то большим. Я должна была догадаться, что он относится ко мне несерьезно, когда не хотел говорить об этом нашим родителям и когда так быстро поправлял кого-то, когда меня называли его девушкой.

Господи, все знаки были налицо, но я проигнорировала их, потому что взяла и влюбилась в парня, который никогда не ответит мне взаимностью.

– Чувак самый крутой игрок в кампусе. Зачем ему с кем-то встречаться, если у него больше девчонок, чем у всей команды вместе взятой? Он никогда не променяет их на просмотр «Инопланетянина» или другое инопланетное дерьмо, которое ей нравится.

Бросив последний взгляд на Лейна, видя, как он наклоняется, чтобы прошептать что-то девушке на ухо, я выбегаю из комнаты, прежде чем выставлю себя полной дурой и разрыдаюсь.

Очевидно, что я ему совершенно безразлична. Он знал, что я буду искать его, и он здесь… флиртует с этой девушкой.

Боже, какая же я дура. Такая наивная. Мне следовало бы быть умнее. Я должна была исключить свое сердце из этого уравнения, как и предупреждали меня Вив и Илай, но вместо этого я отдала его прямо ему в руки, как глупая маленькая девочка.

Проталкиваясь сквозь толпу, я выхожу через заднюю дверь и нахожу Вив. В тот момент, когда она видит мое лицо и слезы, стекающие по моим щекам, на ее лице появляется беспокойство.

– Что случилось? Ты в порядке?

– Я ухожу отсюда. Прямо сейчас, – это все, что мне удалось выпалить без риска разреветься. Мне нужна моя лучшая подруга, и я больше ни секунды здесь не останусь.

Не говоря больше ни слова, она ведет меня через весь дом к входной двери, ни на секунду не отпуская. Когда мы выходим, я не могу сдержать слез, они горячие и жгут мне глаза.

– Расскажи мне все, – просит она, и я слова льются из меня потоком, хотя я и стараюсь держать все под контролем.

Когда я заканчиваю рассказывать, она просто кипит от злости. Не думаю, что когда-нибудь видела ее такой взбешенной, а ведь мы дружим почти всю жизнь.

– Гребаные ублюдки. Они *нихрена* не знают! – она обнимает меня за плечи и притягивает к себе, положив свою голову на мою.

Мы идем в сторону дома. – Хал, ты действительно думаешь, что Лейн интересовался этой девушкой? Просто… я видела его с тобой и даже не могу себе представить…

– Вив, дело не только в сегодняшнем вечере. Он не хотел говорить нашим родителям, что мы вместе, как будто это секрет. И на игре, когда тот парень назвал меня его девушкой, Лейн его поправил. Ну а сегодня? Все это доказывает, что у нас никогда ничего не получится. Что у контракта есть срок. И он сделал ровно то, о чем я его просила. Он лишил меня девственности, он научил меня всему. Он мне ничего не должен.

– Хал… – она замолкает, но я вытираю слезы и икаю.

– Я знала это с самого начала, Вив. Я знала, что нельзя в него влюбляться, знала! Ты предупреждала меня, а я не послушала! Он… это он, а я – это я. Я это знала, и все равно впустила его в свое сердце.

– Ты потрясающая, Халли. Невероятная. Ты лучшая девушка, что я знаю, и если он настолько глуп, что отпустит тебя, то это *его* проблема. Ты слышишь меня? Потерять тебя было бы самым большим промахом в его жизни.

Наконец, в поле зрения появляется наш дом, и я готова расплакаться при виде его. Все, чего я хочу, – это забраться в свою постель и уснуть.

Забыть о сегодняшнем вечере.

– Давай зайдем в дом, примем душ, а потом поговорим, хорошо?

Я киваю, шмыгнув носом.

Она берет у меня ключи и открывает дверь, потянув меня за руку. В доме тихо и темно, потому что Лейн и Илай еще на вечеринке.

– Мне нужна всего минутка, Вив, – говорю я ей, когда мы добираемся до моей спальни. Я направляюсь прямо к своему комоду, достаю то, в чем можно поспать, и оглядываюсь на нее, одаривая слабой улыбкой:

– Я думаю, я просто… наверное, мне сейчас нужно побыть одной. Давай созвонимся утром? Я хочу смыть косметику и лечь спать. Мне нужно все переварить, разобраться в чувствах.

– Конечно, Хал. Я могу поспать у вас… если хочешь.

Я качаю головой:

– Не нужно. Все в порядке. Я позвоню тебе, обещаю, – я притягиваю ее к себе, крепко обнимаю, прежде чем отпустить. – Я люблю тебя.

– И я тебя люблю, моя девочка, – бросив последний взгляд через плечо, она покидает меня с грустной улыбкой.

Я оцепенело выполняю рутинные действия: принимаю душ,

снимаю макияж, переодеваюсь в одну из своих футболок. Слезы наворачиваются на глаза, когда я осознаю, что больше никогда не надену футболку Лейна.

Слова этих парней просто лишний раз убедили меня в том, насколько я ему не подхожу. И никогда не подходила. И тот факт, что у нас был секс, ничего не изменил.

Я просто… влюбилась в этого парня и надела розовые очки, потому что не хотела видеть реальность.

Я глупая девчонка, которая влюбилась и проигнорировала то, что было у меня прямо перед носом.

Через пару минут раздается тихий стук в мою дверь, а затем она открывается, и на пороге появляется Лейн.

– Детка? – окликает меня он, проходя через дверь и закрывая ее за собой. – Почему ты ушла? Я тебя везде искал. Я волновался.

Проглотив подступающие к горлу эмоции, я заправляю мокрые волосы за ухо.

– У меня разболелась голова, и я попросила Вив проводить меня домой.

Он в замешательстве морщит лоб, когда подходит ближе:

– Почему ты не нашла меня? Я бы тебя проводил. Что происходит?

– Я… нам надо поговорить.

– Халли… рассказывай, что такое, – он подходит ближе и садится на кровать.

– Я думаю, что нам пора заканчивать, Лейн, – заявляю я, прикусив губу и стараясь сдержать слезы до тех пор, пока не останусь одна. – Мы сделали то, на что договаривались. У контракта есть срок действия.

– Что? Почему? – он качает головой, словно не может поверить в то, что я говорю.

Я тянусь к браслетам на своем запястье и замечаю, что он не надел свой. Очевидно, он бы его не снял, если бы не пытался подцепить другую девушку, верно?

Прокашлявшись, я натягиваю фальшивую улыбку:

– Мы разве не так договаривались? Мы решили, что сделаем дело и разойдемся. У тебя своя жизнь, а у меня своя. Я думаю, нам пора разорвать все связи и двигаться дальше. Без обид.

Мой желудок словно завязывается в узел, и я еле-еле выдавливаю слова.

Я совершенно так не думаю, но сегодняшний вечер был просто напоминанием, что каким бы душераздирающим это все ни было, между мной и Лейном никогда не будет ничего, кроме временного контракта. Даже если для моего сердца уже слишком поздно, потому что оно уже принадлежит ему.

– Без обид? Нихрена подобного. У меня есть обида, и я не собираюсь держать их в себе. Почему контракт должен быть временным?

Я невесело смеюсь, качаю головой, встаю с кровати и отодвигаюсь подальше, пока не наделала глупостей, например, окончательно не уничтожила свое и без того разбитое сердце и эго.

– Потому что у нас с самого начала все было временно.

На мгновение его лицо искажает боль, и он молчит, только челюсть напряженно работает.

– Халли… это не было временно. Все вот это, – он обводит рукой пространство между нами, – Это вообще нихрена не временно.

– Конечно, временно! – восклицаю я. Я плачу, мой голос срывается. – Лейн, ты ни разу не взглянул на меня до того вечера, когда узнал о контракте. Ты ни разу не проявил ко мне интереса, кроме как к подружке твоего брата. До тех пор, пока я буквально не набросилась на тебя.

– Откуда ты это взяла? Что случилось на вечеринке? Все было в порядке, а тут – на тебе!

– Мне напомнили о том, кто ты есть, и кем я всегда буду. Вот и все, – шепчу я.

Он пристально смотрит на меня:

– Да, ну и кто же я, Халли? Раз уж ты все обо мне знаешь.

Когда он встает с кровати и подходит ближе, я поднимаю руку, чтобы остановить его. Горячие непролитые слезы застилают мне глаза, и я кусаю губу, пока не чувствую острую боль, чтобы сдержать их.

– Я никогда не буду той девушкой, которая тебе нужна, Лейн. Я всегда буду чудилой. Эксцентричной – это слово считается не таким обидным. И знаешь, что? Я люблю себя такой больше всего на свете. Я *люблю* себя такой, какая я есть. Я *горжусь* тем, кто я есть. Я боролась за ту девушку, которой являюсь сегодня. И я выбираю себя, потому что мы с тобой друг другу не подходим, – я качаю головой, смахивая предательскую слезинку.

– Черт возьми, Халли, не плачь, детка. Пожалуйста, – умоляет он. – Что значит «мы не подходим друг другу»? Мы подходим идеально!

– Ты звезда кампуса. Без тебя ни одна вечеринка не проходит. А я люблю теории заговора и предпочитаю любой вечеринке фильм о снежном человеке. Я ношу черную одежду и много лет одни и те же кроссовки. Такая девушка тебе нужна, Лейн? – я замолкаю. – Такая девушка не будет встречаться с главным сердцеедом всего универа, потому что еще недавно она даже

поцеловаться ни с кем не могла, из-за неуклюжести. Нам не суждено быть вместе, Лейн.

– Какая разница? Кого волнует, что *другие* люди думают о нас, Халли? Кого это волнует, когда я знаю, что ты подходишь мне лучше, чем кто угодно другой? Кому какое дело, что думают другие? Они нас совсем не знают. Мы идеальная пара.

Я грустно улыбаюсь, и мое сердце болит так, как раньше никогда не болело. Так вот, что такое разбитое сердце… все, на что ты надеялся и о чем мечтал, разбивается вдребезги у твоих ног. А хотелось, чтобы все было иначе. Ты думала, что все будет идеально во всех отношениях, а этого никогда не будет.

У нас нет ничего общего, кроме сильной связи… но этого недостаточно.

Огонь горит ярко, но оставляет за собой лишь пепелище.

– Я должна защитить свое сердца, потому что оно болит больше, чем когда-либо, и я должна беречь его, потому что за меня никто этого не сделает, – шепчу я.

Подойдя ближе, он берет мое лицо в ладони:

– Я сделаю, Халли. Я буду беречь твое сердце. Я хочу защитить его любой ценой, защитить тебя. Но ты мне не даешь.

Мои глаза закрываются, когда по ним скатывается слеза, и я чувствую, как его большой палец стирает ее с моей щеки. Это расставание дается мне куда тяжелее, чем я ожидала.

Но это так. Даже если это правильно.

– Мы сделали все, о чем договаривались. Ты научил меня тому, чего я никогда не забуду, и я никогда не смогу отплатить тебе за все, что ты дал мне, Лейн. Но все кончено. Мне очень жаль.

Он качает головой, скривив губы. Я вижу боль в его глазах, и это ранит больше всего на свете.

– Просто чтобы внести ясность, Халли. Это ты отталкиваешь меня, а не я ухожу. Потому что я, черт возьми, не собираюсь уходить. Ни сейчас, ни когда-либо еще, – обхватив мое лицо, он целует меня до тех пор, пока у меня не подкашиваются колени. Когда он отрывает взгляд, на его лице отражается боль.

– Лейн…

Он сглатывает:

– Это не конец. Я с тобой никогда не закончу, крошка Халли. Тебе нужно пространство? Хорошо, я дам тебе его, но дело ведь не в этом. Дело в том, что нам хорошо вместе, – он замолкает, его большой палец скользит по моему подбородку, пока он баюкает меня в своих руках.

– Пусть мы разные, и мы не укладываемся в традиционные шаблоны. Но ты научила меня одной вещи: быть непохожим на

других – это не так уж плохо. И если детали друг к другу не подходят, из них все равно можно соорудить что-то прекрасное. Возможно, все началось с того, что я стал учить тебя, Халли, но на самом деле это ты учила меня все это время. Ты научила меня любить.

Глава 29
Халли

– Я на все сто процентов в команде Халли, но это самая романтичная вещь, которую я когда-либо слышала, – заявляет Вив, когда я заканчиваю рассказ о вчерашнем вечере.

Как только Лейн вышел из моей комнаты, я упала на пол и плакала до тех пор, пока не почувствовала, что не могу подняться с пола.

Что каждое сказанное им слово запечатлелось в моей душе, и что бы ни случилось, я буду слышать боль в его голосе и сомневаться во всем.

– Вив, – я шмыгаю носом. – Это была самая романтичная вещь, которую и я когда-либо слышала, но есть проблема. Все, что касается Лейна, ощущается самым-самым. Каждое сказанное им слово, каждый удар сердца, когда я была с ним. Проблема в том, что я *действительно* ему верю. Я *действительно* верю, что ему не все равно и что ему больно. И от этого все становится намного хуже, Вив. Потому что это может быть правдой, но сердце-то все равно разбито.

Вздохнув, она запихивает в рот горсть конфеток и прислоняется к стене. Мне слишком плохо, чтобы есть даже кислые мармеладки. Я слишком глубоко погрузилась в пучину своих страданий, но ничего страшного – когда грустно Вив, она ест за нас двоих.

Проснувшись утром, я собрала сумку и сразу же поехала в общежитие Вив. Это было в шесть утра, но стоило мне проснуться, заснуть я уже не смогла, потому что мне было слишком плохо, и в голове крутилось слишком много беспорядочных мыслей.

С тех пор я здесь, мы набрали кучу закусок, запоем смотрим *«Неразгаданные тайны»*[40] и до сих пор говорили обо всем, кроме главного.

Прошло почти двенадцать часов с тех пор, как все рухнуло, и, по правде говоря, справляюсь я паршиво. Мой телефон вибрирует от очередного уведомления, и я колеблюсь, прежде чем открыть его.

– Опять он?

Закусив губу, я киваю.

Это третье сообщение, которое я получаю от Лейна за это утро, и я так растеряна.

Лейн: Утром услышал эту песню и подумал о тебе.

И ссылка на песню Heaven Брайана Адамса.

– У-у, а он не сдается, – отмечает Вив.

– Похоже на то.

Она пожимает плечами:

– Я восхищаюсь его упорством.

Я не совсем уверена, что Вив *на самом деле* на сто процентов в команде Халли. По правде говоря, я даже не знаю, на сто процентов ли *я* вхожу в команду Халли. Он заставил меня усомниться в своих чувствах, и… я запуталась. Дело не в том, что я ему не верю. Я боюсь, что если поверю ему, то в конечном итоге он все равно разобьет мне сердце.

– Давай запишем спонтанный эпизод подкаста? – предлагает Вив с тем же возбужденным выражением в глазах, которое у нее всегда появляется, когда дело доходит до «Вне реальности». – Отвлечешься, переключишь внимание. Сериалы точно не работают. Поставь телефон на беззвучный, и мы затеряемся в мире сверхъестественного.

– Ладно. Уговорила.

Она вскакивает с кровати и бросается к своему столу, немедленно принимаясь за работу, а я остаюсь на кровати, просматривая наши с Лейном сообщения за последние несколько недель. От них мне одновременно грустно и радостно, и я просто… сама с собой не в ладах. Разрываюсь между разумом и сердцем… И не знаю, кто победит.

Мое сердце принадлежит ему, а разум встает на защиту сердца.

Вздохнув, я выключаю звук на телефоне, оставляю его на кровати Вив и сажусь за стол рядом с ней.

– О чем сегодня поговорим? Я недавно прочитала одну чертовски классную книгу о сирено…

Громкий стук в дверь прерывает ее, и мои глаза расширяются. Ее соседка по комнате на все выходные уехала к своему парню.

– Вивьен… – шепчу я. – Кто бы может прийти к тебе в шесть вечера в воскресенье?

– Не знаю.

Встав, она подходит к двери и распахивает ее. За дверью стоит Илай.

Облегчение пробегает по моей спине, и я снова могу дышать, когда вижу, что по ту сторону двери не Лейн. Я не уверена, что мое сердце выдержало бы такого прямо сейчас.

Я не могу толком разобрать, что это, но у Илая под мышками что-то… пушистое?

Вив впускает его в комнату, он смотрит на меня, и его лицо сразу смягчается.

– Хал?

– Привет, Илай, – говорю я, шмыгая носом. Я твердо решила больше не плакать, но я не ожидала увидеть за дверью своего лучшего друга. Я и не подозревала, как сильно мне нужно было его увидеть.

Он кладет вещи на кровать и подходит ко мне:

– Иди сюда.

И я иду. Вскочив со стула, я бросаюсь в его объятия и вздыхаю, когда он обнимает меня за спину и крепко обнимает. На мгновение мне кажется, что у меня все хорошо, и ночью я не ревела до изнеможения.

– Все в порядке, Хал, – шепчет он, подглаживая мои волосы.

Сейчас я благодарна ему больше, чем когда-либо, потому что мне кажется, что в мире все стабильно, даже если это всего лишь одна минута среди сотен других.

– Как будто не в порядке, Илай. На самом деле совсем не в порядке, и я просто хочу, чтобы кто-нибудь избавил меня от страданий. Я чувствую, как вибрирует его грудь, когда он смеется. Наверное, я слишком драматизирую, но ничего не могу с собой поделать. Я чувствую то, что чувствую.

– Ты ведь знаешь, что я люблю тебя, правда?

Отстранившись, я киваю.

– Конечно.

– Но я чувствую, что сейчас моя задача как твоего лучшего друга и человека, который тебя очень любит, – сказать тебе, что, по-моему, ты совершила ошибку. И да, я говорю о Лейне, очевидно, и нет, я говорю это не только потому, что он мой брат. Потому что ты так же важна для меня, и значишь так же много. Но Хал… посмотри на себя. Ты выглядишь несчастной. И он выглядит так же. И мне тяжело видеть вас обоих в таком состоянии.

– Мне тоже, – добавляет Вив с кровати.

– Мы можем присесть и поговорить минутку? Я думаю, независимо от того, каков будет результат, ты должна это услышать.

Кивнув, я откидываюсь на спинку компьютерного кресла, а он садится в кресло Вив.

– Лейн меня сюда не посылал. Я, конечно, принес этих плюшевых йети, чтоб их, потому что он меня без них из дома не выпускал, но я здесь, потому что люблю тебя, и ты лучшая в мире.

Йети?

Мой взгляд падает на кровать, где лежат два пушистых существа, каждый из которых и правда напоминает снежного

человека. Вив бросает одного мне, я ловлю его и разглядываю. Он держит в руках сердечко, на котором неряшливо нацарапано «Любовь с первого следа».

О мой Бог.

У меня такое чувство, что сердце вот-вот выскочит из груди. Это самая глупая, но в то же время самая милая вещица, которую я когда-либо видела в своей жизни, и у меня на глаза снова наворачиваются слезы.

– Не плачь, Халли, – Илай успокаивающе гладит меня по руке. – Вы двое явно без ума друг от друга, и мне нужно, чтобы вы рассказали мне, что происходит у вас в головах, потому что мне кажется, что вы сами причиняете себе боль.

– Боже, я уже и сама не знаю, Илай. Я просто… испугалась. Я подслушала, как какие-то парни говорили, что я странная и что Лейн никогда не остепенится и точно не увлечется такой девушкой, как я. Он флиртовал с той блондинкой на вечеринке, не хотел говорить о нас родителям и отнекивался, когда кто-то другой спрашивал, встречаемся ли мы… и мне стало страшно. Это было уже слишком.

Когда я излила этот поток сознания, по моим щекам снова потекли слезы. Шмыгая носом, я смахиваю их и подтягиваю колени к груди, теребя пальцами браслеты.

Они напоминают мне о том браслете, что я подарила Лейну, и от этого еще хуже. Все напоминает мне о нем.

– Хал, твои чувства справедливы, и я понимаю, что тебе было неприятно слышать чушь от этих придурков. Но в том-то и дело, что они придурки. Парни, которые даже толком не знают, кто такой Лейн, и уж точно ничего не знают о тебе. Послушай, – он вытирает мои слезы. – Когда он впервые сказал мне о вас, я не был уверен, что он тот, кто тебе нужен. Я боялся, что он причинит тебе боль, и не имело значения, брат он мне или нет… Я не хочу, чтобы ты страдала.

Я киваю, шмыгнув носом.

– Но теперь я думаю, что мой брат тебя любит. Даже так – я абсолютно уверен. И я не думаю, что он когда-нибудь сделает что-то, что причинит тебе боль. Я никогда не видел его таким, Халли. Ни с кем. Я поддержу любое твое решение, и я буду поддерживать тебя, даже если ты решишь никогда не возвращаться домой. Мне это точно не понравится, но я это приму. Но ты совершаешь ошибку.

Мои глаза широко раскрываются от удивления.

– Серьезно?

Илай кивает:

– Ага. Я знаю, что ты напугана, Хал. Черт, да любовь – это

вообще страшная штука. Я понимаю тебя. Но я думаю, ты бежишь от этого, потому что боишься, а не потому, что не любишь его или действительно веришь, что он тебя обидит.

– Я согласна, – поддерживает Вив с виноватым выражением на лице. – Извини, Хал, но я перехожу в команду Лейна. Послушай, Илай прав. Ты убегаешь, потому что боишься, что тебе причинят боль, или ты правда думаешь, что Лейн на самом деле не хочет с тобой быть? Даже несмотря на то, что он излил тебе душу и сказал, что вы идеально подходите друг другу и что ты научила его любить?

Закусив губу, я обдумываю их вопросы, затем пожимаю плечами:

– Я… я верю ему. Я просто… – сделав паузу, я выдыхаю, меня переполняют эмоции. – Мне страшно.

– Наконец-то мы сдвинулись с мертвой точки, – бормочет Вив.

Илай закатывает глаза, поворачиваясь ко мне:

– Ты хочешь, чтобы у вас с Лейном все было кончено?

– Нет, но…

Он поднимает руку, останавливая меня.

– Нет. Ты этого не хочешь, и он тоже не хочет. Я скажу как есть, потому что так и поступают друзья – возьми себя в руки, детка, и все исправь. Нельзя позволить страху и неуверенности одержать верх, и я думаю, вам нужно просто все обсудить. Ты должна извиниться перед ним за то, что сбежала, и ему тоже есть за что просить прощения.

Он рассуждает абсолютно здраво, и я чувствую, что, возможно, я слишком остро отреагировала из-за страха. Я даже не дала Лейну возможности объясниться в том, что меня беспокоило: почему он поправлял тех, кто называл нас парой, или скрывал все от родителей. И что я беспокоюсь о том, что я никогда не буду на его уровне. Это все то, что я держал в себе и не осознавала до вчерашнего вечера.

– Наверное, я просто… я влюбилась в него, Илай, и я была слишком напугана, чтобы сказать ему об этом, и я пошла на вечеринку, чтобы рассказать ему о своих чувствах, а вместо этого произошло… то, что произошло.

Мои слова сплетаются в один большой ком, потому что чем больше я озвучиваю все своим лучшим друзьям, тем больше понимаю, что совершила ошибку и оттолкнула единственного человека, который только и делал, что доказывал мне свою преданность.

Боже мой.

Надо все исправить.

Я вскакиваю со стула, лихорадочно ища обувь, когда Илай хмурится и смотрит на Вив, затем снова на меня.

– Что ты делаешь?

– Очевидно, я должна пойти и все исправить, Илай! Боже, это было так глупо, – плачу я, опускаюсь на четвереньки и заглядываю под кровать Вив в поисках своего ботинка.

– Правильно, Халли, одевайся. Я кое-куда тебя отведу.

Теперь я в замешательстве. Куда ему надо меня отвести? Я планирую направиться прямиком домой, чтобы извиниться перед Лейном.

– Что? Я не могу, мне надо к Лейну…

– Мы встречаемся с ним… – объясняет он, бросая взгляд на часы. – через двадцать минут. Так что поторопись.

– Пора вернуть твоего парня, Хал, – ухмыляется Вив, швыряя в меня ботинком.

Глава 30
Халли

– Почему я так нервничаю? – спрашиваю я у Вив и Илая, которые сидят по бокам от меня на трибуне. Мое колено подпрыгивает со скоростью сто миль в час, и я не могу остановиться.

– Потому что ты вот-вот увидишь парня, в которого влюблена, и впервые скажешь ему об этом. Делов-то, – фыркает Вив так, словно в этом нет ничего важного.

Только это еще как важно! Как только Лейн выйдет с поля, я дождусь его и расскажу ему обо всем.

Это важнее всего в мире!

Я влюбилась в сердцееда из кампуса, но я не хочу для нашей истории иного финала, чем «жили долго и счастливо».

– Боже, она когда-нибудь начнется? – я смотрю на телефон. Игра должна была начаться четверть часа назад. – Мне так и не удастся с ним поговорить.

Илай пожимает плечами:

– Не знаю.

Толпа вокруг нас громко переговаривается, а поле все еще пустует десять минут спустя. Я снова достаю телефон и смотрю на время. Тут из динамиков по всему стадиону раздается треск помех, за которым следует громкий сигнал обратной связи, от которого все вздрагивают. Боже, звук был кошмарный.

– Простите, ой, извините, – раздается низкий голос из динамиков, и я выпрямляю спину.

Это…

– Обратите внимание на питчерскую горку, пожалуйста.

– О боже, – шепчу я, прикрывая рот рукой.

Лейн выходит на поле с черным микрофоном в руке, встает на горку и затем поворачивается лицом к трибунам. Он выглядит таким красивым, что у меня щемит сердце. Его непослушные волосы убраны с лица бейсболкой, и на нем форма.

– Я знаю, вам, наверное, интересно, почему мы до сих пор не начали играть, и у меня есть на это очень веская причина.

Он поворачивается к дагауту, быстро показывает большой палец, после чего из динамиков начинает звучать музыка.

Я тут же узнаю песню. Это песня Kiss Me одной из моих любимых групп девяностых – Sixpence None the Richer.

– Что происходит? – спрашиваю я Вив, которая прикрывает улыбку рукой. Когда она застенчиво пожимает плечами, я

перевожу взгляд обратно на Лейна.

– Что может быть важнее бейсбола? – спрашивает он, обводя взглядом трибуны. – Любовь. Это то, о чем я до недавнего времени ничего не знал. Видите ли, в этом году я влюбился в девушку, которая настолько совершенна, что иногда я не могу поверить, что она вообще существует. И вам, наверное, интересно, почему я стою здесь с микрофоном и объявляю об этом?

В толпе раздается смех, и его улыбка становится шире.

– Я не могу вам об этом сказать, пока она не будет стоять здесь рядом со мной. Мои глаза широко раскрываются от удивления.

О нет.

Нет, нет и еще раз нет.

– Халли Джо Эдвардс. Выйди сюда ко мне, пожалуйста.

Я в полной панике смотрю на Вив, моля о помощи, но она только качает головой:

– Нет уж, детка. Иди и верни своего мужчину.

Я замираю, наблюдая, как люди оглядывают толпу в поисках загадочной девушки. Вивьен толкает меня локтем в бок, и я решительно качаю головой.

– Если ты не пойдешь, я вытащу тебя насильно.

Меня трясет, когда я поднимаюсь со своего места, вытирая липкие руки о джинсы. Я боюсь, что мои ноги откажут еще до того, как я доберусь до поля, но я спускаюсь по лестнице, пока люди оживленно обсуждают происходящее и с любопытством смотрят на меня.

Когда я подхожу к ограде, парень из команды, подмигнув, распахивает для меня калитку и выпускает меня. Я иду к Лейну. Все ощущается как в замедленной съемке.

Он улыбается, и бабочки в животе порхают все усерднее с каждым моим шагом. Никогда в жизни так не нервничала. Мои ладони вспотели, а сердце бешено колотится в груди.

Наконец я подхожу к Лейну, он улыбается, снова говоря в микрофон:

– Привет, моя крошка Халли.

Мой голос дрожит:

– П… привет.

– Прости, что пришлось вывести тебя на поле, чтобы сказать это, но я хочу, чтобы все это услышали. Это важно. Может быть, это самая важная вещь, которую я когда-либо говорил.

Я киваю.

– Я знаю, что многие из вас мои фанаты. Но я сам – самый большой фанат Халли, и всегда им был. Я хочу, чтобы весь мир знал, что я влюблен в Халли Эдвардс, и я не боюсь никому в этом

признаться.

О мой Бог.

У меня отвисает челюсть, и я прикрываю ее дрожащей рукой.

Он снова поворачивается ко мне, берет меня за руку свободной рукой и пристально смотрит мне в глаза. Я перестаю замечать толпу, и мы словно остаемся одни в целом мире.

– Я люблю тебя, Халли. Я люблю в тебе абсолютно все, и нет ничего в этом мире, чего я хотел бы больше, чем быть с тобой. Чтобы весь мир увидел, что ты моя… а я твой. Ты сомневалась в моих чувствах и спрашивала, замечал ли я тебя когда-нибудь до того первого дня. И ответ – да.

Он протягивает руку и расстегивает форму, под которой оказывается черная футболка с логотипом *«Вне реальности»*.

На мгновение я теряюсь, но он отвечает на мой немой вопрос.

– AliensRReal – знакомо звучит? Да… это я. Я твой фанат номер один с самого первого выпуска, и так будет всегда. Я хотел быть с тобой очень давно, задолго до того самого дня. Но тот день просто придал мне смелости наконец-то решиться и действовать.

Он… Лейн это AliensRReal? Он слушает наш подкаст с самого начала?

Кусочки мозаики начинают складываться у меня в голове, и он делает шаг вперед, проводя ладонью по моему лицу.

– Мне нужно было раньше сказать тебе о своих чувствах. Один умный человек мне однажды сказал, что я могу быть тем, кем захочу. А я хочу быть парнем, у которого есть *ты*, Халли Эдвардс. Я хочу быть тем парнем, который смотрит с тобой документалки вместо тусовок. Тем, кому ты первому позвонишь, когда поступишь в киношколу. Тем, кто будет помогать тебе выбирать футболки со смешными надписями, и кто будет целовать тебя под дождем. Я хочу быть тем, кто будет дарит тебе любовь. И тем, кто завоюет единственную девушку, что мне нужна.

– Лейн, – горячие слезы текут по моим щекам.

– Я хочу быть с тобой, Халли. Я хочу поддерживать тебя, и любить тебя, и быть с тобой настоящим.

К тому времени, как он заканчивает говорить, я уже рыдаю. Следовало бы из-за этого расстроиться, потому что у меня самое некрасивое плачущее лицо в мире, а на меня смотрят тысячи людей, но я думаю только о том, что Лейн Коллинз в меня влюблен.

И он хочет, чтобы я была его девушкой.

– Что скажешь, крошка Халли? Будешь со мной встречаться?

Я киваю, всхлипывая и обвивая руками его шею. Он бросает микрофон на землю, и тот издает чудовищно громкий звук. Он

приподнимает пальцами мой подбородок и притягивает меня к своим губам. На заднем плане звучит песня Kiss Me, и Лейн Коллинз целует меня на глазах у *всех*.

Я смутно осознаю, что толпа вокруг нас ревет, на трибунах раздаются радостные вопли, но прямо сейчас… все, что я могу видеть, – это он. Все, что я чувствую, – это его руки и его поцелуи, от которых у меня перехватывает дыхание.

Он признался в любви перед всеми. Все знают, что я его.

Отстранившись, он прижимается своим лбом к моему, и наши взгляды встречаются. На трибунах тысячи людей, но мне кажется, что мы здесь только вдвоем.

– Думаю, стоит освободить поле, – предлагает он, посмеиваясь. – Раз уж у меня теперь есть девушка.

– Да, пожалуй, стоит.

Он берет меня за руку, переплетая наши пальцы. Я замечаю, что браслет, который я сделала, снова у него на запястье, и морщусь.

– Я думала, что браслет порвался. Вив откуда-то узнала, что вы с парнями собирали его по всему полю.

– Ага. Я его починил.

Мое сердце бьется еще сильнее. Он починил браслет *сам*?

– Это так трогательно, Лейн.

Его плечи опускаются, а пальцы сжимают мои.

– Это мой талисман, и его сделала моя девочка. Я должен был его починить.

Мне нравится, когда он называет меня своей девочкой. Только на этот раз я действительно его, во всех смыслах этого слова.

Мы подходим к дагауту, где стоит его тренер с блокнотом в руках и серьезным выражением лица.

– Коллинз, у тебя пять минут.

– Да, сэр, – отвечает Лейн, уводя меня в укромное место. Наконец мы останемся вдвоем. Я хочу запомнить этот момент на всю оставшуюся жизнь, и я хочу остаться с ним наедине, потому что мне тоже есть что сказать.

– Лейн… прости меня, – я замолкаю. – За вчерашний вечер. За то, что оттолкнула тебя и толком ничего не объяснила. Я… я испугалась. Нельзя было так поступать. Это было нечестно.

Он делает шаг вперед, обнимает меня и притягивает к себе. Моя щека прижимается к его груди, и я обнимаю его за талию.

– Не извиняйся. Я все понимаю, крошка Халли. Я до смерти боюсь, что все испорчу. Бояться – это нормально, но я обещаю тебе, что никогда не разобью твое сердце, что ты ни случилось. Я заканчиваю универ, ты поступаешь в Нью-Йорк, но что бы не

подбросила нам жизнь, я буду с тобой. Я всегда буду рядом. Мы вместе со всем справимся. И я сделаю все возможное, чтобы у нас получилось. Ты для меня единственная, и другой такой, как ты, никогда не будет.

Я вижу искренность в выражении его лица и слышу ее в его голосе.

– Я люблю тебя, Лейн. С той самой ночи, когда ты снял с меня макияж и спал на моем полу, как чокнутый.

Он смеется, прижимаясь своими губами к моим:

– Что угодно для моей девочки. Моя работа – заботиться о тебе.

– А я хочу заботиться о тебе.

Краем глаза я замечаю, что к нам приближаются Вив и Илай. Вив многозначительно подмигивает, а Илай изо всех сил старается не поморщиться, видя руки своего брата на мне.

– Думаю, тебе пора возвращаться к игре. Эм… увидимся после?

Он кивает:

– Ага. Может, закажем пиццу и глянем новый эпизод «Порталов в ад»?[41]

– Идеальный мужчина, – я улыбаюсь, привстав на цыпочки, чтобы поцеловать его еще раз, прежде чем он повернется и вернется к игре.

Любить Лейна Коллинза – самое легкое, что я когда-либо делала.

Вот какой *должна* быть любовь. Непринужденной, но ошеломительной, как раскаты грома во время грозы или солнце, каждое утро выходящее из-за облаков.

И чему же самому важному научила меня любовь к Лейну? Любовь не терпит условностей, не подчиняется правилам. Не имеет значения, подходят ли два человека друг другу.

Важно только то, что вместе… вы чувствуете себя *единым целым*.

КОНЕЦ

Эпилог
Полгода спустя

– Не подглядывай! – шепчу я ей на ухо, прикрывая руками ее глаза, пока веду ее в гостиную. Уже темно, и я стараюсь следить за тем, чтобы она не открывала глаз, поэтому мы двигаемся очень медленно; и задеваю ее пятки, двигаясь позади нее.

– Ты можешь, *пожалуйста*, просто сказать мне, что происходит? Ты же знаешь, я не умею ждать. Я хочу получить сюрприз здесь и сейчас.

Посмеиваясь, я веду ее дальше в темную гостиную:

– О, я знаю, детка, но этот сюрприз того стоит. Ладно, стоп. Вставай вот здесь. Я уберу руки, но глаза пока не открывай, ладно?

Она кивает, и я медленно убираю руки и подхожу к светильнику, который я установил в центре пустой комнаты. Когда я щелкаю выключателем, вся комната озаряется оттенками синего, зеленого и фиолетового, а на потолке появляется проекция галактики.

– А *сейчас* можно? – спрашивает она.

Пересекая комнату, я останавливаюсь перед ней и обнимаю ее за талию, быстро целуя в висок:

– Да. Теперь можно.

Ее ярко-голубые глаза широко распахиваются, когда она осматривает полутемную гостиную, раскрашенную яркими звездами и планетами благодаря проектору звездного неба. Ее взгляд падает на спальный мешок, подушки и одеяла, которые я разложил на пустом паркете рядом упаковками мармеладок, апельсиновой фантой и другими ее любимыми закусками.

– Что происходит? – шепчет она, снова поднимая на меня глаза.

– Я подумал, что это лучший способ провести нашу последнюю ночь в этом доме.

Ее глаза наполняются слезами, она бросается ко мне, обвивает мою шею руками и зарывается лицом в изгиб моей шеи, глубоко вдыхая:

– Я не могу поверить, что это наша последняя ночь. Такие противоречивые эмоции… Нам нужно попрощаться с этим домом.

Я оглядываю комнату, на картонные коробки вдоль стен, и киваю.

Кажется безумием думать, что всего год назад Халли переезжала сюда, и я внутренне сходил с ума от мысли, что она

вторгается в мое личное пространство. Оказывается, это было лучшее, что когда-либо случалось со мной.

Потому что теперь у меня есть она.

Я тот счастливчик, который может назвать Халли Джо Эдвардс своей. И я хочу, чтобы она была моей навсегда.

Завтра начинается новая жизнь. Немного страшновато паковать все, что у тебя есть, и переезжать через полмира в новый город, но чему меня научили последние полгода, так это тому, что с ней я всесилен.

– Здесь как-то… *пусто*. – тихо говорит она, отстраняясь, чтобы оглядеть комнату. – Это… это правда *все*. Я… я знаю, что я слишком эмоциональна, я просто… правда буду скучать по этому месту. Я жила вместе с Илаем, и могла видеться с Вив, когда захочу. И у меня было свое место на крыше. Этот дом стал для меня родным, и теперь мне горько расставаться с ним.

Я киваю:

– Я знаю, детка, но ты следуешь за своей мечтой, и я чертовски горжусь тобой. Это нормально – скучать по дому, но теперь мы обустроим свой дом на новом месте.

Наклонившись, она кладет голову мне на грудь, ровно дыша, когда я провожу рукой по ее волосам.

– А еще круче то, что мы переезжаем в абсолютно новый город, мы познакомимся с новыми людьми, создадим новые воспоминания. Мы найдем кинотеатр, посмотрим там все твои любимые слэшеры, и, знаешь… Нью-Йорк славится своей пиццей.

Легкий вздох срывается с ее губ, когда она поднимает на меня взгляд:

– Не смей вести себя так, будто что-то заменит Jack's. Ничто не сравнится с их сырной пепперони!

– Я о том, что у нас будут новые места, которые мы сможем назвать любимыми. Снаружи целый мир, который ты покоришь, крошка Халли. Ты поступила в университет Нью-Йорка! Ты так долго об этом мечтала, и, наконец, мечта сбылась!

Ее пальцы скользят по вырезу моей футболки, и она улыбается:

– Это просто нереально.

– Так и есть. У меня есть для тебя кое-что еще, – я хитро усмехаюсь.

– Лейн! Ты меня балуешь. А я вот ничего для тебя не приготовила!

– Ты же знаешь, что я люблю баловать свою девочку. Работа у меня такая. Садись, сейчас принесу.

Она отстраняется, осторожно подходит к спальному мешку, сбрасывает обувь и садится с предвкушением в глазах.

Я подхожу одной из коробок, осторожно открываю ее и достаю кое-что, затем поворачиваюсь к ней:

– Сюрприз!

– О мой Бог! – ее рука взлетает ко рту, и я уже вижу, как на глаза наворачиваются непролитые слезы.

У меня в руках полутораметровая неоновая вывеска подкаста «Вне реальности». Недавно я просматривал соцсети и подумал, что это было бы идеальным дополнением к нашему новому дому. Они с Вив уже строили большие планы на будущее своего подкаста, поэтому я сразу же его заказал.

Я подхожу к стене и подключаю шнур к розетке, наблюдая, как вывеска в моих руках оживает, светясь розовым и фиолетовым.

Когда я снова поворачиваюсь к ней лицом, она вся в слезах.

Дерьмо.

– Детка, почему ты плачешь? – бормочу я, ставя вывеску на пол и пересекая комнату. Не раздумывая ни секунды, я заключаю ее в объятия и прижимаюсь губами к ее голове. Она всхлипывает, вытирая слезы:

– Это самый продуманный, невероятный сюрприз, который я когда-либо получала, Лейн.

– Я подумал, что он идеально подойдет к нашей новой квартире.

Ее тело сотрясается в моих объятиях от смеха, прежде чем она отстраняется и смотрит на меня, проводя рукой по моему подбородку:

– Наша квартира в буквальном смысле размером с обувную коробку.

– Повесим над кроватью, – я пожимаю плечами. – Или куда захочешь. Я хочу, чтобы ты чувствовала себя как дома, как это было здесь.

На секунду она замолкает, ее тело погружается в мои объятия. Она теребит браслет на моем запястье, затем поднимает взгляд, ее глаза встречаются с моими, и она шепчет:

– Дом там, где *ты*, Лейн.

* * *

– Еще две и все, – говорит папа, ставя коробку в фургон U-Haul.[42]– Можно ехать.

– Спасибо, пап.

Он кивает с серьезным выражением на лице:

– Я буду скучать по тебе, сынок. И мама тоже. И… я горжусь тобой. За то, что следуешь зову своего сердца и добиваешься того, чего хочешь. И не боишься идти по непроторенной дорожке. Нью-Йорк большой город, но я не сомневаюсь, что за что бы ты ни взялся, ты справишься на отлично. Как и всегда.

Я много думал об этом, прикидывая, что ждет меня в будущем с тех пор, как я отклонил предложение. Я всегда считал, что мое будущее – бейсбол, но теперь у меня миллион возможностей, которые я могу создать сам. Миллион разных путей.

– Я ценю это, папа. Я рад, что мы наконец-то обо всем поговорили… Я так боялся тебя разочаровать, – отвечаю я.

– Ты меня не разочаровал. Все, что меня волнует – это твое счастье, просто… мне потребовалось время, чтобы осознать, что бейсбол больше счастья тебе не приносит. Я всегда буду твоим самым большим поклонником и поддержу тебя во всем. Ты же знаешь это, верно? – он протягивает руку и нежно сжимает мое плечо.

Я киваю, похлопывая его по спине:

– Знаю. Ну что, теперь будешь болеть за «Янкиз[43]»?

– Даже не знаю, – он качает головой. – Если это и случится, то точно не скоро.

– Лейн?

Обернувшись, я вижу, что Халли подходит к машине, ставит на землю две коробки и, заслоняясь рукой от солнца, смотрит на меня снизу вверх:

– Похоже, это все.

Она ставит на землю две большие коробки:

– Спасибо за помощь, мистер Коллинз.

– Не за что, дорогая. Смотрю, уже готова ехать, – он улыбается ей.

Наши мамы уже стоят перед фургоном с кипой бумаг.

– Ладно, Лейн, – произносит мама, сунув мне в руки карту, исписанную пометками. – Я тут отметила аварийные остановки, больницы, заправки и все такое. Вот здесь – самый быстрый и безопасный путь.

– Мам, у меня карта в телефоне, – я смеюсь.

Она прищуривает глаза:

– Не дерзи матери, Лейн Коллинз. Что, если ты забудешь телефон на остановке? Если он сядет или упадет в озеро?

Я в замешательстве морщу лоб:

– С чего бы это моему телефону падать в *озеро*? По пути вообще есть озера?

Халли хихикает, берет меня за руку и кладет голову мне на плечо:

– Я все поняла, миссис Коллинз. Пригодится.

– И звоните через каждые несколько часов, хорошо? – говорит ее мама, вытирая слезы. Она протягивает руку и убирает волосы с глаз Халли.

– Да. Обещаем.

После той игры мы сказали родителям, что мы пара, и… сначала они были, мягко говоря, в шоке. Они, очевидно, думали, что Халли будет встречаться с Илаем, но, конечно, сразу же нас приняли. Хотя отец Халли отвел меня в сторону и наказал мне присматривать за его маленькой девочкой, и пригрозил, что, если я когда-нибудь причиню ей боль, он знает, где я живу.

Честно говоря, это было немного пугающе. Но я, конечно, не беспокоюсь, потому что я никогда не причиню вреда Халли.

Попрощавшись по меньшей мере дюжину раз с нашими матерями, которые обнимаются и плачут, и пожав руку моему отцу и мистеру Эдвардсу, мы направляемся к моему брату.

Халли подходит к Илаю, и я вижу, как она смахивает слезы и крепко обнимает его за шею:

– Я люблю тебя, Илай. Спасибо тебе за то, что ты был моей опорой.

Ее слова звучат едва ли громче шепота, но они поражают меня прямо в грудь.

Одно время я думал, что, возможно, даже буду ревновать Халли к Илаю, хоть и не хотел этого признавать. Но как же я рад, что они лучшие друзья. Я рад, что у Халли есть кто-то еще, кто заботится о ней и сделает ради нее что угодно.

– И я тебя, Хал. Я всегда с тобой. Ты знаешь, где меня найти, – он улыбается.

Закатив глаза, я жду, пока Халли высвободится из его объятий, затем наступает моя очередь хлопнуть его по спине и обнять.

– Скоро увидимся, братишка. Держись подальше от неприятностей.

Он усмехается:

– Я? От неприятностей? Я самый умный и красивый из нас двоих, если ты вдруг забыл.

– Да как я мог, – ухмыльнувшись, я возвращаюсь к фургону и открываю дверцу для Халли, помогая ей забраться внутрь. Затем, махнув рукой в последний раз, я сажусь на водительское сиденье и захлопываю дверь.

– Готов? – спрашивает она.

Протягивая руку, я переплетаю наши пальцы и киваю:

– Я готов на все с тобой, крошка Халли.

И мы с моей девушкой выезжаем на шоссе, в город, в котором я никогда не был, в новое место, которое мы создадим сами.

Мы многому научились вместе, но самый важный урок них заключается в том, что дом – это не «где», а «кто».

Дом там, где Халли Джо Эдвардс.

notes

Примечания

1

Драмиона (англ. *Dramione*) – название, состоящее из частей имен персонажей из книг о Гарри Поттере – Драко Малфоя и Гермионы Грейнджер. В среде фанатов популярна сюжетная линия о романтических отношениях этих героев, которая часто фигурирует в фанфиках.

2

Эд и Лоррейн Уоррен – супружеская пара, американские исследователи паранормальных явлений.

3

Питчер (англ. *pitcher*) – игрок в бейсболе, подающий мяч. Часто именно успех питчера определяет итог мачта, поэтому питчер считается главным и наиболее высокооплачиваемым игроком в команде.

4

“Call her Daddy” («Назови ее папочкой») – популярный подкаст на Spotify, в котором поднимаются темы отношений, гендерных ролей, психического здоровья. Создатель и ведущая подкаста, Александра Купер, часто приглашает знаменитостей или экспертов в различных областях.

5

Эпипен (англ. *Epi Pen*) – автоинъектор эпинефрина, препарат экстренной помощи для купирования приступов тяжелой аллергии.

6

Домашняя база, дом (англ. *home plate*) – одна из четырех баз (точек поля). На ней отбивают подачи, также она служит отправной точкой для перемещения игроков по другим базам.

7

Боди-шот (англ. *body shot*) – популярное развлечение в барах или на вечеринках, когда в подаче шотов текилы участвует тело человека (обычно девушки), например, рюмка зажата между грудей, также с тела слизывают соль.

8

«Зеленый-красный», «зеленый свет, красный свет» (англ. *“red light, green light”*) – игра, в которой парень проводит рукой по ноге девушки как можно выше («зеленый свет»), пока кому-то из партнеров станет некомфортно («красный свет»).

9

Кэтчер (англ. *catcher*) – игрок в бейсболе, принимает мяч, поданный питчером.

10

Бейсмен (англ. *baseman*) – игрок бейсбольной команды, располагающийся на третьей базе.

11

«Огненный шар» (англ. *“Fireball”*) канадский пряный и жгучий виски с корицей.

12

“Matchbox 20” (“Matchbox twenty”) – рок-группа из Флориды; первый альбом вышел в 1996 году.

13

Розуэльский инцидент, Розуэлльское крушение НЛО (англ. *Roswell incident*) – городская легенда о крушении НЛО в Розуэлле (штат Нью Мексико) в 1947 году.

14

Иннинг (англ. inning) – период в бейсболе. Игра обычно состоит из девяти иннингов.

15

Чемпионские перстни (англ. *Championship rings*) – награда, которую получают члены команды победителей американских турниров в различных видах спорта.

16

В спорте «скауты» – специалисты, которые посещают матчи в поисках молодых талантливых игроков.

17

The Conspiracy files («Конспирологические материалы») – шоу на канале BBC о теориях заговора, НЛО и т. д. В России не выходило и не переводилось.

18

DARE (Drug Abuse Resistance Education, дословно переводится как «Обучение по сопротивлению злоупотреблению наркотиками») – образовательная программа в США, направленная на борьбу с употреблением наркотиков, алкоголя и насилием среди молодежи.

19

Посетители бара делают «стойку на кеге» (англ. keg stand). Кег – бочка с пивом, человек встает на руки, держась за ее края, а другие люди поддерживают его за ноги. В таком положении он пьет пиво из крана как можно дольше.

20

Филдер (англ. *fielder*) – игрок бейсбольной команды, играющий в аутфилде, т. е. внешней части поля.

21

Желейный шот (англ. *Jello shot, Jell-O shot*) – угощение из алкогольных напитков (обычно водки) с добавлением желатина, фруктовых соков и других ингредиентов.

22

Дагаут (англ. *dugout*) – зона на бейсбольном поле, в которой находятся скамейки для запасных игроков, тренеров и другого персонала. Обычно располагается ниже уровня поля, чтобы у зрителей был достаточный обзор домашней базы.

23

Фредди и Майкл – персонажи американских фильмов ужасов: Фредди Крюгер (серия фильмов «Кошмар на улице Вязов») и Майкл Майерс (серия фильмов «Хеллоуин»).

24

Аутфилд (англ. *outfield*) – внешняя часть бейсбольного поля.

25

Мия Термополис (анг. *Mia Thermopolis*) – главная героиня фильма «Дневники принцессы» (2001), сыгранная Энн Хэтэуэй. Когда героиня радуется или счастлива, она делает характерный жест – вскидывает ногу.

26

Слайдер (англ. *slider*) – вид подачи в бейсболе.

27

ESPN (Entertainment and Sports Programming Network) – кабельный спортивный канал.

28

Лайн данс, линейный танец (англ. *line dance*) – вид танца, часто практикующийся в заведениях в стиле кантри. Участники выстраиваются в одну или несколько линий и синхронно исполняют танцевальные движения.

29

Чаки (англ. *Chucks* – Chuck Taylor All Star) – самая популярная модель обуви марки Converse.

30

Шортики в стиле Дейзи Дьюк (англ. *Daisy Dukes*) – очень короткие джинсовые шорты, которые обычно ассоциируются со стилем кантри. Названы в честь героини сериала 1970-х-1980-х годов «Придурки из Хаззарда» (“The Dukes of Hazzard”). Дейзи Дьюк (Daisy Duke), сыгранная актрисой Кэтрин Бах, отличалась дерзким и ярким стилем и носила короткие джинсовые шорты, ставшие ее фирменным элементом одежды.

31

Заключенные в американских тюрьмах носят робы оранжевого цвета

32

Semi-Charmed Life – трек группы Third Eye Blind 1997 года в жанре альтернативный рок.

33

Буден-боллы (англ. *boudin balls*) – закуска, популярная в южной кухне США, особенно в Луизиане. Представляет собой шарики из мяса, печени, риса с специй, обжаренные в панировке во фритюре.

34

Бейб рут (англ. *Babe Ruth*) – американский бейсболист, игравший с 1914 по 1935 год. Он играл в обеих командах, и в «Янкиз» (“*Yankees*”) и в «Брейвз» (“*Braves*”).

35

«Три балбеса» (англ. Three stooges) – трио американских комедийных актеров, выступавших в жанре скетчей с 1920-х по 1970-е годы.

36

Хью Хефнер (англ. *Hugh Hefner*) – основатель и редактор журнала «Плейбой».

37

Рокки Бальбоа (англ. *Rocky Balboa*) – персонаж серии фильмов «Рокки», сыгранный Сильвестром Сталлоне.

38

Призрачные приключения (англ. *Ghost Adventures*) – американский сериал о паранормальных явлениях, первая серия вышла в 2008 году.

39

В оригинале – Slip ‘ N’ Slide – надувная дорожка для скольжения которая поливается мыльной водой или, частый атрибут как детских игр, так и взрослых вечеринок

40

«Неразгаданные тайны» (англ. *“Unsolved Mysteries”*) – сериал от Netflix о расследовании нераскрытых дел о паранормальных явлениях

41

«Порталы в ад» (англ. Portals to Hell) – американский реалити-сериал, в котором ведущие расследуют места с паранормальной активностью. Транслировался с 2019 по 2022 год.

42

U-Haul – американская компания, предоставляющая в аренду грузовики и фургоны для переезда и транспортировки.

43

«Янкиз» (англ. Yankees) – бейсбольная команда из Нью-Йорка.